БОРЬБА ПАПЫ БОНИФАЦІЯ VIII

СЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ КОРОЛЕМЪ ФИЛИПОМЪ IV КРАСИВЫМЪ.

(Къ исторіи происхожденія такъ называемаго 70-лѣтняго вавилонскаго плѣна и послѣдовавшей за тѣмъ великой схизмы въ папствѣ).

ДУХОВНАЯ БИБЛІОТЕКА

РѢЧЬ

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА

О. Курганова

на торжественномъ собраніи Казанской духовной академіи
8 ноября 1882 года.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1882.

Цензурою дозволено. Казань 17 октября 1882 г.

Ректоръ академіи, протоіерей *А. Владиміркій.*

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Пр. В—ко, М-е г—ри и М-я г—ни!

Предметомъ для настоящей бесѣды я избралъ борьбу папы Бонифація VIII съ Французскимъ королемъ Филиппомъ IV Красивымъ. Время отъ Бонифація VIII до реформаціи, обыкновенно, причисляется историками къ переходному времени и съ этой стороны оно возбуждаетъ особенный интересъ. Одни изъ историковъ, протестантскіе и, по современной терминологіи, либеральные, видятъ здѣсь зарожденіе тѣхъ лучей свѣта, которые, расширившись и совокупясь во едино, такъ ярко впослѣдствіи заблистали въ реформаціи и теперь еще продолжаютъ яко бы благодатно сіять въ современной культурѣ. Другіе же, по преимуществу, католическіе, ультрамонтанскіе историки усматриваютъ здѣсь начало всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ „измовъ“, которые такъ страшатъ и волнуютъ настоящее время. Такъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся современныхъ католическихъ богослововъ—историковъ характеризуетъ это время такимъ образомъ.—Періодъ этотъ, говоритъ онъ, „показываетъ намъ 1) *упадокъ папской власти.* Вслѣдствіе борьбы съ императорствомъ, напослѣдокъ глубоко поврежденнымъ по винѣ его представителей, глубоко повреждено было также

и папство и принуждено примкнуть къ Франціи, которая, по причинѣ давнихъ дружескихъ отношеній къ Римскому престолу, предъявила очень высокія требованія; папы всячески стали зависимы отъ Французской политики, отъ чего произошло перенесеніе ихъ сѣдалища въ Авиньонъ. Стремленія—съ одной стороны освободиться отъ этого ига посредствомъ возвращенія въ Римъ, съ другой—укрѣпить пріобрѣтенныя для Франціи выгоды—повели къ величайшему 40-лѣтнему расколу. Но это еще болѣе ослабило вліяніе и авторитетъ апостольскаго престола, и въ нѣдрахъ самой церкви родило всяческую оппозицію, новыя ученія о ея устройствѣ и реформаторскія попытки, которыя, при возбужденіи умовъ безъ ясно сознанной цѣли и твердыхъ основаній, болѣе разрушали ее, чѣмъ созидали. И на престолѣ Петра не возсѣдали болѣе столь многіе величайшіе и благородные мужи, какъ прежде; при постоянно видоизмѣняющихся отношеніяхъ не всѣ папы могли правильно понимать свое положеніе и потребности своего времени; нѣкоторые изъ нихъ были недостойны своего званія; ихъ слабостію воспользовалась церковная оппозиція, подобно тому, какъ политически-демократическая оппозиція всегда пользуется слабыми сторонами монархіи. Уваженіе къ авторитету, съ этимъ также и свободное послушаніе, исчезали болѣе и болѣе; какъ епископы хотѣли повелѣвать папою, точно такимъ же образомъ священники—епископами, вслѣдъ затѣмъ міряне—священниками. Ослабленіе церкви въ центрѣ повело къ ослабленію ея на всѣхъ пунктахъ периферіи. Этотъ періодъ показываетъ намъ 2) *усиленіе свѣтскаго, церкви враждебнаго, понятія о государствѣ*, усиленіе государственныхъ вторженій въ церковную область. Короли болѣе и болѣе освобождались отъ водительства церкви; усвоивъ Гибеллиновскую идею о государствѣ, они считали себя выросшими изъ ея опекунства; примѣръ Филиппа IV нашелъ подражаніе и такъ образовалась постоянно увеличивающаяся пропасть между духовною и свѣт-

скою властію. Церковь должна болѣе не распоряжаться земнымъ царствомъ, а подчиняться ему; были еще толки о равноправіи, но рука уже занесена на полное подчиненіе церкви, которое не удалось тотчасъ, но могло сдѣлать успѣхи. Перестать болѣе быть третейскимъ судьею князей папа, — споры ихъ началъ рѣшать одинъ только мечъ; изсякло сознаніе единства и семейной связи христіанскихъ народовъ, — начали пріобрѣтать постоянно увеличивающуюся почву національное соревнованіе и эгоизмъ; политика совершенно отдѣлилась отъ морали и религіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и земному царству грозили новыя опасности. Въ Германіи императорская власть была сильно ослаблена, территоріальные князья были одушевлены только своекорыстіемъ; во Франціи монархія сдѣлалась превозмогающею, но также нашла обузданіе своего высокомѣрія въ Англіи, которая опять сама истощалась во внутреннихъ войнахъ. Интересъ лица повсюду противостать интересу цѣлаго, вмѣсто единства обнаружилось раздробленіе, вмѣсто по правдѣ и мирно живущихъ другъ подлѣ друга цеховъ — только враждующія между собою партіи. Государство начало увеличивать элементы, которые ему самому грозили погибелью. Ибо этотъ періодъ показываетъ намъ 3) *дерзкое высокомѣріе*, быстро овладѣвшее разнузданными умами послѣ ослабленія авторитета, — *стремленіе къ революціи*, являвшееся повсюду, если предержащія власти приходили въ смущеніе, а также не соотвѣтствовали предъявляемымъ требованіямъ; на мѣсто общаго духа выступилъ эгоистическій духъ лица, на мѣсто высшихъ идеаловъ — грубая матеріальная выгода и страсть къ пріобрѣтенію. Благодаря новымъ изобрѣтеніямъ и открытіямъ, равно какъ и классическому изученію, которое связано съ возбужденіемъ и возрастаніемъ языческаго духа и болѣе и болѣе становится общимъ достояніемъ, вторгся грубѣйшій матеріализмъ, домогающійся только земныхъ сокровищъ, знающій лишь страсть къ наслажденіямъ, забывшій небо. Въ этомъ

заключается 4) *всяческое вырожденіе и потомъ опять расширеніе научныхъ произведеній: вырожденіе,* потому что старая схоластика, вслѣдствіе погони за тонкостями и нововведеніями, ниспустилась съ своей прежней высоты, богословіе и юриспруденція окаменѣли; ибо много было богослововъ, которые духовную работу Ѳомы Аквинскаго скорѣе затемняли, чѣмъ развивали; многочисленны были правовѣды, которые не могли уберечься отъ путаницы правовыхъ понятій; *расширеніе,* потому что прибавились историческая критика, изученіе филологіи и опытныхъ наукъ, и классическое изученіе дало формѣ высшее совершенство. Но только представители вновь выдвинутыхъ областей знанія, всячески предавшись вліянію *новыхъ лжеученій,* изъ которыхъ нѣкоторыя принимали религію только за покровъ для политическихъ нововведеній, слишкомъ отдѣлились отъ преданія и церковнаго авторитета, старались оправдать отказъ должнаго повиновенія начальству. Даже 5) *ересь* носитъ *гораздо болѣе общій характеръ,* чѣмъ прежде, дѣйствуетъ сильнѣе; въ то время какъ церковь въ бывшихъ доселѣ сектахъ не имѣла еще равныхъ себѣ по роду противниковъ, образовались новыя секты, которыя напали не только на отдѣльные догматы, но на совокупность ихъ въ корнѣ; которыя пользовались въ защиту своего отрицанія истинными и мнимыми злоупотребленіями церковной жизни; которыя питали недовольство и дурачили массы девизомъ: „реформа церкви во главѣ и членахъ". Такимъ образомъ мало по малу все стало шатко, все поставлено въ вопросъ; выдвинулся индивидуализмъ, слѣдствіе—возмущенія и войны. Ложныя системы объ ограниченіи духовной власти какъ и свѣтской, объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей какъ и тѣлесныхъ старались найдти свое осуществленіе въ жизни; отдѣльныя искры соединились и скоро занялось отъ нихъ яркое пламя".

Черты періода схвачены правильно; съ ними согласится и всякій протестантскій историкъ. Разница лишь въ томъ, что то, что для паписта составляетъ

предметъ плача и воздыханій, протестанта лишь радуетъ и восхищаетъ, и наоборотъ—всякія пожеланія и вожделѣнія паписта только претятъ протестанту и составляютъ предметъ всяческихъ открещиваній. Гдѣ же правда? Въ чемъ суть дѣла? Для того, чтобы дать почуять эту правду, вовсе не слѣдуетъ описывать весь указанный здѣсь періодъ, что въ рѣчи, по моему мнѣнію, сдѣлать даже и невозможно, можетъ повести лишь къ общимъ фразамъ и широкимъ слововыраженіямъ. Описаніе отдѣльнаго явленія, отражающаго въ себѣ идею цѣлаго, можетъ ясно показать и самое цѣлое.

Папство по основной своей идеѣ представляетъ обнаруженіе и развитіе языческаго государственно-жреческаго понятія о власти. По воззрѣнію язычниковъ государство обладало безусловною властію надъ личностію подданнаго; предписанія его непреложны, законоположенія священны. Правда, по идеѣ, государство было вѣстникомъ и истолкователемъ воли божества, вслѣдствіе чего всѣ языческія государства носятъ жреческій характеръ, имѣютъ въ большей или меньшей степени форму теократіи; но такъ какъ эта воля божества въ дѣйствительности никому не была извѣстна и неоткрыта, то, понятно, государство замѣстило ее собою; оно само стало божествомъ. Римляне и выразили это воззрѣніе въ культѣ императоровъ. Такимъ образомъ государство стало религіею *надъ* религіей въ собственномъ смыслѣ. Понятно, что при такомъ воззрѣніи на государство не можетъ быть и рѣчи о той *духовной* свободѣ, которая дарована Христомъ, проповѣдана апостолами и при которой одной только и можетъ быть истинное служеніе Богу духомъ и истиною.

Начало первенства въ средѣ архіереевъ христіанской церкви покоится на политическомъ значеніи городовъ, въ которыхъ кто изъ нихъ возсѣдаетъ. Объ этомъ, какъ нельзя болѣе ясно, свидѣтельствуетъ намъ вселенское сознаніе древней единой церкви, выразившееся въ соборныхъ правилахъ. 28 правило IV все-

ленскаго собора гласитъ такимъ образомъ: „престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества: *потелику то былъ царствующій градъ* (*τῷ θρόνῳ τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης, διὰ τὸ βασιλεύειν τὴν πόλιν ἐκείνην οἱ Πατέρες εἰκότως ἀποδεδόκασι τὰ πρεσβεῖα*). Слѣдуя тому же побужденію и сто пятьдесятъ Боголюбезнѣйшіе Епископы предоставили равныя преимущества Святѣйшему Престолу новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ Царя и Сунклита, и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому, и будетъ вторый по немъ". Дѣлая это постановленіе, отцы оговорились, что они дѣлаютъ его „во всемъ послѣдуя опредѣленіямъ св. Отецъ" и „постановляютъ тожде самое", что установили и эти послѣдніе. Эта мысль о распредѣленіи преимуществъ между іерархами, сообразно политическому значенію занимаемыхъ ими городовъ, выражена также и въ апостольскихъ правилахъ, и въ опредѣленіяхъ другихъ соборовъ (см. 34 пр. апостол.; 9 пр. Ант. соб.; 36 прав. Трулл. соб.). При томъ всѣ эти постановленія, какъ видно изъ самаго текста ихъ, имѣютъ не сакраментальный характеръ, не характеръ таинства священства, а чисто каноническій, установленный для лучшаго и болѣе безошибочнаго отправленія юрисдикціи въ судѣ и управленіи.

Римскіе первосвященники отклонили отъ себя мысль отцевъ церкви о распредѣленіи „преимуществъ" (*πρεσβεῖα*) между іерархами христіанской церкви сообразно политическому значенію занимаемыхъ ими городовъ: такія преимущества ограничены и имѣютъ условный характеръ. Вопреки мысли отцевъ и смысла соборныхъ опредѣленій, римскіе первосвященники восхитили себѣ власть неограниченную и безусловную, простирающуюся, по смыслу ихъ претензій, на всю христіанскую церковь,—власть, по основнымъ своимъ чертамъ, такого же характера, какъ и власть языческихъ государей-первосвященниковъ. Но само собою

понятно, что ни сами они, ни ихъ послѣдователи никогда не обнаруживали той мысли, что власть римскихъ первосвященниковъ въ томъ видѣ, какъ они сами характеризуютъ ее и стараются проявлять, унаслѣдована ими отъ языческаго Рима; напротивъ, они всячески стараются отклонить отъ себя эту мысль и возможно гуще затушевать ее. Въ основу своихъ претензій на безусловную, неограниченную власть въ Церкви они кладутъ слѣдующее мѣсто Писанія: Ты Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ церковь мою, и врата ада не одолѣютъ Ея. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго; и что свяжешь на земли, то будетъ связано на небесахъ; и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ (Мѳ. 16, 18, 19). Чтобы понять истинный смыслъ этого мѣста Писанія, нужно разсматривать его въ контекстѣ. Выше сказано: „Пришедши въ страны Кесаріи Филипповой, Іисусъ спрашивалъ учениковъ Своихъ: за кого люди почитаютъ Меня, Сына человѣческаго? Они сказали: одни за Іоанна Крестителя, другіе за Илію, а иные за Іеремію, или за одного изъ пророковъ. Онъ говоритъ имъ: а вы за кого почитаете Меня? Симонъ же Петръ, отвѣчая, сказалъ: Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго. Тогда Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ; потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ. И Я говорю тебѣ: ты Петръ и пр. (Стих. 13—18). Смыслъ всего этого мѣста Писанія, очевидно, таковъ: Апостолъ Петръ *исповѣдалъ* Іисуса *Христомъ, Сыномъ Бога живаго.* Іисусъ одобрилъ это исповѣданіе Петра, какъ совершенно правильное, —ибо Онъ во истину Сынъ Божій, — и назвалъ его за это блаженнымъ (*μακάριος*). Блаженнымъ Петръ потому сталъ чрезъ это исповѣданіе, что произнесъ его не по внушанію плоти и крови, сущихъ въ немъ, какъ въ человѣкѣ, и присущихъ каждому человѣку,— той плоти и крови, подъ вліяніемъ которыхъ человѣкъ судитъ узко, пристрастно и превратно, — а по откро-

венію отъ Отца небеснаго, Который сообщаетъ свои откровенія людямъ только добрымъ, по истинѣ блаженнымъ (μακάριος). Но Христосъ не только ублажилъ Петра за это исповѣданіе: Онъ сдѣлалъ нѣчто еще большее. Когда Петръ произнесъ исповѣданіе: „Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго", то онъ произнесъ его не за себя только, но и за остальныхъ учениковъ Христовыхъ, ибо Спаситель ко всѣмъ имъ обратилъ вопросъ: „вы за кого считаете меня"? и молчаливое ихъ согласіе съ исповѣданіемъ Петра показывало, что и они такого же мнѣнія объ Іисусѣ, какъ Петръ. Такимъ образомъ и они въ такой же мѣрѣ могутъ быть названы блаженными, какъ и Петръ. Слѣдовательно, называя Петра блаженнымъ за произнесенное имъ исповѣданіе, Христосъ еще не отмѣтилъ Петра. Словами: „блаженъ ты Симонъ, сынъ Іонинъ", Онъ какъ бы только подтвердилъ исповѣданіе Петрово. Между тѣмъ Петръ, произнося исповѣданіе, выдѣлился изъ ряда другихъ апостоловъ своею ревностію. Спаситель не оставилъ безъ вниманія и этой черты, но въ вѣчное воспоминаніе Петрова исповѣданія перемѣнилъ его собственное имя, вмѣсто Симона назвалъ его однимъ изъ свойствъ этого самого исповѣданія—Петромъ, т. е. камнемъ, знаменующимъ непоколебимую твердость исповѣданія имени Христова въ человѣческомъ родѣ, его вѣковѣчность въ сознаніи послѣдняго. Спаситель какъ бы такъ говорилъ Петру: „Ты исповѣдалъ меня Христомъ, Сыномъ Бога живаго; хорошо ты сдѣлалъ и правильно твое исповѣданіе, которое тебѣ открылъ Отецъ мой, сущій на небесахъ. Вотъ и Я за это ублажаю тебя: въ вѣчное воспоминаніе твоего исповѣданія, Я называю тебя именемъ отъ твоего собственнаго исповѣданія, которое ты произнесъ, — я называю тебя Петромъ. А сколь цѣнно и важно то, отъ чего взято даруемое теперь тебѣ имя, такъ знай, что на немъ, на этомъ камнѣ (ἐπὶ ταύτῃ τῇ πέτρᾳ), отъ котораго и твое имя Петръ (Πέτρος), я создамъ церковь, которую и врата адовы не одолѣютъ. Такимъ

образомъ не Петръ та скала, на которой Христосъ обѣщался создать церковь свою, а Сынъ Божій и исповѣданіе сего имени въ родѣ человѣческомъ, т. е. Самъ Іисусъ Христосъ, привившій къ Себѣ искупленный Имъ родъ человѣческій. Дальнѣйшее за тѣмъ обѣтованіе о связывающихъ и разрѣшающихъ ключахъ находится въ прямой связи со всею предыдущею рѣчью. Получивъ въ лицѣ Петра отвѣтъ отъ апостоловъ, что они признаютъ его Сыномъ Бога живаго, Спаситель воспользовался этимъ случаемъ, чтобы снова и снова раскрыть имъ характеръ своего ученія и вмѣстѣ съ тѣмъ той церкви, которую Онъ имѣетъ основать, и того способа, который слѣдуетъ практиковать въ этой церкви, чтобы ввести людей въ царство небесное. Въ данномъ случаѣ рѣчь обращена къ одному Петру, такъ какъ онъ одинъ за всѣхъ произнесъ исповѣданіе Іисуса Христомъ, Сыномъ Бога живаго; но очевидно, что, опредѣляя его одного положеніе въ церкви и къ церкви, Спаситель вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялъ положеніе и остальныхъ учениковъ своихъ, такъ какъ и они вѣдь въ лицѣ Петра исповѣдали Іисуса Христомъ, Сыномъ Бога живаго. Каково же это положеніе ихъ въ церкви? Дамъ тебѣ ключи царства небеснаго и пр. Здѣсь прежде всего обращаетъ вниманіе слово: „дамъ“. Форма будущаго времени этого слова показываетъ, что Спаситель только обѣщался даровать Петру ключи, но еще не далъ ихъ. Слѣдовательно видѣть здѣсь врученіе Петру власти въ церкви по меньшей мѣрѣ преждевременно. Это врученіе ключей только еще обѣщано, но пока не исполнено. Въ данномъ случаѣ изъ текста рѣчи, разсматриваемаго въ связи съ контекстомъ, можно усмотрѣть только характеръ этихъ ключей, т. е. то, когда и какъ слѣдуетъ связывать и когда и какъ разрѣшать. Такъ какъ исповѣданіе Іисуса Христомъ, Сыномъ Бога живаго, открывается не плотію и кровію, которыя въ человѣкѣ, а Самимъ Отцемъ небеснымъ; такъ какъ, далѣе, и прираженіе къ церкви, имѣющей въ основаніи Самого

Іисуса Христа, возможно лишь чрезъ воспріятіе откровенія Отца небеснаго о имени Его единороднаго Сына, и такъ какъ, наконецъ, самое обѣтованіе ключей обусловлено именно этимъ исповѣданіемъ Сына Божія; то, очевидно, и примѣненіе этихъ ключей должно зависѣть не отъ того, какъ явитъ плоть и кровь, которыя въ человѣкѣ, а все отъ того же откровенія Отца, сущаго на небесахъ, Который являетъ вѣрующимъ и Своего Сына, иначе говоря, ключи даны для того, чтобы связывать, что слѣдуетъ связывать, и разрѣшать, что именно слѣдуетъ разрѣшать. Такимъ образомъ характеръ этой церкви, построенной на Самомъ Іисусѣ Христѣ, есть по преимуществу духовный и ключи, обѣщанные ея учителямъ и правителямъ, тоже будутъ имѣть только духовный характеръ; они будутъ лишь свидѣтельствованіемъ о правдѣ Христовой или неправдѣ людской въ средѣ членовъ церкви. Что подъ камнемъ, на которомъ Христосъ обѣщалъ создать церковь свою, слѣдуетъ разумѣть не самого Петра, а его исповѣданіе Іисуса Христомъ, Сыномъ Бога живаго, открытое ему Отцемъ небеснымъ,—исповѣданіе, которое въ лицѣ Петра произнесли и прочіе апостолы, которое, по смерти Петра и остальныхъ учениковъ Христовыхъ, будутъ произносить ихъ преемники и преемники преемниковъ въ союзѣ съ вѣрующими до скончанія вѣка,—это несомнѣнно открывается и изъ послѣдующей рѣчи Спасителя. „Съ того времени, повѣствуетъ Евангелистъ, Іисусъ началъ открывать ученикамъ своимъ, что ему должно идти въ Іерусалимъ, и много пострадать отъ старѣйшинъ и первосвященниковъ и книжниковъ, и быть убиту, и въ третій день воскреснуть. И отозвавъ Его, Петръ началъ прекословить Ему: Будь милостивъ къ Себѣ Господи; да не будетъ этого съ Тобою. Онъ же, обратившись, сказалъ Петру: отойди отъ Меня, сатана; ты мнѣ соблазнъ; потому что думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое. (Мѳ. 16, 21—23). Только-что давъ понятіе ученикамъ своимъ о характерѣ и сущности цер-

кви, которую Онъ имѣетъ создать на исповѣданіи людьми Его Божественнаго имени (открываемаго имъ Отцемъ небеснымъ), Спаситель началъ теперь открывать родъ и способъ, посредствомъ которыхъ Онъ создастъ эту церковь. Вполнѣ согласные съ сущностію и характеромъ только-что обѣтованной церкви, эти родъ и способъ основанія ея, однакожъ, показались ученикамъ его соблазнительными. И въ самомъ дѣлѣ, думали они, какъ возможно Сыну Божію, который только-что признался Себя таковымъ, пострадать и умереть, быть вмѣненну съ беззаконниками? Это несообразно и съ достоинствомъ Сына Божія, да и соблазнительно для людей. Такъ не возможно не только увѣковѣчить, но даже положить и начало той церкви, о которой только что говорилъ Христосъ. Съ точки зрѣнія людской, человѣческой это не мыслимо. Петръ, отличающійся отъ всѣхъ пламенною ревностію, и поспѣшилъ выдвинуть эту человѣческую точку зрѣнія. Не отъ себя только, а опять отъ лица всѣхъ учениковъ (мыслившихъ съ Нимъ одинаково) онъ началъ прекословить Учителю: „Будь милостивъ къ Себѣ, Господи; да не будетъ этого съ Тобою“. Вотъ это прекословіе — уже не откровеніе Отца небеснаго, а откровеніе плоти и крови, сущихъ въ Петрѣ, какъ и во всякомъ другомъ человѣкѣ, и оно, какъ таковое, заслуживаетъ не ублаженія (*μακάριος*) и не похвалы (*Πέτρος*), а порицанія; за эту человѣческую думу Петръ получилъ названіе: сатана. Его прекословіе тѣмъ болѣе заслуживаетъ такого названія, что въ немъ высказывается не столько забота объ Учителѣ (хотя бы и человѣческая), сколько о себѣ, о тѣхъ ключахъ и связанномъ съ ними его положеніи въ церкви, которые онъ понялъ плотски, человѣчески, совершенно въ противоположномъ смыслѣ духу устрояемой Христомъ церкви. И вслѣдъ за этимъ, обратившись уже ко всѣмъ ученикамъ своимъ, — ибо вѣдь и они мыслили подобно Петру и что сказано доселѣ Петру, въ одинаковой мѣрѣ относится и ко всѣмъ имъ, — Спаситель сталъ имъ еще

яснѣе и прямѣе раскрывать духовный характеръ своей церкви, противоположный характеру мірскихъ царствъ, и духовный способъ спасенія душъ, совершенно противоположный тому способу, который доселѣ считался единственно возможнымъ, да еще и считается таковымъ людьми. Такимъ образомъ, и изъ продолженія рѣчи Спасителя явствуетъ, что Онъ говоритъ о Себѣ и о исповѣданіи Его людьми Сыномъ Божіимъ, какъ незыблемомъ основаніи церкви, а не о Петрѣ, какъ бы слѣдовало, если подъ камнемъ, на которомъ будетъ воздвигнута церковь, разумѣть его; что Петръ самъ по себѣ лишь на столько участвуетъ въ основаніи церкви, на сколько и остальные ученики Христовы, на сколько будутъ участвовать ихъ преемники и послѣдователи,—исповѣданіемъ Іисуса Христомъ, Сыномъ Бога живаго: но что на Петрѣ, какъ лицѣ, человѣкѣ, даже и не мыслимо построить такое вѣковѣчное зданіе, какъ церковь, ибо въ немъ возможны не только откровенія Отца Небеснаго, но и откровенія плоти и крови, за которыя онъ заслужилъ названіе сатаны. — Римскіе первосвященники даютъ иной смыслъ этому мѣсту Писанія. Слова Спасителя: „Ты Петръ“ и пр. они выхватываютъ внѣ связи съ предыдущею и послѣдующею рѣчью и толкуютъ такъ, что здѣсь Онъ *далъ* Петру власть надъ всею церковію; что эта власть его безусловна, всеобъемлюща; что остальные апостолы получили свою апостольскую и священническую власть уже не отъ Самого Христа непосредственно, а отъ Петра; что на этой власти покоится все зданіе церкви, ея ученіе или догматы вѣры и ея единство; что, слѣдовательно, безъ нея церковь безспорно рушилась бы. Такое искаженіе рѣчи Спасителя и преувеличеніе правъ апостола Петра потребовалось Римскимъ первосвященникамъ вовсе не изъ какого либо пристрастія къ личности апостола Петра,—такого пристрастія не требовалось ни съ какой стороны, — а единственно изъ непомѣрнаго пристрастія къ самимъ себѣ, къ своей собственной вла-

сти. Безпорною и всѣми признаваемою была истина, что они наслѣдники апостола Петра и преемники его власти. Но это наслѣдство ничѣмъ бы ни отличило и не возвысило ихъ сравнительно съ прочими епископами, если оставить его въ его настоящемъ видѣ; въ интересахъ собственной власти слѣдуетъ раздуть его до неимовѣрныхъ предѣловъ, и вотъ Римскіе первосвященники совершили первый подлогъ, истолковавъ означеннымъ образомъ, вопреки тексту Писанія и толкованіямъ Отцевъ, указанное мѣсто Евангелія. За этимъ первымъ подлогомъ послѣдовала масса другихъ подлоговъ, разоблаченіе которыхъ въ настоящее время составляетъ обширную многотомную литтературу. Всѣ они внушаютъ своимъ читателямъ на разные лады одну мысль, что власть папы, унаслѣдованная ими отъ Петра, безусловна и рѣшительна, простирается на всю вселенскую церковь. Дѣйствіе ихъ должно было быть тѣмъ сильнѣе, что они въ качествѣ каноническихъ сборниковъ и разныхъ обязательныхъ декретовъ божественнаго характера получили оффиціальное значеніе. Варварство запада могло лишь содѣйствовать распространенію и укорененію идей этихъ подлоговъ. Кромѣ того еще и папы въ буквальномъ смыслѣ ежечастно повторяютъ свой подлогъ въ издаваемыхъ ими разныхъ граматахъ и буллахъ и стараются всѣмъ внушить его какъ непреложную, Самимъ Христомъ изрѣченную истину (1). Такимъ образомъ твердо укоренилось среди папистовъ положеніе: L'église c'est pape. Plenitudo potestatis sedis apostolicae устранила

(1) Эту теорію о своей власти папы расписываютъ не только тѣмъ, которые вѣруютъ въ нихъ, но и всѣмъ, справедливо отвергающимъ ихъ власть. 6 янв. 1848 г. папа IIій IX расписалъ эту теорію въ своемъ посланіи къ Восточн. патріархамъ, но получилъ должный отвѣтъ, въ которомъ для характеристики папства въ отличіе отъ православія замѣчательны, по моему мнѣнію, слѣдующія слова: «Папа, говорятъ патріархи, не апостольскимъ исповѣданіемъ своимъ украшаетъ свой престолъ, но апостольскимъ престоломъ старается подтвердить свое достоинство, достоинствомъ же подтвердить свое исповѣданіе», тогда какъ Отцы церкви, исторія и вселенскіе соборы «поучаютъ насъ, чтобы мы не по престолу

съ земли власть даже Самого Бога. Папство стало культомъ надъ всѣми другими культами.

Трагичны послѣдствія такого папскаго культа. Прежде всего ученіе о неограниченной власти папы уничтожаетъ ту духовную свободу въ человѣкѣ и вмѣстѣ все духовное его существо, которыя возрождены въ немъ Спасителемъ міра. Въ самомъ дѣлѣ, какой могутъ имѣть смыслъ подобныя изрѣченія Писанія: Призванный въ Господѣ есть свободный Господа. Вы искуплены дорогою цѣною; не дѣлайтесь рабами человѣковъ (1 Кор. 7, 22. 23), Духовный (человѣкъ) судитъ о всемъ, а о немъ судить никто не можетъ (1 Кор. 2, 15). Къ свободѣ призваны вы, братія (Гал. 5, 13). Познайте истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными (Іоанн. 8, 32). Законъ положенъ не для праведника (1 Тим. 1, 9). Должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ (Дѣян. 5, 29; 4, 19). Изслѣдуйте Писанія; ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную (Іоанн. 5, 39) и пр. и пр.; если все должно умолкать предъ папскимъ рѣшеніемъ, опредѣленіемъ, запрещеніемъ и т. д.? Насколько власть ключей, дарованная Спасителемъ Петру и остальнымъ апостоламъ, а въ лицѣ ихъ—и ихъ преемникамъ, понимаемая въ ея истинномъ, духовномъ смыслѣ, укрѣпляетъ и ограждаетъ духовную свободу человѣка, просвѣщаетъ и исцѣляетъ его умъ и совѣсть, вообще необходима для его спасенія, въ такой же мѣрѣ, наоборотъ, папское всевластіе уничтожаетъ все это, поглощаетъ и свободу, и совѣсть, и самый человѣческій разумъ. Увѣровавшій въ папство сдѣлался полнымъ рабомъ его, отрекшимся отъ всѣхъ нравственныхъ принциповъ человѣка. Умалчиваю о матеріальномъ гнетѣ, какой ввело папство надъ подчинившимися его игу вѣрующими. Виды его весьма многочисленны и разнообразны.

судили о православіи, но о самомъ престолѣ и сидящемъ на престолѣ — по Божественнымъ Писаніямъ, по соборнымъ уставамъ и опредѣленіямъ, и по вѣрѣ, всѣмъ проповѣданной, т. е. по православію непрерывнаго ученія.

АКАДЕМ

Вторымъ слѣдствіемъ неограниченной власти папъ явилось порабощеніе государства. Въ сущности вся исторія папства, и даже до настоящаго времени, представляетъ одну сплошную борьбу его съ государствомъ изъ-за власти. Сущность ученія папъ объ отношеніи своей власти къ государственной заключается въ слѣдующемъ. Апостолъ Петръ получилъ отъ Іисуса Христа власть не только въ духовныхъ дѣлахъ, но и во временныхъ, свѣтскихъ, и все это по наслѣдству передалъ папѣ. По воззрѣнію Григорія VII Гильдебранда, осуществленіе царства Божія на землѣ возможно лишь тогда, когда вся земная жизнь, свѣтская и духовная, будетъ подчинена „намѣстнику Бога", т. е. папѣ. Всѣ христіанскіе народы, по его мнѣнію, должны составлять одну семью, которая чтитъ папу, какъ всеобщую верховную главу на мѣсто Христа. Поэтому послушаніе государей папѣ Григорій понималъ въ смыслѣ вассальномъ. Для лучшаго выясненія своихъ воззрѣній на отношеніе папской власти къ свѣтскимъ государямъ онъ приравнивалъ власть папы къ солнцу, а власть государей—къ лунѣ, свѣтящей заимствованнымъ отъ солнца свѣтомъ. Чтобы сильнѣе выставить превосходство священства предъ царствомъ, онъ утверждалъ даже такія мысли: „духовная власть установлена Богомъ, напротивъ свѣтскія власти произошли отъ людей, даже отъ такихъ, которые не знали Бога, и поэтому только справедливо, что послѣднія подчиняются первой. Кто не знаетъ, что короли и герцоги ведутъ свое начало отъ такихъ, которые, не имѣя познанія о Богѣ, захватили господство надъ себѣ подобными, по наущенію діавола, гордостію, грабежемъ, вѣроломствомъ, убійствами и всякаго рода пороками?" Отъ государей онъ требовалъ такой присяги: „съ этого часа я обѣщаюсь быть вѣрнымъ апостолу Петру и его намѣстнику, теперешнему папѣ, и что онъ мнѣ предпишетъ подъ формулой per veram obedientiam, исполню точно... Также я съ Божіей помощію буду надлежаще чтить и поддерживать св. Петра, и во всякое время, повсюду, гдѣ я встрѣчусь съ папой, обѣщаюсь служить св. Петру и

ему (per manus meas miles S. Petri et illius efficiar).

Иннокентій III относительно правъ своего престола на участіе въ выборахъ императоровъ утверждалъ, что „это дѣло принадлежитъ апостольскому престолу principaliter и finaliter; principaliter, потому что имъ перенесено императорское достоинство съ Востока на Западъ; finaliter, потому что онъ даруетъ императорское достоинство“, и согласно этой теоріи повелъ себя въ дѣлѣ спора Филиппа Швабскаго съ Оттономъ IV изъ партіи Вельфовъ, рѣшивъ споръ въ пользу Оттона, которому онъ вручилъ императорскую корону. Когда же противъ такого вмѣшательства папы въ дѣла имперіи воспротестовали не только сторонники Филиппа (Гибеллины), но даже многіе изъ партіи Вельфовъ, то Иннокентій III поспѣшилъ имъ разъяснить свое право въ декреталіи Venerabilem такимъ образомъ: „Онъ, говоритъ здѣсь папа, ни малѣйше не думалъ нарушать право Нѣмецкихъ князей избирать короля, который послѣ долженъ быть императоромъ, ибо онъ знаетъ, что это принадлежитъ имъ съ давнихъ временъ и главнымъ образомъ благодаря содѣйствію апостольскаго престола, который перенесъ Римское императорство съ Грековъ на Германцевъ. Но также и князья должны признать, что папѣ слѣдуетъ испытывать лице, избранное въ короли и предназначенное въ императоры, потому что вѣдь онъ имѣетъ помазывать, посвящать и короновать это лице. Испытаніе всецѣло принадлежитъ тому же, кому принадлежитъ и рукоположеніе (напр. при посвященіи священниковъ); иначе вѣдь было бы возможно, что папа обязывался бы посвящать и короновать какого нибудь святотатца, или отлученнаго, или еретика, или язычника, въ случаѣ, если князья изберутъ такого. А его легатъ не выступилъ въ качествѣ избирателя, ибо вѣдь онъ въ дѣйствительности никого не выбралъ и не подстрекалъ выбирать кого либо; но онъ также велъ себя и не какъ судья (cognitor), потому что quo ad factum не утверждалъ или отвергалъ ни выборъ Оттона,

ни выборъ Филиппа, а исполнилъ должность провозвѣстника (denunciatoris) и объявилъ (denunciavit) лице герцога Швабскаго недостойнымъ, а лице короля Оттона достойнымъ носить императорскую корону, не въ разсужденіи къ избирателямъ, а по причинѣ личныхъ качествъ избранныхъ. А что въ возбудившемъ расколъ выборѣ папа, послѣ увѣщаній къ согласію и долгихъ ожиданій, долженъ наконецъ обратить свое благоволеніе къ какой нибудь сторонѣ, особенно когда отъ него требуютъ помазанія и пр.,—оба противника, и Филиппъ, и Оттонъ, не однократно высказывали это желаніе,—то это очевидно ex jure et exemplo. Ибо, если князья, не смотря на всѣ увѣщанія, не могутъ соединиться, то отсюда еще не слѣдуетъ, что это должно наносить ущербъ апостольскому престолу, который нуждается въ адвокатѣ и защитникѣ (probatio ex jure). Такъ уже и прежде также папа рѣшилъ споръ между Лотаремъ и Конрадомъ III въ пользу перваго“ (probatio ex exemplo). Изъ этого отвѣта прежде всего каждый легко можетъ видѣть, что Иннокентій III обладалъ способностію придумывать юридическія клаузы. Онъ охотно отрекается отъ роли избирателя или даже судіи. А затѣмъ сущность дѣла остается таже, онъ хочетъ розыгрывать роль денунціатора въ провозглашеніи императоровъ. Это принадлежитъ ему и ex jure и ex exemplo, и князья должны съ этимъ согласиться, если войдутъ въ суть его аргументаціи, а не войдти, по его мнѣнію, нельзя. Итакъ безусловное ихъ подчиненіе волѣ папы при выборѣ императора требуется и правомъ и примѣрами прошлаго.

Кромѣ права рѣшать выборъ государей, Иннокентій III старался обосновать и право папъ вмѣшиваться во всѣ внутреннія и международныя ихъ отношенія. Оправдывая свое вмѣшательство въ распрю Французскаго короля Филиппа Августа съ Англійскимъ королемъ Іоанномъ Безземельнымъ, онъ писалъ ко всѣмъ епископамъ Франціи въ 1204 году, что „онъ никоимъ образомъ не желаетъ ослаблять юрисдикцію

Французскаго короля (надъ его вассалами) и думалъ судить не de feudo, а только de peccato. Никому не должно быть не извѣстно, что къ должности папы относится право порицать каждаго христіанина за смертный грѣхъ и, если нужно, наказывать, даже королей. А въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ о грѣхѣ, именно о вопросѣ: нарушена ли клятва мира и договора, или нѣтъ. Поэтому на аббата Казеаріо (папскаго легата во Франціи) возложено порученіе побудить короля къ заключенію новаго мирнаго договора съ Іоанномъ или къ вѣрному храненію прежняго; въ случаѣ же, если это не будетъ достигнуто, то пусть король дозволитъ по крайней мѣрѣ изслѣдовать аббату купно съ архіепископомъ Буржскимъ, основательны ли жалобы Англійскаго короля противъ него, или нѣтъ". Въ точно такомъ же смыслѣ папа писалъ также и къ самому аббату Казеаріо. Такимъ образомъ, изъ этихъ писемъ Иннокентія съ несомнѣнностію должно явствовать, что папа имѣетъ право вмѣшиваться во всѣ внутреннія и внѣшнія отношенія государствъ, такъ какъ нельзя найдти ни правительства безъ ошибокъ, ни стоящихъ во главѣ ихъ правителей безъ грѣха.

Иннокентій III твердо держалъ теорію Григорія Гильдебранда о двухъ небесныхъ свѣтилахъ, какъ точно выражающую отношенія двухъ властей, церковной и гражданской, равно и другую теорію о двухъ мечахъ, построенную папами на случайномъ фактѣ, передаваемомъ евангелистомъ Лукою (22, 38) и не имѣющемъ никакого отношенія къ разсматриваемому вопросу. Папа Григорій IX кратко высказываетъ эту теорію въ письмѣ къ Константинопольскому патріарху Герману II отъ 18 мая 1233 г. такимъ образомъ: церковь получила отъ Христа два меча, матеріальный и духовный, но только сама она носитъ послѣдній мечъ, тогда какъ первымъ управляетъ по ея мановенію воинъ. Это мановеніе папъ всегда направлялось къ тому, чтобы возбуждать однихъ князей, признающихъ ихъ власть, противъ другихъ, которые почему

либо отвергали ихъ власть или поступали не совсѣмъ по ихъ мановенію. Григорій IX былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ возбудителей войнъ въ этомъ смыслѣ. Между массою его зажигательныхъ писемъ есть не мало такихъ, въ которыхъ онъ, подъ обѣщаніемъ полнаго отпущенія всякихъ грѣховъ, возбуждалъ западныхъ схизматическихъ государей къ непрерывной войнѣ противъ православныхъ Болгаръ и Грековъ и къ ихъ совершенному истребленію. Императоръ Фридрихъ II, которому этотъ папа всячески вредилъ и доказывалъ, при указаніи на donatio Constantini, что короли и императоры безусловно обязаны повиноваться апостольскому престолу, тогда какъ самъ этотъ престолъ никѣмъ судимъ быть не можетъ, находился подъ отлученіемъ почти во все время его понтификатствованія за то главнымъ образомъ, что не воевалъ противъ невѣрныхъ и даже заключалъ съ ними договоры.

Въ іюнѣ 1245 г. Иннокентій IV собралъ въ Ліонѣ соборъ, считаемый папистами XIII всел. соборомъ. На третьемъ засѣданіи этого собора, состоявшемся въ іюлѣ мѣсяцѣ, папа съ полною соборною торжественностію возобновилъ отлученіе на Фридриха II въ такой формѣ: „По причинѣ этихъ и многихъ другихъ беззаконій, и послѣ зрѣлаго обсужденія съ нашими братьями и святымъ соборомъ, мы, какъ намѣстникъ Христа на землѣ, объявляемъ упомянутаго князя, какъ связаннаго его грѣхами, лишеннымъ отъ Бога всякой его чести и достоинства, и возвѣщаемъ это и низлагаемъ его настоящею сентенціей. Всѣхъ, которые дали ему присягу вѣрности, мы разрѣшаемъ отъ нея на всегда и, въ силу апостольскаго авторитета, воспрещаемъ всякому подъ страхомъ отлученія, впредь слушаться его какъ императора и короля. Обладающіе правомъ избирать новаго императора пусть изберутъ другаго“. „Эти и многія другія беззаконія“, за которыя Фридрихъ отлученъ отъ церкви и лишенъ императорскаго достоинства, суть слѣдующія: а) онъ велъ войны и заключалъ договоры по своему собствен-

ному усмотрѣнію, а не по указанію папы; b) совершилъ святотатство—наказывалъ провинившихся епископовъ и клириковъ своего государства; c) заподозрѣнъ въ ереси. Что онъ еретикъ, въ доказательство этого папа выставилъ слѣдующіе пункты: Фридрихъ пренебрегалъ отлученіемъ и интердиктомъ, заключилъ дружбу съ Сарацинами, обмѣнялся съ ними подарками, терпимо относится къ ихъ обряду, по Сарацинскому обычаю поставилъ евнуховъ блюстителями своихъ женъ, по договору съ султаномъ въ Іерусалимѣ уступилъ ему тамошній храмъ Божій для превращенія въ мечеть, недавно совершенно дружественно и торжественно принялъ пословъ Египетскаго султана, послѣ того какъ этотъ послѣдній страшно опустошилъ св. Землю, злоупотреблялъ Сарацинами для угнетенія христіанъ, выдалъ дочь свою за Никейскаго императора Ватація, этого врага церкви... Таковы безспорные признаки уклоненія Фридриха въ ересь! Въ сущности этотъ третій пунктъ тожественъ съ первымъ: Фридрихъ виновенъ предъ папствомъ въ томъ, почему онъ не велъ, по требованію папъ, кровавой борьбы съ Сарацинами и другими завзятыми врагами папства, а заключилъ съ ними выгодные для обѣихъ сторонъ мирные договоры. Наконецъ d) четвертая вина Фридриха, за которую онъ отлученъ отъ церкви и лишенъ императорства, состоитъ въ томъ, что онъ якобы нарушилъ ленныя права папы въ Силиціи, леннымъ господиномъ которой считалъ себя и Фридрихъ. Одного этого постановленія собора, который паписты святотатственно присоединили къ разряду вселенскихъ, достаточно, чтобы видѣть, сколь высокомѣрный и деспотическій характеръ приняло папство!...

Но паписты находятъ возможнымъ оправдывать всю изложенную доселѣ теорію отношеній церковной власти къ гражданской, равно и папъ поступавшихъ по этой теоріи. Такъ, тотъ же самый современный католическій богословъ-историкъ, слова котораго я привелъ въ началѣ, относительно этого пункта раз-

суждаетъ такимъ образомъ.—„Послушаніе относительно свѣтской власти не безусловно; въ случаѣ нарушенія послушанія въ отношеніи къ Богу обязательно должно быть признаваемо и то, что на ряду съ свѣтской властію установлено Богомъ и духовное начальство и оно въ равной мѣрѣ имѣетъ право требовать послушанія, что духовной власти подчиняются и короли, какъ христіане, и, какъ овцы Христовы, отданы для пасенія св. Петру. Кто оспариваетъ, что онъ можетъ быть связанъ церковною властію, тотъ долженъ оспаривать также и то, что можетъ быть разрѣшенъ ею; кто оспариваетъ это, отдѣляется отъ Христа. Христіанскіе князья не могутъ быть изъяты отъ (юрисдикціи) высшей церковной власти, которая можетъ открывать имъ врата неба и запирать. Амвросій употребилъ церковную власть противъ императора Ѳеодосія, Григорій II противъ Льва III, Захарія разрѣшилъ отъ клятвы относительно Хильдерика, Григорій великій угрожалъ презрителямъ церковныхъ санкцій потерею ихъ власти. Кто презираетъ апостоловъ, тотъ презираетъ Самого Христа (Лук. 10, 16). Когда дѣло идетъ о клятвѣ, которая обязываетъ къ чему либо противорѣчащему Божественнымъ законамъ, то она теряетъ свою силу. Теперь, если преступные князья въ такой же мѣрѣ могутъ подпадать церковному отлученію, сужденіе о которомъ принадлежитъ папѣ, какъ и другіе вѣрующіе; то и они также должны подчиняться церковно-и-государственно-правовымъ его послѣдствіямъ; отлученный отъ церкви князь не можетъ оставаться владыкою христіанскаго народа, а этотъ не можетъ быть принужденъ къ общенію съ нимъ. Такъ какъ сужденіе о продолжающейся обязательности клятвы не можетъ быть предоставлено произволу отдѣльнаго лица, такъ какъ церковь въ силу своей власти вязать и разрѣшать можетъ и должна знать также и объ этомъ при соблюденіи извѣстныхъ церемоній, и такъ какъ такое рѣшеніе безпорно принадлежитъ главѣ церкви: то папы имѣли полное право объявлять, что клятва вѣрности, принесенная королямъ, по причинѣ

ихъ упорнаго пребыванія въ церковномъ отлученіи, перестаетъ быть обязательною. Клятва вѣрности, принесенная человѣку, получаетъ свою обязательную силу отъ той клятвы вѣрности, которою мы состоимъ должными Богу; клятва, принесенная человѣку говоритъ только: по силѣ вѣрности, которою я состою должнымъ Богу, и на сколько она не будетъ нарушена, я хочу быть вѣрнымъ также и тебѣ, и въ случаѣ столкновенія обязанностей, высшая относительно Бога имѣетъ преимущество предъ низшей относительно человѣка".

Неопытный читатель обольстится этою діалектической аргументаціей ультрамонтанина и найдетъ ее правильной. Таковою она и представляется съ формальной стороны. Но при внимательномъ чтеніи здѣсь открывается подтасовка понятій, логика замѣнена софистикой. Вѣрно положеніе, что клятва, даваемая подданными государю, находится въ зависимости отъ клятвы, которою они состоятъ должными Богу и въ случаѣ столкновенія обязанностей, высшая клятва относительно Бога должна имѣть преимущество предъ низшей относительно человѣка: „должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ", заповѣдали Апостолы (Дѣян. 5, 29; 4, 19). Но папистъ въ первыхъ же строкахъ своего разсужденія дѣлаетъ подлогъ: „въ случаѣ нарушенія послушанія въ отношеніи къ Богу, говоритъ онъ, обязательно должно быть признаваемо и то, что на ряду съ свѣтской властію установлено Богомъ и духовное начальство" и пр. Подлогъ здѣсь состоитъ въ томъ, что растяжимому слову: „духовное начальство" придано значеніе *всей* вселенской церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины; т. е. „духовное начальство" приравнено къ истинѣ, къ самой правдѣ Божіей. А такъ какъ у папистовъ все духовное начальство заключается въ папѣ, то онъ-то здѣсь и втиснутъ на мѣсто вселенской Христовой Церкви, которой, какъ столпу и утвержденію истины, слѣдуетъ оказывать по заповѣди апостоловъ, безусловное повиновеніе. Поэтому на приведенное положеніе паписта слѣдуетъ отвѣтить: во-

все не то слѣдуетъ обязательно принимать во вниманіе въ случаѣ столкновенія свѣтскихъ и духовныхъ должностныхъ лицъ, что на ряду съ свѣтской властію установлено Богомъ и духовное начальство, которому мы обязаны также повиновеніемъ,—въ этомъ пока никто не сомнѣвается,—а то обязательно должно быть хранимо, по прямой заповѣди Апостоловъ, что Божіе. Это-то отождествленіе Божьяго съ духовнымъ начальствомъ, которое у папистовъ все концетрируется въ лицѣ папы, т. е. отождествленіе Божьяго и даже Бога съ папою, и составляетъ тотъ адъ, который въ лицѣ папства и по сіе время ведетъ ожесточенную борьбу съ истинною Христовой церковію и съ доброй человѣческой совѣстію. Всѣ средніе вѣка преисполнены того явленія, что папы налагали и на государей и на ихъ подданныхъ самыя несправедливыя отлученія. Сознаніе правды и добрая совѣсть побуждали лицъ, обладающихъ ими, не повиноваться папѣ, и слушаться своихъ государей; демонское прельщеніе, будто велѣнія папы тождественны съ велѣніями самого Божества, должно было заставлять ихъ ослушаться государей и повиноваться папѣ. Отсюда страшныя мученія совѣсти людей правдивыхъ и совѣстливыхъ и полная разнузданность людей наживы, эгоистовъ и мошенниковъ. Вотъ въ этихъ-то случаяхъ разительнѣе всего и открывается, въ какой мѣрѣ безграничная власть папы подавляетъ совѣсть, духовную свободу и самый разумъ человѣка. Указанная подтасовка понятій проходитъ во всемъ разбираемомъ разсужденіи паписта. Само собою понятно, что и его указанія на примѣры Амвросія и т. д., если лишить ихъ этой подтасовки и разобрать съ истинно-церковной точки зрѣнія, окажутся совсѣмъ не въ пользу папства. — Кто презираетъ апостоловъ, говоритъ авторъ, тотъ презираетъ Самого Христа. Правда: но когда?—Когда они проповѣдуютъ ученіе Христово. Въ противномъ случаѣ вотъ что говоритъ апостолъ Павелъ: „если бы даже мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѳема (Гал.

1, 8). — „Князья, подверженные отлученію, должны подчиняться церковно-и-государственно-правовымъ его послѣдствіямъ". Здѣсь прежде всего авторъ-папистъ отождествилъ церковь съ папою, которому онъ приписалъ исключительное право произносить судъ объ отлученіи, но судъ котораго можетъ быть весьма не справедливъ и, слѣдов., ни для кого не обязателенъ. Изъ-за этого-то именно всегда и происходили споры. За тѣмъ, церковно-правовое слѣдствіе отлученія слѣдуетъ отличать отъ государственно-правоваго слѣдствія отлученія. Первое чисто духовное, опредѣляется духовными лицами и налагается ими. Въ предѣлахъ этого-то права и поступилъ св. Амвросій по отношенію къ Ѳеодосію. Государственно-правовое слѣдствіе отлученія устанавливается лицами государственными, слѣдовательно, прежде всего самими государями, и всегда зависитъ отъ того, на сколько они съ одной стороны считаютъ справедливыми то или другое отлученіе, а съ другой—на сколько, по ихъ разсужденію, та или другая мѣра будетъ полезна государству и благу его подданныхъ. Опредѣлять же государственно-правовое слѣдствіе отлученія духовнымъ лицамъ совсѣмъ не подобаетъ.—„Сужденіе о продолжающейся обязательности клятвы (т. е. подданныхъ въ отношеніи къ государю) безспорно принадлежитъ главѣ церкви". Совсѣмъ не принадлежитъ, и подобное утвержденіе могло произойдти только отъ смѣшенія или даже отождествленія права, которымъ живетъ и руководится въ своихъ дѣйствіяхъ государство, съ Богопочтеніемъ и догматами вѣры, составляющими душу церкви. Въ опредѣленіи, что̀ такое право, юристы еще не пришли къ полному соглашенію. Однакожъ, по моему мнѣнію, наиболѣе справедливо воззрѣніе тѣхъ юристовъ, которые опредѣляютъ его „какъ совокупность условій, поставленныхъ свободною волею человѣка, для достиженія разумныхъ цѣлей жизни, или, короче, какъ совокупность условій разумной, т. е. нравственно-доброй жизни, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и человѣческихъ обществъ". Теперь не трудно понять, какимъ обра-

зомъ клятва, приносимая подданнымъ государю, опредѣляется его клятвою, которою онъ состоитъ должнымъ Богу. Легко уразумѣть и то, гдѣ кончается повиновеніе государю и въ какихъ размѣрахъ. Если, напр., церковь осудитъ какое нибудь ложное ученіе, какъ вредное и гибельное для истиннаго Богопочтенія, а государь будетъ требовать принятія и исповѣданія этого ученія, какъ истиннаго, то, понятно, подданный и вмѣстѣ сынъ церкви обязанъ отказать государю въ повиновеніи относительно этого пункта, но только относительно этого, а не другихъ сторонъ жизни: право, регулирующее жизнь, остается въ силѣ. Такимъ образомъ, съ раскрываемой точки зрѣнія, судъ церкви простирается только на догматы вѣры и разныя стороны Богопочтенія и въ случаѣ посягательства государей на эти стороны церковной жизни рѣчь можетъ быть не о судѣ церковной власти „о продолжающейся обязательности клятвы“, — ибо съ этой стороны представители церковной власти и всѣ, слѣдующія ихъ велѣніямъ, явятся бунтовщиками и потому справедливо подвергнутся карѣ законовъ, — а о продолжающемся неповиновеніи гражданскимъ властямъ въ дѣлѣ Богопочтенія, преслѣдуемаго ими,—неповиновеніи, окончаніе котораго вполнѣ зависитъ отъ самихъ гражданскихъ властей, вслѣдствіе того ли, что они сами примутъ гонимую ими сторону Богопочтенія, или потому, что съ своей точки зрѣнія о государственной пользѣ, и ей найдутъ возможнымъ предоставить государственную свободу. Непобѣдимость и несокрушимость Христовой церкви въ томъ именно и состоитъ, что проповѣдуемое ею Богопочтеніе и ученіе вѣры ни въ какомъ случаѣ не могутъ находиться въ противорѣчіи съ государственнымъ правомъ, коль скоро это послѣднее стоитъ на высотѣ своей идеи. Клятва, которою подданные обязываются государству, не можетъ очутиться во враждѣ съ клятвою, которой они состоятъ должными Богу, доколѣ управители того и другаго учрежденій, церкви и государства, слѣдуютъ по пути правды. Такимъ образомъ, союзъ церкви и госу-

дарства свободный и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый, потому что онъ естественный (1). Все это, очевидно, находится въ прямомъ противорѣчіи съ претензіями и практикою папъ, которые всецѣло предались мірскимъ, эго-

(1) Эту-то именно сторону связи церкви съ государствомъ и раскрывали отцы и апологеты христіанства, когда раскрывали предъ правительствомъ несправедливость его гоненій, воздвигаемыхъ на христіанъ, или когда самимъ христіанамъ разъясняли, что значитъ свободное подчиненіе государственнымъ властямъ. «Что въ тѣлѣ душа, - писалъ неизвѣстный авторъ къ Діогниту, относящійся еще ко временамъ мужей апостольскихъ, — то въ мірѣ христіане. Душа распространена по всѣмъ членамъ тѣла, и христіане по всѣмъ городамъ міра. Душа хоть и обитаетъ въ тѣлѣ, но не тѣлесна, и христіане живутъ въ мірѣ, но не суть отъ міра (Ср. Іоанн. 6, 11. 14. 16). Душа, будучи невидима, помѣщается въ видимомъ тѣлѣ; такъ и христіане, находясь въ мірѣ, видимы, но Богопочтеніе ихъ остается невидимо. Плоть ненавидитъ душу и воюетъ противъ нея, ни чѣмъ не будучи обижена, потому, что душа запрещаетъ ей предаваться удовольствіямъ: такъ и міръ ненавидитъ христіанъ, отъ которыхъ онъ не терпитъ никакой обиды, — за то, что они вооружаются противъ его удовольствій. Душа любитъ плоть свою и члены, не смотря на то, что они ненавидятъ ее, и христіане любятъ тѣхъ, которые ихъ ненавидятъ. Душа заключена въ тѣлѣ, но сама содержитъ тѣло; такъ и христіане, заключенные въ мірѣ, какъ бы въ темницѣ, сами сохраняютъ міръ. Безсмертная душа обитаетъ въ смертномъ жилищѣ; такъ и христіане обитаютъ, какъ пришельцы, въ тлѣнномъ мірѣ, ожидая нетлѣнія на небесахъ. Душа, претерпѣвая голодъ и жажду, становится лучшею, и христіане, будучи наказываемы, каждый день болѣе умножаются Такъ славно ихъ положеніе, въ которое Богъ опредѣлилъ ихъ и отъ котораго имъ отказаться нельзя». — Объясняя заповѣдь апостола Петра: будьте покорны всякому человѣческому начальству для Господа, какъ свободные (1 Петра 2, 13—16), Отцы Христовой Церкви разсуждаютъ такимъ образомъ —«Подчинайтесь всякому начальству ради Господа, какъ свободные», т. е. не изъ страха, наводимаго на васъ гражданскою властію, потому что подчиняющіеся такимъ образомъ подходятъ подъ разрядъ рабовъ и оказываютъ подчиненіе, какъ рабы, опасаясь съ одной стороны наказаній владыкъ, а съ другой — каръ законовъ и во всякомъ случаѣ возбуждаемые къ подчиненію страхомъ. Подчиняющійся же ради Господа, какъ подчиняющійся Господнимъ заповѣдямъ, свободенъ отъ всякаго низкаго страха, свободенъ даже отъ подозрѣнія подвергнуться какому нибудь наказанію, которое бы служило ему побужденіемъ къ подчиненію. Облагороживая свою душу любовію къ Господу и соблюденіемъ заповѣдей, онъ такимъ образомъ и оказываетъ покорное повиновеніе человѣческому начальству. Но, чтобы кто либо не сказалъ; какимъ образомъ мы, которыхъ Христосъ явилъ свободными отъ тиранніи діаво-

истическимъ, языческимъ интересамъ, которые они преслѣдовали съ энергіей, достойной лучшаго дѣла, и если они никогда не достигали осуществленія своихъ

ловъ, искупивъ насъ своею честною кровію, и которые поэтому сдѣлались свободными, снова должны подчиняться мірскимъ властямъ?— Апостолъ прибавилъ: «будьте покорны, какъ свободные», т. е. подчиняйтесь добровольно, сознательно, по произволенію Ибо, подобно тому, какъ послушаніе рабовъ—и вынужденное и непроизвольное, такъ точно послушаніе свободныхъ и непринужденное и свободное. Итакъ, когда мы добровольно подчиняемся Господнимъ законамъ, мы этимъ болѣе укрѣпляемъ свободу, предотвращаемъ и являемъ себя достойными дара ея. Ибо мы оказываемъ честь владыкѣ, когда радостно исполняемъ законы,—свидѣтельствуемъ, что мы приняли его даръ и удивляемся его великодушію; поэтому-то и оказываемъ дателю сего дара неизрѣченное почтеніе. Да и въ самомъ дѣлѣ, не спасительно ли сохранять порядокъ въ государствѣ добровольнымъ послушаніемъ и воздавать предержащимъ властямъ по достоинству? Ибо, какъ по справедливости во всемъ являются достойными Богомъ дарованной свободы тѣ, которые обладаютъ душами, свободными отъ всякаго безпорядка и смятенія, такъ, напротивъ провозглашающіе свободу дерзко и нагло, съ обнаруженіемъ превратныхъ мыслей и въ сопровожденіи безпорядковъ, и поэтому разрушающіе порядокъ своимъ мятежничествомъ, суть рабы неразумныхъ страстей, рабы безпорядка и смятеній, измѣнники свободы и поэтому недостойны ея. Свобода для таковыхъ лицъ служитъ только ширмою ихъ лукавства и наглости». Правоученіе, вытекающее изъ разсматриваемой заповѣди Апостола есть то, чтобы быть послушными законамъ и сохранять порядокъ во всѣхъ обстоятельствахъ общественной жизни, «насколько это не наноситъ вреда Божественной любви и вѣрѣ», и чтобы быть снисходительными къ тѣмъ, которымъ ввѣрено управленіе и примѣненіе законовъ, и не презирать ихъ, хотя бы ихъ противорѣчіе истинѣ и побуждало насъ отказывать имъ въ почтеніи. «Для чего же это? — Для того, во-первыхъ, чтобы и сами разномыслящіе въ нечестіи, при видѣ нашего благомыслія, благороднаго и покорнаго образа поведенія, были пристыжены нашею жизнію и нравами; чтобы наше неповиновеніе имъ въ дѣлахъ религіозныхъ считали не упорствомъ, не свойствомъ ума непокорнаго, а дѣломъ любви къ слову Божію, къ Божественной любви и дѣйствію; чтобы трогаемые нашимъ кроткимъ и вполнѣ пристойнымъ образомъ нашего поведенія, могли также, если бы только захотѣли, взглянуть на неизрѣченную красоту нашей религіи, и чтобы, наконецъ, преисполнившись къ ней любовію, возъимѣли отвращеніе къ демонскому и идольскому служенію и промѣняли бы его на сообщество и любовь невѣсты Христовой - Церкви». «А во вторыхъ, если хочешь знать, и для того, чтобы приверженцы языческаго культа, гонящіе, преслѣдующіе и наказывающіе вѣрныхъ, не могли

претензій во всей ихъ широтѣ, то причина этого заключается въ самой природѣ вещей, именно въ томъ, что какъ бы ни пригнетали человѣка, сколько бы ни затирали его свободу, разумъ и совѣсть, сколько бы ни толковали ему, чтобы онъ и не думалъ „смѣть свое сужденіе имѣть", все-таки онъ останется человѣкомъ,— сохранитъ свободу, разумъ и совѣсть, и всегда будетъ держать свое сужденіе имѣть. Въ крайней нуждѣ короли и князья соглашались на требованія папъ, давали имъ присягу на безусловное послушаніе, такъ, какъ они хотѣли; но какъ только утверждались на престолѣ, тотчасъ же начинали поступать по своему, сообразно тому, какъ они понимали свои интересы и нужды государства.

Осуществленію папскихъ претензій, хотя бы и не въ томъ видѣ, какъ они того желали, содѣйствовало прежде всего, при общемъ ложномъ убѣжденіи въ Божественномъ происхожденіи неограниченной власти папы, слабое развитіе государственной власти въ средѣ пока еще дикихъ и мало культированныхъ народовъ Запада, господство началъ феодализма. Германская имперія представляла въ государственномъ смыслѣ чрезвычайно разнопестную и весьма мало сплоченную единицу. Всякій разъ какъ только папы вступали въ борьбу съ непослушными имъ императорами, они тотчасъ же старались указать полунезависимымъ князьямъ такіе ихъ интересы, которые совершенно противны императорскимъ, и наоборотъ—въ дѣйствіяхъ императора отыскивали такія стороны, которыя якобы крайне были опасны свободѣ князей. Движенія совѣсти,

ни относить свое гоненіе къ другимъ какимъ-нибудь причинамъ, кромѣ единой причины — самой религіи христіанской, ни привлекать въ суды, какъ бунтовщиковъ и нарушителей общественнаго порядка, и чтобы не имѣли никакого основанія принуждать насъ къ воздаянію Божескаго почтенія веществу и твари». — Какъ все это непохоже на доктрину и практику папъ, низлагающихъ королей за то, что они заключаютъ мирные договоры, выдаютъ своихъ дочерей и т. д. не такъ, какъ хотятъ папы!. .

которая, естественно, возбуждалась у совѣстливыхъ князей, успокоивали своею властію, которую они богохульно называли апостольскою. Такимъ образомъ, внутренняя смута готова: императоры были поставляемы въ затрудненіе и, если дорожили своею властію, вынуждались подчиняться. Не помогала внутренняя смута, папы старались присоединить къ ней еще внѣшнія затрудненія, возбуждали противъ императоровъ иностранныя государства. Divide et impera было дуплею политики папъ. Этимъ путемъ они держали въ уздѣ всѣ, признававшія ихъ власть государства Запада. Родъ Гогенштауфеновъ, безспорно, одинъ изъ даровитѣйшихъ царствующихъ родовъ Германіи. Но какова же его участь? Въ лицѣ послѣдняго отпрыска своего, Конрадина, онъ, благодаря очерченной политикѣ папъ, окончилъ свое царствованіе на эшафотѣ (29 окт. 1268 г.). Не сломивъ окончательно Фридриха II. папы раздавили его потомковъ.—Затѣмъ могущественнымъ средствомъ къ осуществленію папскихъ претензій было введенное папами безбрачіе клира, надѣленнаго громадными помѣстьями. Безбрачіе клира, поставленнаго въ зависимость отъ центральной власти въ Римѣ, дѣлало его безнаціональнымъ. Выше всякихъ интересовъ онъ, естественно, ставилъ и долженъ былъ ставить интересы своей корпораціи. Для него не существовало государства; онъ самъ былъ единымъ всемірнымъ государствомъ во многихъ государствахъ. Уже по самой организаціи своей онъ представлялъ силу (да и теперь представляетъ), которая являлась тѣмъ страшнѣе, чѣмъ большее вліяніе оказывала на умы. Но съ этою, такъ сказать, духовною силою связывалась еще матеріальная: многіе епископы были чистѣйшими владѣтельными князьями. Въ Германіи они и были таковыми, такъ и назывались владѣтельными духовными князьями и, какъ таковые, пользовались всѣми правами владѣтельныхъ князей въ имперіи. Къ тому же нужно еще прибавить, что какъ епископіи, такъ и разные каноникаты во всѣхъ государствахъ Западной Европы

въ изобилiи были замѣщаемы Италiянцами и находились подъ постояннымъ надзоромъ всюду сновавшихъ папскихъ легатовъ. Кромѣ клира не менѣе, если только еще не болѣе, организованную силу представляли монашескiе ордена, которые хотя и находились нерѣдко въ распрѣ между собою, но всѣ въ совокупности ревностно служили папѣ и состояли отъ него въ полной зависимости. По данному знаку изъ Рима всѣ эти организованныя силы выставляли такiя затрудненiя государственной власти, предъ которыми она невольно должна была отступать.

Но Немезида занесла свою руку и на папство, и чувствительно отомстила ему за несчастный родъ Гогенштауфеновъ.

Со времени утвержденiя въ Сицилiи Французскаго владычества въ лицѣ Карла Анжуйскаго (съ 1266 г.), стало усиливаться вліяніе Французовъ и въ конклавѣ кардиналовъ. Наиболѣе замѣтнымъ образомъ вліяніе это отражалось на выборахъ новаго папы. Уже по смерти Климента IV (въ ноябр. 1268 г.) выборы папы продолжались почти цѣлыхъ три года (2 года и 8 мѣсяцевъ). Для устраненiя всякаго посторонняго вліянiя въ конклавѣ, а также и для устраненiя безпорядковъ, неизбѣжныхъ при борьбѣ партiй, новый папа Григорiй X (избр. 1 сент. 1271 г., посвященный же и коронованный 27 март. 1272 г.) издалъ декретъ о выборахъ (на Лiонск. соб. 1274 г.), по которому кардиналы должны быть запираемы въ конклавѣ до выбора новаго папы, при чемъ, по истеченiи трехъ или пяти дней, имъ слѣдовало постоянно уменьшать пищу, такъ что наконецъ они могли получать только хлѣбъ, вино и воду. Вслѣдствiе этого послѣдующiе три выбора папъ совершились быстро. Но папа Іоаннъ XXI отмѣнилъ декретъ Григорiй X о конклавѣ, какъ жестокiй и при томъ исторгнутый вопреки волѣ кардиналовъ. Результатомъ этой отмѣны было то, что, по смерти Іо-

анна XXI (16 мая 1277 г.), выборы папы продолжались болѣе шести мѣсяцевъ; избранъ былъ Римлянинъ изъ дома Орсини (25 ноябр.), назвавшійся въ папствѣ Николаемъ III. Со времени слѣдующаго папы, Мартина IV, выборы котораго продолжались ровно шесть мѣсяцевъ (съ 22 авг. 1280 г. по 22 февр. 1281 г.), начала царить въ Римской куріи „спеціально-французская политика". Мартинъ IV, до восшествія на папскій престолъ Симонъ Бріе, былъ родомъ Французъ, безусловно преданъ Карлу Анжуйскому и, благодаря главнымъ образомъ его вліянію, достигъ папскаго трона. Неудивительно поэтому, что онъ, во все продолженіе своего понтификатствованія, употреблялъ страшныя отлученія и интердикты „апостольскаго престола" исключительно на защиту Французскихъ интересовъ; естественно также и то, что такое пристрастное отношеніе къ Французамъ не могло не обратить на себя вниманія остальныхъ государей папской Европы и не ослабить между ними вліянія папъ. Слѣдующіе папы: Гонорій IV (съ апр. 1285 по апр. 1287 г.) и Николай IV (избранный послѣ долгой борьбы въ 1288 г.), хотя не оказывали такой услужливости Французамъ, какъ Мартинъ IV, тѣмъ не менѣе и они не вполнѣ освободились отъ Французскаго вліянія, не смотря на избіеніе Французовъ въ Сициліи (въ март. 1282 г.— Сицил. вечерня) и не смотря на послѣдовавшее за тѣмъ пораженіе Карла Анжуйскаго Петромъ Арагонскимъ, плѣненіе старшаго его сына, по имени тоже Карла, и смерть его самого (7 янв. 1284 г.). Николай IV даже содѣйствовалъ освобожденію Карла II Анжуйскаго изъ плѣна и утвержденію его въ Неаполѣ на престолѣ неаполитанскаго королевства (въ 1289 г.). Это возвращеніе власти въ Италіи Анжуйскому дому снова усилило вліяніе Французовъ въ Римской куріи и не замедлило дать себя почувствовать Италіянской партіи куріаловъ.

Послѣ смерти Николая IV (4 апрѣл. 1292 г.) Италіянская и Французская партіи въ конклавѣ кар-

диналовъ противостали другъ другу съ крайней ожесточенностію и напряженностію и выборы продолжались ровно два года и три мѣсяца. Собственно Французскихъ кардиналовъ было только двое изъ двѣнадцати; остальные же всѣ были Италіанцы (6-ть изъ Рима и 4 изъ друг. мѣстъ Италіи). Но сила и вліяніе Французовъ увеличивались отъ того, что среди самихъ Италіянцевъ съ-издавна боролись двѣ знатныя и сильныя фамиліи: Орсини и Колонновъ. Понятно, что интересъ ихъ заставлялъ попеременно примыкать къ Французамъ, хотя въ сущности всѣ Италіянцы должны были не терпѣть и дѣйствительно не терпѣли иностранцевъ въ составѣ куріи, такъ какъ папская власть по преимуществу передавалась почти исключительно членамъ однихъ и тѣхъ же знатнѣйшихъ Римскихъ и Италіянскихъ фамилій; легаты, разсылаемые папами во всѣ концы міра, были большею частію изъ Италіянцевъ: даже большинство архіепископій, епископій и болѣе богатыхъ аббатствъ, каноникатовъ и приходовъ замѣщалось, какъ сказано, Италіянцами. Въ настоящій разъ одною партіей заправлялъ кардиналъ Маттео (Matteo, Matheus, Матвѣй) Россо Орсини (Rubeus Orsinus) съ своимъ племянникомъ Наполеономъ Орсини, тогда какъ другою партіей руководилъ кардиналъ-діаконъ Іаковъ Колонна съ молодымъ племянникомъ своимъ, кардиналомъ Петромъ Колонною. Современный Флорентинскій историкъ, Іоаннъ Виллани, показываетъ, что Маттео Россо старался выдвинуть кандидата, угоднаго Неаполитанскому королю Карлу II. Если это правда, то подобный фарсъ со стороны Орсини — не болѣе, какъ военная хитрость, потому что въ другихъ случаяхъ Колонны являются сторонниками Французовъ. Каждая изъ борющихся партій пускала въ ходъ всякія средства, чтобы одержать побѣду надъ противною партіей. Наряду съ интригами всякаго рода, въ которыхъ и вообще Италіянцы изощрились, а Италіянскіе кардиналы, можно сказать, достигли даже верха искусства,

вспыхивали еще кровавыя драки, кончавшіяся смертію нѣкоторыхъ изъ членовъ борющихся партій. Чтобы придти къ какому нибудь соглашенію, кардиналы перемѣщали конклавъ съ одного мѣста на другое. Но ссоры только увеличивались и дѣла ухудшались. Для ускоренія выборовъ, Неаполитанскій король Карлъ Анжуйскій думалъ-было произвести давленіе на кардиналовъ, но получилъ энергическій отпоръ со стороны кардинала Бенедикта Гаэтана (Gaetanus, Gaetano, Cajetanus, Gaufani), будущаго папы Бонифація VIII. Даже дошло до колкостей и Карлъ порѣшилъ уклониться отъ прямаго вліянія на кардиналовъ. Наконецъ, въ іюлѣ 1294 г. обѣ борющіяся партіи остановились на одномъ малоизвѣстномъ и неопытномъ въ дѣлахъ правленія пустынникѣ Петрѣ, подвизавшемся на горѣ Мурроне, что въ Абруццѣ, въ одной изъ сѣверныхъ частей Неаполитанскаго королевства: 5 іюля Петръ Мурроне провозглашенъ папою и немедленно извѣщенъ объ этомъ чрезъ депутацію. Онъ назвался Целестиномъ V и 29 августа тогоже года посвященъ и коронованъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что каждая изъ враждующихъ партій, избирая малоопытнаго Целестина, думала впослѣдствіи заправлять имъ. И дѣйствительно, какъ только Целестинъ изъявилъ свое согласіе быть папою, приверженцы Италіянской партіи тотчасъ же начали склонять его переселиться въ Римъ, гдѣ они, дѣйствуя на его благочестіе, легче могли овладѣть имъ. Но Анжуйская или Французская партія взяла перевѣсъ: Целестинъ сначала переселился въ Аквилею, а потомъ, въ концѣ октября, въ Неаполь, гдѣ и поселился въ Castel nuovo при морѣ. Разъ предавшись вліянію Французской партіи, онъ и дѣйствовать сталъ исключительно въ интересахъ Французовъ. 18 сентября онъ назначилъ 12 кардиналовъ, между которыми 7 было Французовъ. Въ тоже самое время онъ возобновилъ декретъ Григорія X о конклавѣ. Разсматриваемыя въ связи, оба эти событія не могли

не произвести непріятнаго впечатлѣнія на Италіянцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ Целестинъ назначилъ архіепископомъ Ліона сына Неаполитанскаго короля, которому едва исполнился 21 годъ. Равнымъ образомъ, и другіе приходы и бенефиціи, равно какъ разныя привиллегіи и диспенсаціи началъ щедрою рукою раздавать по указанію Анжуйцевъ, такъ что недовольные его правленіемъ стали говорить, что много онъ сдѣлалъ „отъ полноты власти", но еще болѣе „отъ полноты глупости". Наконецъ, по переселеніи въ Неаполь, онъ окончательно отстранился отъ дѣлъ правленія и все передалъ въ руки своихъ любимцевъ. Это уже переполнило мѣру терпѣнія недовольныхъ имъ кардиналовъ, тѣмъ болѣе, что отъ нихъ самихъ онъ настойчиво требовалъ строгаго образа жизни. Начали думать о его низложеніи. Но какъ это сдѣлать?—вотъ вопросъ, крайне опасный и неразрѣшимый съ точки зрѣнія папскаго права. Тѣмъ не менѣе интересы Италіянской партіи требовали немедленнаго его рѣшенія. Вслѣдствіе интригъ, какія были пущены въ ходъ, и разныхъ извѣстій относительно этого предмета, современному историку трудно прослѣдить, какъ въ дѣйствительности все это было. Сообразно общему ходу событій, все это дѣло въ наиболѣе вѣроятномъ видѣ представляется такимъ образомъ. Сначала недовольные Целестиномъ дали понять ему, что онъ рѣшительно не способенъ къ управленію и что любимцы его обманываютъ. Убѣдить его въ этомъ было не особенно трудно. Теперь, когда у него родилось сильное сомнѣніе относительно себя, какъ правительственнаго лица, разъ онъ, самъ ли собою, или, что вѣроятнѣе, его натолкнули на то другіе, прочиталъ въ одномъ юридическомъ сборникѣ, что прелатъ по уважительнымъ причинамъ можетъ отказаться отъ своей должности съ согласія своего начальника, и, примѣняя къ себѣ, началъ помышлять, нельзя ли и ему отречься отъ папства. Всѣ данныя говорятъ за то, что Целестина *навели* на эту послѣднюю мысль, тѣмъ

болѣе, что сборникъ, въ которомъ онъ прочиталъ означенное положеніе, по извѣстіямъ, составленъ имъ самимъ, и, слѣдовательно, мысль о возможности отречься *папъ* поставлять въ зависимость отъ случайнаго прочтенія въ сборникѣ правила, установляющаго условія отреченія *епископовъ*, когда это правило должно было быть извѣстно Целестину, какъ составителю сборника, и безъ случайнаго прочтенія, по моему мнѣнію, рѣшительно невозможно; въ такой же мѣрѣ легко она могла придти ему въ голову и безъ этого случайнаго прочтенія, если бы онъ дѣйствительно самъ додумался до этой мысли. Т. о. *наведеніе* на отреченіе является наиболѣе вѣроятнымъ. Какъ бы то ни было, только Целестинъ сообщилъ свое сомнѣніе и другимъ, между прочимъ и кардиналу Бенедикту Гаэтану, какъ лучшему знатоку канонической права. По увѣренію Эгидія Колонны или Римскаго, Гаэтанъ будто бы отсовѣтывалъ Целестину отрекаться. Но въ дѣйствительности безспоренъ тотъ фактъ, что онъ присовѣтовалъ Целестину, прежде чѣмъ этотъ отречется, предварительно изготовить и объявить постановленіе, что папа можетъ отречься, какъ подобное уже и сдѣлалъ папа Климентъ I еще во времена апостольскія. Вотъ это указаніе на Климента,—а не то правило объ отреченіи епископовъ, съ которыми папа, по теоріи папистовъ, никакъ не можетъ быть поставленъ на одну доску, — одно только и могло навести Целестина на мысль объ отреченіи, тогда какъ разбираемое правило о епископахъ могло лишь задавить эту мысль, если бы она и родилась, ибо кто же начальникъ надъ папою? Слухъ о намѣреніи Целестина отречься скоро распространился по городу, естественно и между Анжуйцами. Начались противодѣйствія на Целестина, просьбы не оставлять престолъ, разъясненія, что и сдѣлать-то это не возможно. Распространилась и крѣпко держалась молва, что Гаэтанъ, чтобы сильнѣе подѣйствовать на Целестина, ночью въ отверстіе его жилища воглашалъ ему

черезъ рупоръ, какъ бы это говорилъ самъ Христосъ: какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ?.. Паписты имѣютъ всѣ побужденія къ тому, чтобы относить это и другія, подобныя этому, сказанія въ область басней. Равнымъ образомъ и протестантскіе историки, чтобы показаться безпристрастными, болѣе склоняются отнести этого рода общую молву, занесенную въ лѣтописи, тоже къ разряду выдумокъ. Тѣмъ не менѣе я, не страшась показаться крайне пристрастнымъ, осмѣливаюсь въ интересѣ правды придать этой молвѣ значеніе дѣйствительности, и вотъ почему. Целестинъ, въ своей формулѣ отреченія между многими причинами, побудившими его отречься, привелъ между прочимъ свое *малознаніе* (defectus scientiae). Это сознаніе Целестина, конечно, прежде всего говоритъ въ пользу той, высказанной мною выше мысли, что онъ не самъ напалъ на мысль отречься, а его навели на это. Но затѣмъ изъ этого его сознанія вытекаетъ еще и то слѣдствіе, что онъ, сознавая свое невѣжество и некомпетентность въ данномъ случаѣ, тѣмъ самымъ вынуждался вполнѣ предаться внушеніямъ своихъ совѣтниковъ. Гаетанъ, какъ видѣли, выставилъ ему сильнѣйшія, съ своей точки зрѣнія, доказательства *за* возможность отреченія папы. Но, конечно, не дремала и противная партія, нежелавшая отреченія Целестина, — и она съ своей стороны выставила Целестину свои резоны, которые, какъ увидимъ, отличаются еще большею вѣскостію, чѣмъ резоны защитниковъ отреченія. Понятно, что Целестинъ, какъ человѣкъ малосвѣдущій, но настроенный благочестиво, не могъ положиться въ столь важномъ вопросѣ на доказательства отъ *знанія*, которое можно повернуть и въ ту и въ другую сторону; доказательство отъ *вѣры*, *откровеніе* самого *Бога* оставалось единственнымъ средствомъ дать рѣшеніе колеблющейся волѣ. Гаетанъ и употребилъ его въ формѣ устрашительныхъ возглашеній, якобы отъ лица самого

Бога, чрезъ рупоръ въ ночное время. Примѣръ Тимоѳея Элура, употребившаго подобный же пріемъ для своего возвышенія въ патріархи, могъ служить въ этомъ случаѣ Гаэтану отличнымъ указаніемъ. Послѣ такихъ угрожающихъ откровеній со стороны, какъ думалъ Целестинъ, самого Бога, онъ уже переставъ колебаться. 13 декабря 1294 года онъ призвалъ кардиналовъ на собраніе и прочиталъ имъ уже изготовленный документъ, содержащій причины его отреченія и распоряженіе о новомъ выборѣ папы. При этомъ онъ воспретилъ всякое себѣ противорѣчіе. Тогда первый кардиналъ-діаконъ, исполнявшій должность оратора за своихъ товарищей, предложилъ по крайней мѣрѣ одну только просьбу, чтобы Целестинъ объявилъ еще особой конституціей, что папа можетъ отречься и свящ. коллегія можетъ принять его отреченіе. (Итакъ, въ средѣ кардиналовъ до послѣдняго момента было сомнѣніе, можетъ ли *папа* отречься). На эту просьбу кардиналовъ Целестинъ тотчасъ же передалъ имъ требуемый декретъ, заранѣе сочиненный Бенедиктомъ Гаэтаномъ, и кардиналы приняли его отреченіе. Целестинъ скинулъ съ себя всѣ папскія и епископскія инсигніи и одежды и удалился изъ залы въ монашеской рясѣ.

Спустя 10 дней послѣ отреченія Целестина кардиналы собрались по уставу Григорія X, на конклавъ въ Неаполѣ, въ Castel nuovo, гдѣ отрекся прежній папа, и уже на слѣдующій день, 24 дек. 1294 г., былъ избранъ въ папы кардиналъ-пресвитеръ Сильвестръ Бенедиктъ Гаэтанъ, назвавшійся по избраніи Бонифаціемъ VIII. Конечно декретъ Григорія X, опредѣляющій порядокъ выборовъ папы, содѣйствовалъ ускоренію этихъ выборовъ, но выборъ Гаэтана совершился слишкомъ быстро, чтобы это могло зависѣть отъ декрета Григорія. Такимъ образомъ, мысль, что все дѣло подстроено заранѣе, является въ данномъ случаѣ самою естественною мыслію. Послѣдующія увѣренія Бонифація, адресованныя къ Французскому королю Филип-

пу, будто онъ искони любилъ Французскую націю, и тогда еще, когда былъ кардиналомъ, и получилъ даже за это отъ своихъ собратій упрекъ въ пристрастіи къ ней, конечно, не могутъ быть отнесены къ тому времени, когда онъ, противодѣйствуя Французамъ, разсорился съ Карломъ II Анжуйскимъ, а должны быть отнесены къ какому нибудь другому времени и, по соображеніи обстоятельствъ, невольно наводятъ на мысль, не было ли это прикидываніе дружбы съ его стороны къ Французамъ при отреченіи Целестина и выборѣ въ папы его самого?...

Не буду дѣлать его характеристики, полагая, что лучшею характеристикою послужатъ его собственныя слова и дѣла. Для настоящаго раза замѣчу только, что онъ былъ уменъ и ловокъ, и хотя замѣченъ въ безпорядочной жизни и даже въ ереси, но это было потушено и скрыто. По отцу родомъ изъ Испаніи, по матери онъ состоялъ въ родствѣ съ знаменитѣйшими папами: Иннокентіемъ III, Григоріемъ IX и Александромъ IV. Достигнувъ папскаго трона указаннымъ образомъ, онъ имѣлъ всякое намѣреніе идти по стопамъ своихъ великихъ предковъ—папъ, знаніе каноническаго права съ точки зрѣнія папской идеи настроивало его на этотъ ладъ, сознаніе избытка духовныхъ силъ въ себѣ толкало его на путь прежнихъ папъ. Но обстоятельства сложились другія.

Немедленно послѣ своего избранія, Бонифацій отмѣнилъ всѣ пожалованія бенефицій своего предшественника, казавшіяся вредными для Римской церкви и послужившія причиною низложенія послѣдняго,— затѣмъ изъ Неаполя переселился въ Римъ и 16 янв. 1295 г. былъ посвященъ и коронованъ. На слѣдующій день, 17 янв., онъ издалъ первую свою энциклику (Gloriosus et mirabilis), извѣщающую католическій міръ о вступленіи его на престолъ. Послѣ очень длиннаго и крайне напыщеннаго приступа, въ которомъ восхваляется несокрушимость церкви среди всяческихъ гоненій, бурь, невзгодъ, непогодъ и напора волнъ, въ

словахъ высокопарныхъ и надутыхъ, Бонифацій разсказываетъ исторію своего возвышенія на папскій тронъ. „Когда Римская церковь, говоритъ онъ здѣсь, стала по истинѣ вакантною, потому что возлюбленный сынъ братъ (filius frater) Петръ изъ Мурроны оставилъ престолъ свободно и добровольно, самъ учинилъ отреченіе предъ достопочтенными братьями епископами и возлюбленными сынами нашими пресвитерами и діаконами кардиналами, сколько ихъ тогда было, по причинамъ совершенно разумнымъ и законнымъ, и потому, что сказанные кардиналы допустили оное отреченіе, какъ совершенно законное, дѣяніями первыхъ первосвященниковъ и конституціей весьма ясно показываемое, и при томъ же присовокупили еще нарочито высказанное согласіе (expressus assensus); то, весьма тщательно обсудивъ, сколь много вреда принесетъ съ собою продолжительное вдовство (vacatio) помянутой церкви, оные кардиналы“ собрались (23 дек.) на конклавъ и на слѣдующій же день избрали его, Бонифація, возложивъ на него апостольское иго, и онъ, чтобы „не показаться противящимся волѣ Божіей“ и „отказомъ своего согласія не обратить согласныя сердца избирателей къ разногласію“, принялъ это иго. Во внимательномъ и интересующемся дѣлами церкви читателѣ эта энциклика папы могла только возбудить сомнѣніе, но не успокоить. Общія и дутыя фразы громко звучали, что отреченіе Целестина учинено законно и правильно, по уважительнымъ причинамъ и предъ кардиналами; что, какъ таковое, оно и принято послѣдними и затѣмъ законно канонически совершенъ выборъ новаго папы, и что потому церковь попрежнему стоитъ твердо и непоколебимо; злоба злыхъ, бури, непогоды и напоры, повидимому, страшныхъ волнъ разбиваются о нее въ прахъ и лишь во-очію являютъ ея крѣпость. Невольно раждался вопросъ, дѣйствительно ли эти волны подняты на церковь извнѣ, такъ что онѣ и впрямь не могутъ быть для нея опасны? Скорѣе, не

коренится ли ихъ причина внутри церкви? Можетъ ли отречься папа? Имѣютъ ли право кардиналы принять это отреченіе? Отсюда, закоренъ ли новый папа? Не исторгнуто ли самое основаніе изъ-подъ зданія церкви?

Почитатели добродѣтелей Целестина, равно и тѣ лица, которыя по другимъ какимъ нибудь причинамъ были недовольны его удаленіемъ, начали громко утверждать, что „папа не можетъ отречься“ и что слѣдовательно царствующій теперь папа незаконенъ. Бонифацій понималъ всю силу этого лозунга своихъ противниковъ и потому, чтобы пресѣчь возможность дать ему, помимо крика, еще реальное значеніе воздѣйствіемъ на Целестина взять назадъ свое отреченіе и снова объявить себя папою, повелѣлъ держать его въ заключеніи вблизи себя. Целестинъ нѣсколько разъ бѣгалъ изъ своего невольнаго заключенія, скрывался въ малоизвѣстныхъ и трудно-доступныхъ мѣстахъ, но всюду проникающая молва разглашала о его чудесахъ, его отыскивали и приводили къ Бонифацію. Наконецъ онъ задумалъ-было бѣжать въ Грецію и уже сѣлъ на судно, но противный вѣтеръ прибилъ это судно назадъ къ берегу; Целестинъ былъ узнанъ, схваченъ и снова приведенъ къ Бонифацію. Тогда послѣдній повелѣлъ заключить его въ нарочно построенной для этого кельѣ въ замкѣ Фумонѣ при Ананьи и приставилъ къ нему крѣпкую стражу. Его стали содержать, какъ тюремника, да и обходились съ нимъ, какъ съ тюремникомъ. Такъ онъ прожилъ здѣсь 9-ть мѣсяцевъ. Въ пятьдесятницу 1296 г., послѣ совершенія литургіи, онъ почувствовалъ боль въ правомъ боку. Вечеромъ въ слѣдующую субботу, 19 мая 1296 г., его не стало. Этотъ родъ болѣзни и смерти Целестина, естественно, наводитъ на мысль, что онъ былъ отравленъ медленнымъ ядомъ. Его почитатели—современники были твердо убѣждены, что онъ умеръ не своею смертію. Его монастырскіе братья, названные по его имени Целестинцами, показывали въ сво-

ей капеллѣ въ Colle-madio его черепъ съ четырехъугольною раною надъ правымъ ухомъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, ударилъ его молотомъ одинъ изъ его служителей. Такимъ образомъ Бонифацій наконецъ отдѣлался отъ своего противника, но съ его смертію дѣло не могло еще считаться оконченнымъ.

Во главѣ кардиналовъ, оспаривавшихъ возможность отреченія папы отъ своей должности, когда только еще обсуждался вопросъ объ отреченіи Целестина, стояли кардиналъ-діаконъ Іаковъ Колонна и его племянникъ Петръ Колонна. Мы видѣли, что Целестинъ разрѣшилъ этотъ вопросъ, послѣ мучительныхъ колебаній, единственно только своею волею, воспретивъ кардиналамъ, на послѣднемъ своемъ засѣданіи съ ними, дѣлать ему какія бы ни было возраженія. Кардиналы тогда покорились этой волѣ; послѣдовало отреченіе, послѣдовалъ за тѣмъ и выборъ. Но вопросъ: можетъ ли отречься папа? и законна ли его воля въ этомъ случаѣ, какъ сама въ себѣ, такъ и по совокупности тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ послѣдовало ея рѣшеніе? — все-таки оставался вопросомъ. Пока былъ живъ Целестинъ и пока онъ твердо стоялъ на своемъ рѣшеніи, Колонны хранили молчаніе и не возбуждали оффиціально этого вопроса. Такова папско-римская вѣра, что при ней въ подобныхъ случаяхъ возможно лишь недоумѣнное молчаніе. Возбужденіе его произошло послѣ смерти Целестина и, не къ чести Колонновъ, по мотивамъ, чисто матеріальнымъ. Колонны были одною изъ могущественныхъ княжескихъ фамилій въ Италіи, имѣли многихъ приверженныхъ и зависимыхъ клієнтовъ, кромѣ домовъ въ Римѣ владѣли еще многими укрѣпленными городами, замками и помѣстьями. Въ средѣ этой-то многочисленной и могущественной фамиліи возникли имущественные споры, въ которые вмѣшался и Бонифацій. Дѣйствія его явно клонились не въ пользу кардиналовъ, въ дальнѣйшемъ спорѣ онъ даже занялъ своими войсками нѣкоторые города и зам-

ки, которыми фактически владѣли кардиналы Колонны. Нельзя не видѣть въ дѣйствіяхъ Бонифація затаеннаго желанія ослабить этихъ кардиналовъ матеріально, чтобы тѣмъ самымъ и каноническую ихъ угрозу сдѣлать навсегда для себя безвредною. Колонны окончательно разсердились на папу, удалились отъ его двора и начали утверждать, что Бонифацій избранъ незаконно. 4 мая 1297 года они были потребованы папой къ отвѣту; но, вмѣсто того чтобы явиться, они обнародовали (10 числа того-же мѣсяца мая) адресованную на имя папы и коллегіи кардиналовъ записку, въ которой въ 13 положеніяхъ доказывали, что отреченіе Целестина недѣйствительно, недѣйствителенъ и выборъ Бонифація. 1) Папское достоинство, говорили они, даровано Богомъ, а что далъ высшій, то уже не можетъ быть отнято низшимъ. 2) Никто не можетъ отнять духовную власть у другаго, если онъ самъ не далъ опую сему. 3) Дозволять отреченіе епископамъ принадлежитъ только папѣ, какъ намѣстнику Христову, поэтому увольненіе отъ высшаго достоинства, папскаго, не можетъ послѣдовать отъ болѣе низшаго, чѣмъ папа. 4) Высшая власть, которая творитъ, не можетъ быть отнята низшими, созданными властями. 5) Ни папа, ни совокупность тварей не могутъ сдѣлать, чтобы епископъ не былъ епископомъ, тѣмъ менѣе, чтобы папа не былъ папою. 6) Папа есть папа по Божественному закону, а не по закону какой нибудь твари или всѣхъ тварей, поэтому онъ и не можетъ быть уволенъ отъ своей должности никакою тварію. 7) Никто не можетъ отмѣнить (tollere) чьего либо вотума (обѣта) или разрѣшить отъ него, кромѣ того, кто стоитъ выше онаго. Но теперь папство есть высшій вотумъ, ибо папа фактически далъ обѣтъ (vovet) предъ самимъ Богомъ; такимъ образомъ только Богъ можетъ разрѣшить его отъ его вотума. 8) Никто не можетъ разрѣшать самого себя. А если должно имѣть силу отреченіе, то оказывается, что можно разрѣшать и самого себя. 9) Обязан-

ности, которыя имѣетъ папа, могутъ быть отняты отъ него только высшею властію, а таковую имѣетъ одинъ Богъ. 10 и 11) Священство Христово (sacerdotium Christi), по ученію Апостола, вѣчно; это относится также и къ священству Его намѣстника; оно должно продолжаться, пока онъ живетъ. 12) Отреченіе Целестина недѣйствительно также и потому, что при этомъ обнаружилось много обмана и хитрости. 13) Даже, если бы само это отреченіе было и дѣйствительно, все-таки послѣ случилось многое такое, что сдѣлало слѣдовавшій потомъ выборъ недѣйствительнымъ. — На основаніи всего этого Колонны потребовали, для раскрытія истины, созванія всеобщаго собора. Если, говорили они, соборъ признаетъ дѣйствительность отреченія и одобритъ новый выборъ, то и мы смиренно подчинимся этому рѣшенію. Но если такое отреченіе и пр. будетъ отвергнуто соборомъ, то слѣдуетъ канонически озаботиться о законномъ женихѣ церкви. Колонны повелѣли прибить эту записку къ дверямъ Римскихъ церквей и даже положить ее на престолъ въ церкви св. Петра.

Всѣ эти 13-ть положеній Колоннонъ, очевидно, сводятся только на два главныхъ положенія: а) что отреченіе отъ власти можетъ быть произведено лишь съ согласія другой высшей власти, отъ которой лице, желающее сложить съ себя власть, получило оную, и b) что обстоятельства, при которыхъ совершались отреченіе одного папы и выборъ другаго были таковы, какіе совсѣмъ не должны бы быть при законномъ совершеніи того и другаго. Правда, въ первомъ пунктѣ они не отличили ordo sacramentalis, или хиротонію епископа, какъ таинства, отъ епископской юрисдикціи, какъ правительственной сферы дѣятельности епископовъ. Но такое различіе не требовалось въ данномъ случаѣ ни свойствомъ Римскаго ученія о власти папъ, ни свойствомъ отреченія, какъ каноническаго акта. Напротивъ сила ихъ возраженій покоится на томъ папистическомъ началѣ, что никакое отреченіе

епископа не можетъ быть совершено безъ вѣдѣнія папы, какъ высшей власти въ церкви, и что самъ папа, какъ высшая власть въ церкви, никѣмъ судимъ быть не можетъ, ибо низшее не судитъ высшее. Это положеніе со всею рѣзкостію высказалъ папа Николай I въ письмахъ къ императору Михаилу III и патр. Фотію по поводу отреченія Игнатія, это положеніе высказывали и другіе папы, оно же занесено и въ каноническіе сборники Римской церкви. Сила аргументаціи Колонновъ всего яснѣе открывается изъ слабости критики, какую могли придумать противъ нея паписты. Такой критикѣ подвергли положенія Колонновъ Петръ Палуданъ (Petr. Paludanus) и Іоаннъ Андр., юрисконсультъ Болоньйскій. Палуданъ допускаетъ, что папа можетъ отречься отъ папства и, отрекшись, перестать быть папою, но не иначе какъ „если кардиналы примутъ“ его отреченіе. Для доказательства этой мысли онъ отличаетъ въ папѣ двѣ власти: potestas characteris sacerdotalis et episcopalis и potestas papalis, иначе — potestas dignitatis. Власть священническаго и епископскаго характера есть claves ordinis, ключи рукоположенія, „которые, говоритъ онъ, отпечатлѣваются на костяхъ (рукополагаемаго) и за ними слѣдуютъ: откуда характеръ священническаго и епископскаго рукоположенія, какъ и характеръ таинства крещенія, неизгладимъ (indelebilis) въ душѣ; откуда, если воскреснетъ епископъ или священникъ, онъ будетъ истиннымъ епископомъ и священникомъ, могущимъ совершать евхаристію, рукополагать и муропомазывать также, какъ и прежде. Откуда—оная власть дается не престолу и не положенію, а лицу; ибо, когда умираетъ намѣстникъ или епископъ, то наслѣдникъ не наслѣдуетъ ему въ рукоположеніи, но необходимо долженъ быть рукоположенъ. Но папская власть дана папству, а не лицу; откуда слѣдуетъ, что она получается не чрезъ личное посвященіе, но по тому самому, что кто либо избранъ, принимаетъ на себя и имѣетъ оную власть, всегда пребывающую

на самомъ престолѣ (semper remanet in ipsa sede), который не умираетъ. Но быть на престолѣ есть дѣло человѣческое и свободное, зависящее отъ воли избирающихъ и принимающихъ, и поелику ничто такъ не естественно, какъ быть разрѣшаему такимъ же порядкомъ, какъ и связанъ, вслѣдствіе того всѣ обязательства, которыя возлагаются однимъ согласіемъ, по взаимному согласію и отмѣняются, и кромѣ того еще отмѣняются самымъ дѣломъ (re existente integra). Отсюда слѣдуетъ, что узы обязательства между папствомъ и церковію налагаются вслѣдствіе одного согласія, противоположнымъ согласіемъ разрѣшаются; вслѣдствіе отреченія, принятаго кардиналами, папа прекращаетъ свое сидѣніе на престолѣ и теряетъ власть, преемственно пребывающую на престолѣ (quae remanet in sede ex ipsamet successione), чего не можетъ быть сказано о ключахъ рукоположенія (de clavibus ordinis), потому что они всегда слѣдуютъ за лицемъ и никакому положенію (должности) не даются". Право, почему кардиналы могутъ принимать отреченіе отъ папы, Палуданъ обосновываетъ такимъ образомъ: „въ принятіи папства два права: одно право—его собственное, которое онъ снискиваетъ, другое право принадлежитъ церкви, которой онъ даетъ обязательства; но всякому свойственно отказываться отъ своего права во всемъ томъ, въ чемъ онъ не обязывался другому. Если же кто письменно, хотя бы только разъ, обязался,—онъ не можетъ освободиться по произволу. Итакъ папа, хотя съ одной стороны и можетъ отречься отъ папства въ томъ, что̀ его право; но поелику онъ разъ далъ обязательство церкви, то съ этой стороны онъ не можетъ отречься, кромѣ того случая, *если согласятся на это кардиналы* (nisi de assensu cardinalium), представляющіе лице церкви (vicem ecclesiae) во всемъ, что касается папы; ибо папа принятіемъ (папства) обязался управлять церковію, за исключеніемъ того лишь случая, когда церковь возметъ у него обязательство назадъ. Слѣдова-

тельно съ этой стороны папа самъ по себѣ не можетъ отречься, но съ согласія кардиналовъ можетъ". Еще Палуданъ думаетъ обосновать свою мысль сравненіемъ епископской власти съ таинствомъ брака. Таинствомъ бракъ становится тогда, когда соблюдено два условія: взаимное согласіе брачущихся и тайнодѣйственныя слова священника. Съ выполненіемъ этихъ условій бракъ становится таинствомъ, неразрѣшимыми узами. Взаимное же согласіе брачущихся, безъ тайнодѣйственныхъ словъ священника, не есть таинство, оно только сговоръ (sponsalia). „Обязательство между каждымъ епископомъ и его церковію, говоритъ Палуданъ, болѣе походитъ на сговоръ (sponsalia), чѣмъ на супружество. Откуда слѣдуетъ, что папская власть, смотря по тому, какъ она присутствуетъ въ Римскомъ сѣдалищѣ (in sede Romana), имѣетъ Божественное, а не человѣческое основаніе, и посему никогда не разрушается: но смотря по тому, какъ она присутствуетъ въ лицѣ, которое возсѣдаетъ на ономъ тронѣ только вслѣдствіе человѣческаго согласія, имѣетъ двоякое основаніе, именно — самаго человѣка и его согласіе, что разрушимо. Откуда слѣдуетъ, что, когда разрушится что-либо изъ онаго, то разрушается власть не сама въ себѣ, но въ этомъ лицѣ, въ которомъ она была по случаю, именно потому, что оно возсѣдало на престолѣ".

Райнальдъ назвалъ это разсужденіе превосходнымъ (egregius), тогда какъ положенія Колонновъ— околесицами (ambagibus). Съ этимъ соглашаются и современныя знаменитости изъ папистовъ. Но что прежде всего представляется на здравый человѣческій смыслъ, послѣ прочтенія аргументацій Палудана, такъ это — ихъ схоластическая дѣланность на предвзятую мысль, и, какъ таковая дѣланность, они блещутъ всѣми нелѣпостями и не имѣютъ ни малѣйшаго смысла. Разбирать эту аргументацію не стоитъ. Сдѣлаю только немногія указанія. а) Существуетъ и отъятіе claves ordinis, ибо епископы и священники быва-

ютъ низлагаемы. b) Такъ отдѣлять папскую власть отъ власти ordinis или sacerdotalis, какъ отдѣляетъ Палуданъ, невозможно, ибо папская власть, по ученію папистовъ, служитъ источникомъ всякой іерархической власти, а бездушная каѳедра безъ лица рукополагать не можетъ; да при томъ и характеръ власти этой бездушной каѳедры не sacerdotalis ordinis, а другой, именно dignitatis; слѣд., чего въ ней нѣтъ, того и дать она не можетъ. Избранный въ папы діаконъ становится *папою* съ момента его избранія; но чтобы онъ съ этого же момента могъ рукополагать епископовъ, священниковъ и т. д., до собственнаго рукоположенія во епископы, этого не станутъ утверждать самые завзятые паписты. c) Граматы папъ и рѣшенія папскихъ соборовъ опредѣляютъ власть папъ относительно лица—Romani Pontificis, хотя бы мыслимаго и ex cathedra, но не каѳедры, какъ бездушнаго сѣдалища безъ лица. Представленіе Палудана о Римской каѳедрѣ похоже на какой-то отвлеченный языческій фетишъ. d) Власть прикрѣпленная къ каѳедрѣ болѣе подлежитъ разрушенію, чѣмъ власть прикрѣпленная къ лицу. Въ послѣднемъ видѣ и существуютъ искони всѣ власти въ человѣческомъ родѣ: нѣтъ лица облеченнаго властію—нѣтъ и власти. Римъ можетъ провалиться или быть стертъ съ лица земли вмѣстѣ и съ папской каѳедрой, но епископская власть еще не уничтожится чрезъ это. e) Право кардиналовъ принимать или не принимать отреченіе папы, естественно, поставляетъ ихъ выше папы, связано съ правомъ судить его, что противорѣчитъ положенію и папъ, и папистовъ, что папа никѣмъ судимъ быть не можетъ, и пр. и пр. Въ примѣненіи къ отреченію Целестина аргументація Палудана теряетъ всякую силу отъ того, что онъ ставитъ отреченіе въ зависимость отъ согласія, слѣдов., отъ воли *кардиналовъ*, тогда какъ Целестинъ *своею* волею *воспретилъ* несогласнымъ съ нимъ кардиналамъ всякое обнаруженіе *ихъ* воли.

Іоаннъ Болоньйскій разсматриваетъ вопросъ объ отреченіи папы съ четырехъ сторонъ: a) со стороны отреченія *папы*; b) со стороны *папства*, отъ котораго дѣлается отреченіе; c) со стороны самаго *отреченія*, и d) со стороны конечной причины. Во второмъ и третьемъ пунктахъ онъ разсуждаетъ одинаково съ Палуданомъ и потому ихъ можно оставить безъ разсмотрѣнія. Въ первомъ пунктѣ онъ построяетъ такой силлогизмъ — „Папѣ не менѣе, какъ и всякому другому человѣку, должна быть предоставлена свобода въ томъ, что относится ко спасенію (salus), и въ томъ, посредствомъ чего онъ можетъ уклониться отъ вреда для спасенія, да и еще настолько болѣе, насколько отъ его спасенія, какъ главы, зависитъ спасеніе (salus) всѣхъ членовъ и вселенской церкви". Четвертый пунктъ въ сущности сходенъ съ первымъ. „Если бы, разсуждаетъ онъ здѣсь, недалекій или глупый (человѣкъ) не могъ отречься, то неизбѣжно послѣдовало бы зло для общаго дѣла и чѣмъ высшій іерархъ, какъ папа, печется объ общемъ благѣ, тѣмъ должно послѣдовать и большее зло. Также, было бы поступлено вопреки любви, если бы безполезно предсѣдательствующій, во вредъ и замѣшательство церкви и въ ущербъ своей собственной души, не могъ отречься отъ того, что установлено любовію". — Итакъ, что же изъ этого разсужденія слѣдуетъ? Прежде всего слѣдуетъ замѣтить что свобода и частнаго человѣка въ дѣлѣ попеченія о своемъ благополучіи и здоровьи не безгранична, но его фантазіи въ этомъ случаѣ регулируются законами, преступая которые онъ становится виновнымъ предъ обществомъ и установленною властію. А за тѣмъ, относительно должностныхъ лицъ слѣдуетъ помнить, что никто не можетъ имѣть никакой власти, если она не будетъ дана ему свыше: *како проповѣдятъ, аще не послани будутъ* (Римл. 10, 15)? Никто самъ собою не пріемлетъ чести; и Христосъ не Самъ себѣ присвоилъ славу быть Первосвященникомъ (Евр. 5, 4. 5). Отсюда обратнымъ путемъ слѣдуетъ, что ни-

кто самъ собою не можетъ и сложить съ себя возложенной чести: иначе наступилъ бы адъ въ мірѣ, если бы произволу каждаго предоставлено было слагать съ себя служебныя обязанности. Это одно. Съ другой стороны, произвольное сложеніе должности было бы явнымъ оскорбленіемъ того, кто возложилъ ее: тогда уполномоченный поставилъ бы себя судьею того, отъ кого онъ получилъ полномочіе. Наконецъ, явилась бы какая-то безсмыслица, что папа insufficiens и ineptus въ тоже самое время былъ бы sufficiens и aptus судить о своей insufficientia, если сужденіе объ его отреченіи предоставить только его произволу. Такимъ образомъ, для того, чтобы отстоять случившійся фактъ отреченія папы, паписты поставляются въ необходимость отречься отъ папства и стать на православную каноническую точку зрѣнія. Ложно то основное положеніе папства, что папа есть высшая власть въ мірѣ, источникъ всякой другой власти; онъ можетъ отречься, а это необходимо предполагаетъ иную, высшую его власть. Безсовѣстно лгали и всѣ эти Николаи, Григоріи и пр. и пр., когда утверждали, что Римскій первосвященникъ судитъ всѣхъ, тогда какъ самъ судимъ быть никѣмъ не можетъ; нѣтъ, можетъ быть судимъ, хотя бы и въ томъ только случаѣ, когда захочетъ отречься. Такъ критика положеній Колонновъ только утверждаетъ ихъ! Дальнѣйшее разсужденіе Іоанна Болоньйскаго, отличающее въ папской власти двѣ стороны: лице носящее власть, подлежащее разрушенію, и самую власть, которая божественна и по этому не разрушима, къ дѣлу не относится; ибо тоже самое въ одинаковой мѣрѣ приложимо и ко всякой другой власти, не только духовной, но и гражданской.

Въ тотъ же самый день, когда Колонны прибили къ вратамъ Римскихъ церквей означенныя свои положенія (10 мая), Бонифацій издалъ противъ нихъ буллу (In excelso throno), въ которой старался показать несправедливость ихъ поступка, кардиналовъ обоихъ лишалъ ихъ духовныхъ достоинствъ и бенефицій, пле-

мянниковъ кардинала Іакова, Іоанна и Одона Колоннъ, исключилъ отъ всѣхъ духовныхъ достоинствъ вмѣстѣ со всѣми ихъ потомками, даже до четвертаго рода, а самимъ кардиналамъ Іакову и Петру повелѣвалъ въ теченіе 10 дней явиться предъ апостольскій престолъ и покориться. Кардиналы, понятно, не явились. Тогда Бонифацій 23 мая того же года, издалъ новую противъ нихъ буллу (Lapis abscissus), въ которой показываетъ, что оба кардиналы Колонны въ началѣ признавали его папою, участвовали въ его посвященіи и коронаціи, въ теченіе почти трехъ лѣтъ оказывали ему должное почтеніе, сослужили съ нимъ въ литургіи, участвовали въ его засѣданіяхъ и подписывали его документы. Въ слѣдъ за этимъ утверждаетъ и возобновляетъ наказанія, наложенныя на Колоннъ, обоихъ кардиналовъ—Іакова и Петра, вмѣстѣ съ братьями послѣдняго—Іоанномъ, Одономъ, Агапитомъ, Стефаномъ и Іаковомъ, прозваннымъ Сціаррою, объявилъ навсегда лишенными всѣхъ церковныхъ и наслѣдственныхъ имуществъ, движимыхъ и недвижимыхъ, также всѣхъ городовъ, бароній и замковъ и пр. Они должны быть безславными и неспособными когда либо достигнуть церковнаго или свѣтскаго достоинства. Всякій городъ, который приметъ ихъ, подлежитъ интердикту. Въ отвѣтъ на эту буллу кардиналы обнародовали съ своей стороны защитительную записку Intendite (теперь потерянную) и обратились ко всѣмъ королямъ, князьямъ и митрополитамъ христіанства съ обвиненіями Бонифація въ ереси, схизмѣ и опустошеніи церквей и съ просьбою созвать всеобщій соборъ для суда надъ ними. Къ Французскому же королю отправляли нарочитыхъ пословъ для личнаго доклада ему о преступленіяхъ Бонифація. Такимъ образомъ мѣры ихъ были тоже сильны и рѣшительны, агитація принимала широкіе размѣры. Бонифацій для безопасности удалился въ хорошо укрѣпленное Орвіето, преданнаго ему Лаидульфа Колонну уполномочилъ (4 сент. 1297 г.) на войну противъ своихъ братьевъ и племянниковъ, и на-

конецъ, въ декабрѣ 1297 г., повелѣлъ проповѣдывать противъ нихъ крестовый походъ, обѣщая каждому, кто приметъ въ немъ участіе, такую же милость, какъ и за походъ въ св. землю. Результатомъ всего этого было то, что кардиналы и ихъ союзники потеряли свои крѣпости и разбѣжались въ разныя стороны, большею частію къ Французскому королю Филиппу. Сціарра Колонна попался въ плѣнъ къ морскимъ разбойникамъ и, какъ рабъ, прикованъ ими къ лавкѣ гребцовъ. Всѣ имущества побѣжденныхъ отданы были частію Ландульфу Колоннѣ, частію Орсини и частію родственникамъ самого Бонифація.

Развитіе государственной власти во Франціи шло инымъ путемъ, чѣмъ въ Германіи, съ императорами которой такъ успѣшно боролись папы. Умные Французскіе короли обладали замѣчательнымъ практическимъ смысломъ и устремили свою государственную дѣятельность на то, чтобы округлить свои владѣнія, привести вассаловъ къ безусловной себѣ покорности и владѣнія ихъ присоединить къ своимъ владѣніямъ. Средствомъ для этого они избрали союзъ съ общинами, народомъ, которому они успѣли внушить мысль, что короли суть справедливѣйшіе судьи и могущественнѣйшіе его защитники противъ наглаго притѣсненія богатыхъ и сильныхъ. Результатомъ такой ихъ политики было то, что власть ихъ достигла къ расматриваемому времени замѣчательной силы и единства. „Царствованіе Филиппа Красиваго, съ котораго, если угодно, начинается XIV вѣкъ, представляетъ эпоху, когда *община* появляется въ національныхъ собраніяхъ подъ именемъ *средняго сословія* (tiers-état). *Община*, или народъ, дѣлала успѣхи послѣ Людовика великаго при помощи королевства, которое узрѣло въ ней могущественное средство для ослабленія барскаго (seigneuriale) феодализма, уравновѣшивавшаго власть его. По мѣрѣ того, какъ возрастало среднее сословіе, власть сеньёровъ клонилась къ упадку, и королевство, которое стало господствовать надъ тѣмъ и

другими, пошло быстрыми шагами къ деспотизму, т. е. къ верховенству надъ обоими классами, нейтрализуя одинъ посредствомъ другаго. Въ царствованіе Филиппа Красиваго община сдѣлалась уже страшною для дворянства, и королевство, побѣдоносное въ отношеніи обоихъ враждебныхъ (другъ другу) классовъ и по тому самому независимое, отдѣлалось отъ опекунства того самаго апостольскаго престола, который во всѣ средніе вѣка былъ посредникомъ (arbitre) противорѣчивыхъ претензій соперничествующихъ державъ, т. е. вассаловъ и королей, споривишихъ изъ-за господства" (Guettée). Филиппъ IV Красивый, пародируя извѣстный девизъ Римской каѳедры: Plenitudo potestatis sedis apostolicae, любилъ выражаться о своей власти: la plénitude de notre puissance royale. Унаслѣдовавъ по смерти отца своего Филиппа III королевство (въ 1286 г.), онъ вмѣстѣ съ тѣмъ унаслѣдовалъ и его и всѣхъ прежнихъ великихъ своихъ предковъ политику — округленіе и увеличеніе своихъ владѣній чрезъ покореніе своей власти вассаловъ и присоединеніе ихъ владѣній къ своимъ владѣніямъ. Этого пока достаточно для характеристики его, какъ правителя; дальнѣйшій его правительственный и нравственный образъ яснѣе обрисуется изъ его собственныхъ рѣчей и дѣяній.

Англійскіе короли, по причинѣ своихъ владѣній во Франціи, находились въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Французскимъ королямъ, и эти-то отношенія постоянно подавали поводъ къ столкновеніямъ и войнамъ между одинаково сильными народами. Одно изъ таковыхъ столкновеній между Французскими и Англійскими войсками произошло весною 1293 года. Король Филиппъ воспользовался этимъ случаемъ и овладѣлъ всею Гасконіей. Эдуардъ I, король Англійскій, увидѣлъ въ этомъ нарушеніе своихъ правъ, взялся за оружіе и вступилъ въ союзъ съ Фландрскимъ графомъ Гвидономъ (Guido) и Нѣмецкимъ королемъ Адольфомъ Нассаусскимъ. Такимъ образомъ между Фран-

ціей и Англіей, заручившеюся союзниками, открылась война. Для покрытія издержекъ на эту войну и съ цѣлію облегчить тягости народа, неизбѣжныя при всякой войнѣ, Филиппъ нашелъ себя вынужденнымъ обратиться къ доходамъ духовенства, которое владѣло громадною поземельною собственностію. Сложилось убѣжденіе, что духовенство обязано удѣлять часть своихъ доходовъ на потребности государства не только съ такихъ имѣній, по которымъ оно стояло въ вассальныхъ отношеніяхъ къ государству, но и отъ имуществъ церковныхъ въ собственномъ смыслѣ. Справедливость этого всеобщаго сознанія признаетъ и соборъ 1179 г. (въ 19 своемъ правилѣ). Это же самое подтвердилъ и папа Иннокентій III на Латеранскомъ соборѣ 1215 г. (c. 46, de tall. a cler. non exig.), съ тою лишь подробностію, чтобы клиръ и епископы давали эти пособія добровольно и при томъ по совѣщанію (consulant) съ папою. Въ такомъ же духѣ издавали свои опредѣленія о пособіяхъ клира государству и слѣдующіе папы (Александръ IV): такія пособія допустимы, лишь бы они были добровольными (dona gratuita) и давались по предварительному согласію съ папою. Когда Филиппъ потребовалъ отъ духовенства пособія на государственныя потребности, то повсюду начали составляться соборы, которые постановили рѣшенія въ смыслѣ указанныхъ папскихъ опредѣленій (1). Кромѣ того, король извлекалъ еще до-

(1) Сохранились опредѣленія одного такого собора, составленіе котораго предполагаютъ въ провинціи Буржской. Рѣшили, чтобы въ теченіе двухъ лѣтъ взимаема была десятина со всѣхъ церковныхъ бенефицій провинціи на слѣдующихъ условіяхъ: a) должно дождаться относительно этого пункта мнѣнія папы, дабы и малѣйшая отсрочка не подала повода къ нареканію; b) взиманіе это не имѣетъ мѣста въ томъ случаѣ, если предъ нимъ будетъ заключенъ миръ; c) налогъ этотъ отмѣняется и въ томъ случаѣ, если епископы найдутъ себя вынужденными назначить подобный налогъ на болѣе существенную нужду, d) не будетъ взимаема никакая другая субсидія, ни вассалами, ни самимъ королемъ, и e) пусть король объявитъ особою жалованною грамотой, что онъ взи-

ходы изъ имуществъ духовенства по такъ называемому праву регалій, или праву сполій (jus spolii). Это право состояло въ томъ, что король бралъ себѣ доходы съ имуществъ и бенефицій, становившихся вакантными вслѣдствіе смерти (или перемѣщенія) ихъ владѣтелей, до самаго пожалованія ихъ новымъ лицамъ. Легко понять, что ни тотъ, ни другой родъ взиманія налоговъ съ церковныхъ имуществъ въ пользу государства не былъ пріятенъ ни духовенству, ни папамъ.

Бонифацій VIII принялъ папскую власть съ твердымъ намѣреніемъ положить предѣлы Французскому вліянію при Римскомъ дворѣ и обуздать Французскую гордость въ самомъ ея корнѣ. Уже въ первой извѣстительной своей энцикликѣ, отъ 17 янв. 1295 г., въ экземплярѣ, посланномъ къ Филиппу Красивому, онъ присоединилъ къ тексту буллы нарочитое увѣщаніе къ королю—управлять своимъ народомъ кротко и справедливо, почитать церковь и ея служителей и идти по стопамъ своихъ великихъ предшественниковъ. Король, по увѣренію папы, можетъ вполнѣ ему довѣриться, ибо онъ любитъ короля съ давняго времени,—можетъ обращаться къ нему, какъ по своимъ личнымъ дѣламъ, такъ и по дѣламъ государства. Онъ, папа, насколько угодно Богу, будетъ наилучше сообразоваться со всѣми требованіями короля. Очевидно, это было только введеніемъ къ полному плану Бонифація — вмѣшаться въ распрю Филиппа съ Англійскимъ королемъ и его союзниками, и явить себя здѣсь ихъ судьею и владыкою, котораго они должны слушаться. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ того же года (1295) онъ отправилъ къ обоимъ королямъ двухъ кардиналовъ, обоихъ французскаго происхожденія — Симона по фамиліи Больё (Beaulieu) и Берарда (брата бу-

---

маетъ эту десятину, не нарушая свободы церкви, подъ именемъ свободнаго дара. Король согласился на эти опредѣленія и объявилъ, что десятина, взятая имъ впередъ, не будетъ взыскиваема имъ вновь.

дущаго папы Климента V) съ широкимъ полномочіемъ разрѣшать всякіе договоры и союзы, которые могутъ служить препятствіемъ дѣлу мира. Кардиналъ Симонъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на Филиппа въ духѣ полномочій Бонифація, напротивъ, началъ уговаривать его (конечно тайнымъ образомъ, въ частной, дружеской бесѣдѣ) придти на помощь церкви и спасти ее отъ самого Бонифація, котораго онъ изображалъ, какъ еретика, не вѣрующаго въ воскресеніе Христово и въ рожденіе Его отъ Дѣвы, который и предшественника своего побудилъ къ отреченію лишь посредствомъ обмана. Между тѣмъ Бонифацій отправилъ къ Французскому и Англійскому королямъ новыя обширнѣйшія письма, въ которыхъ всячески старался выставить себя ихъ благодѣтелемъ и миротворцемъ, а въ маѣ (23) того же года отправилъ легатовъ съ письмами точно такого же содержанія и къ Нѣмецкому королю Адольфу Нассаусскому. Англійскій и Нѣмецкій короли согласились войдти въ мирныя предложенія Бонифація; но Филиппъ выставилъ затрудненія и все рушилось. Такимъ образомъ война продолжалась и при томъ съ успѣхомъ для Франціи. Съ этимъ вмѣстѣ продолжалось и взиманіе десятины съ духовенства, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, и очень можетъ быть, что она постепенно была даже увеличиваема. Тогда Бонифацій, вспомнивъ Григорія VII, Иннокентія III, и т. д., вздумалъ устрашить непокорныхъ королей громами Ватикана. 25 февр. 1296 г. онъ издалъ извѣстную буллу Clericis laicos. Содержаніе ея таково. „Что міряне враги клириковъ, объ этомъ въ высокой степени свидѣтельствуетъ древность, а также учитъ и настоящее время. Міряне не обращаютъ вниманія на то, что имъ воспрещена всякая власть надъ клириками, церковными лицами и имуществами. Они налагаютъ тяжелое бремя на прелатовъ, церкви и церковныхъ лицъ монашескаго чина и бѣлаго духовенства, вымучиваютъ отъ нихъ половину десятины или другую часть ихъ церковныхъ до-

ходовъ и имуществъ, и всякимъ образомъ стараются подчинить ихъ своей власти и господству. Къ сожалѣнію, нѣкоторые прелаты и церковныя лица изъ страха предъ свѣтскимъ величествомъ спокойно дозволяютъ совершать таковое. Чтобы отвратить подобнаго рода злоупотребленія мы, съ согласія кардиналовъ, опредѣляемъ въ апостольскомъ авторитетѣ: всѣ прелаты и церковныя лица, монахи и бѣлое духовенство, которые безъ согласія апостольскаго престола платили или обѣщали (платить) подати, поборы, десятины или полдесятины, или сотую часть, или какую бы то ни было долю отъ своихъ доходовъ или доходовъ ихъ церквей подъ какимъ бы то ни было названіемъ: помощи, займа, дара или субсидіи и т. д., міряпамъ, равно также всякимъ императорамъ, королямъ, князьямъ, баронамъ, чиновникамъ и префектамъ городовъ и пр., которые налагаютъ такія подати, требуютъ и принимаютъ или налагаютъ запрещеніе на вносимые въ церкви вклады церквей и церковныхъ лицъ (какъ напр, динарій Петра и пр.), или помогаютъ этому, — всѣ сіи eo ipso подпадаютъ отлученію. Общины, которыя погрѣшили въ этомъ, мы подвергаемъ интердикту и повелѣваемъ прелатамъ и всѣмъ церковнымъ лицамъ, подъ страхомъ низложенія, чтобы они, безъ нарочито испрошеннаго соизволенія на то апостольскаго престола (sine expressa licentia sedis apostolicae), отнюдь не подчинялись такимъ налогамъ и не платили ихъ, даже подъ предлогомъ, что они ранѣе, предъ обнародованіемъ этого эдикта, уже дали относящееся къ этому обѣщаніе. Если же, однако, они будутъ платить и міряне станутъ принимать ихъ взносы, то и тѣ и другіе ipso facto подпадаютъ отлученію. Отъ такого отлученія и интердикта никто не можетъ разрѣшить безъ согласія апостольского престола, кромѣ смертнаго случая (in articulo mortis), потому что мы отнюдь не можемъ болѣе терпѣть такого ужаснаго злоупотребленія свѣтской власти. Дѣйствію этого эдикта не мо-

жетъ воспрепятствовать также и никакая привиллегія, которая когда либо была дана какому нибудь королю“ и пр. (т. е. что онъ никогда не можетъ быть отлученъ).

Съ какой стороны ни разсматривать эту буллу, нигдѣ нельзя въ ней усмотрѣть и капли христіанскаго духа. Правда, міръ ненавидитъ то, что не отъ міра; справедливость и честность въ праведномъ человѣкѣ за частую подвергаются жестокимъ преслѣдованіямъ, злостнымъ клеветамъ и насмѣшкамъ. Но объ этой ли ненависти идетъ рѣчь въ буллѣ? Ни чуть; она наполнена разсчетами о пошлинахъ, податяхъ, налогахъ, т. е. разсчетами чисто карманнаго свойства. Далѣе, было бы весьма прискорбно, если бы *всѣ* міряне *всѣхъ* вѣковъ и временъ, какъ увѣряетъ булла, были враждебны клирикамъ; но это, очевидно, неправда, и ее Бонифацій выдвинулъ въ настоящій разъ для того чтобы тѣмъ сильнѣе побудить клиръ къ сопротивленію королямъ и такимъ образомъ заставить послѣднихъ покориться. Затѣмъ, Бонифацій не отличаетъ духовныхъ леновъ отъ церковныхъ имуществъ въ собственномъ смыслѣ. Запрещая епископамъ платить подать государству и въ качествѣ государственныхъ ленниковъ, Бонифацій впадаетъ здѣсь въ два прегрѣшенія: a) возбуждаетъ епископовъ, какъ ленниковъ государства, къ бунту противъ своего законнаго государя, и b) сюзереномъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, духовныхъ леновъ чужихъ государствъ объявляетъ себя. Потомъ, относительно и собственно церковныхъ имуществъ отступилъ отъ опредѣленій своихъ предшественниковъ: consultatio прежнихъ папъ превратилъ въ expressa licentia sedis apostolicae. Наконецъ, сдѣлалъ шагъ впередъ и въ томъ, что безъ разбора подвергъ отлученію не только простыхъ мірянъ, но и самихъ императоровъ, королей, князей и пр. Но всѣмъ этимъ причинамъ булла его должна была встрѣтить жесточайшее сопротивленіе со стороны государей, сознающихъ свое достоинство.

Легаты папы поспѣшили разнести ее по странамъ, въ которыя она предназначена. Когда она была принесена во Францію,—Французское духовенство воспользовалось ею и стало отказывать королю въ пособіяхъ, не смотря на то, что онъ нуждался въ нихъ до крайней степени (1) Такимъ образомъ, съ этой стороны Бонифацій достигъ своей цѣли, но и то только отчасти, а не всецѣло. Нѣкоторые епископы считали себя, согласно древнему праву, самостоятельными распорядителями церковныхъ имуществъ и потому, естественно, оказали сопротивленіе этому требованію папы, лишавшему ихъ всякой самостоятельности. Король съ своей стороны придумалъ нанести рану Римской куріи въ самое сердце. Въ августѣ онъ издалъ одинъ за другимъ два декрета. Первымъ (отъ 17 авг. 1296 г.), подъ страхомъ тяжкихъ наказаній, воспре-

(1) Беренгаръ, бывшій епископомъ Безьерскимъ въ 1296 г., разсказывалъ послѣ, когда уже онъ былъ кардиналъ-епископомъ Тускулумскимъ: «Въ началѣ войны между Франціей и Англіей (весной 1296 г.) и въ началѣ Бонифаціева понтификатствованія Французскій король послалъ двухъ магистровъ на собравшійся въ Безьерѣ провинціальный Нарбоннскій соборъ потребовать субсидій, именно—десятину на 4-ре года, за что должны быть сохранены за церквами и церковными лицами нѣкоторыя льготы. Однакожъ Нарбоннскій архіепископъ и другіе присутствовавшіе на соборѣ прелаты думали, что льготы, какъ ихъ предлагаетъ король, въ нѣкоторыхъ пунктахъ слишкомъ слабы, а требуемыя субсидіи слишкомъ велики, и послали къ королю двухъ епископовъ Каркассонскаго Петра и Безьерскаго—меня, Беренгара, съ порученіемъ предложить ему двухъ или-трехлѣтнюю десятину Нарбоннской провинціи, если онъ окажется снисходительнымъ относительно льготъ. Мы были уже на пути у Лиможа, когда насъ догналъ посолъ архіепископа съ копіей пришедшей между тѣмъ буллы Clericis laicos. Въ тоже время архіепископъ повелѣлъ намъ сказать, что теперь мы не должны обѣщать королю никакой десятины. Такъ какъ король находился тогда близко на охотѣ, то мы пошли къ нему и разсказали, что случилось. Онъ увѣрилъ въ своей благосклонности относительно желаемыхъ льготъ и просилъ доставить ему субсидіи, въ которыхъ онъ очень нуждался, если это можетъ случиться безъ нарушенія папской конституціи Мы возразили, что это невозможно и онъ съ миромъ отпустилъ насъ»

щалось вывозить за границу, безъ особеннаго на то королевскаго разрѣшенія, всякое золото и серебро — въ монетахъ и не въ монетахъ, также какіе бы то ни было драгоцѣнные камни, жизненные припасы, лошадей, оружіе и пр. для того, какъ сказано въ декретѣ, чтобы врагъ не богатѣлъ, а страна не бѣднѣла. Вторымъ декретомъ изгонялись изъ Франціи всѣ *иностранцы*. Разсматриваемые сами въ себѣ, оба эти декрета такого свойства, что право изданія ихъ государственною властію не можетъ быть оспориваемо ни съ какой стороны; оба вытекаютъ изъ сферы государственной юрисдикціи и церковной сферы не касаются. А между тѣмъ противъ церкви, т. е. папскихъ интересовъ оба они главнымъ образомъ и направлены. Первый загораживалъ потокъ богатствъ, текущихъ изъ Франціи въ Римскую курію, второй грубо выпроваживалъ изъ Франціи разныхъ папскихъ легатовъ, нунціевъ, сборщиковъ денегъ, равно какъ и всѣхъ тѣхъ Итальянцевъ, которымъ паны раздали церковныя бенефиціи во Франціи.

Эти цѣли короля, конечно, не могли остаться неизвѣстными въ Римѣ. Положеніе, принятое имъ, было крайне опасно для папской камеры; опасно оно было и для самой власти паны, когда непосредственные органы его были изъ страны удаляемы. Но какъ быть? Сфера права, въ которую вступилъ король, повидимому, должна была оградить его отъ возможныхъ нападеній со стороны Рима и загородить уста папамъ. Бонифацій не затруднился этимъ и 25 сент. 1296 г. издалъ буллу Ineffabilis, которая гласила слѣдующее: „Между другими дарами церковь получила отъ своего Жениха въ особенности даръ свободы, такъ что она имѣетъ власть надъ народами, какъ мать надъ своими дѣтьми, и, какъ мать и владычица, всѣми должна быть почитаема съ дѣтскимъ почтеніемъ. Поэтому кто можетъ не страшиться оскорблять ее и обижать?... И если кто нарушаетъ церковную свободу, то какой щитъ можетъ защитить его, такъ чтобы онъ не былъ раз-

бить молотомъ небесной силы и не превратился въ прахъ и пепелъ? Ради своего спасенія, внемли, о сынъ мой, голосу отца твоего! Твой собственный интересъ обязываетъ тебя выслушать со вниманіемъ слѣдующее.—Къ нашему величайшему изумленію мы недавно услышали, что ты, руководимый, какъ мы знаемъ, худыми совѣтниками издалъ установленіе, которое, хотя буквальный смыслъ его прямо и не говоритъ объ этомъ, однакожъ, по намѣренію твоихъ совѣтниковъ—о, если бы не было также и твое собственное намѣреніе!—должно напасть на церковную свободу и уничтожить ее, безславно и опасно для тебя, и стѣснительно для твоихъ подданныхъ и для другихъ, которые доселѣ жили во Франціи. Поелику теперь дѣло отца состоитъ въ томъ, чтобы составлять рѣшенія для сыновей, дѣло добраго пастыря призывать заблудшихъ овецъ, дѣло любящаго друга — давать спасительный совѣтъ, дѣло того, кто предсѣдательствуетъ на престолѣ справедливости воинствующей церкви, удалять отъ своихъ подчиненныхъ не только всякое зло, но также и всякій видъ зла; то мы, какъ занимающіе, не смотря на наше недостоинство, мѣсто Верховнаго Пастыря І. Христа, и какъ особенно искренно любящіе тебя, да и любившіе еще прежде, когда мы стояли еще ниже, хотимъ теперь искренно, какъ отецъ, пастырь, другъ и пр., исполнить наши обязанности въ отношеніи тебя.... Душа столь великаго короля не должна бы слѣдовать совѣтамъ безбожныхъ, и несправедливо и безбожно воспрещать всѣмъ иностранцамъ, посредствомъ столь чрезвычайнаго нововведенія, имѣть мѣсто жительства въ своемъ государствѣ, вести въ немъ торговлю и пр., чрезъ что въ высокой степени терпятъ убытокъ не только они, но также и твои подданные. Однакожъ твои подданные уже и безъ того такъ обременены тягостями, что любовь ихъ къ тебѣ начинаетъ охладѣвать. Но кто потерялъ сердца своихъ подданныхъ, тотъ потерялъ многое. Иногда у свѣтскихъ князей бываетъ

такой обычай, или худой обычай—воспрещать вывозъ предметовъ изъ своей страны въ чужія страны. Но такъ общё формулированное распоряженіе, какъ твое, касается собственныхъ твоихъ подданныхъ и всѣхъ иностранныхъ народовъ... Если при этомъ господствовало намѣреніе распространить это распоряженіе также на насъ и на нашихъ братьевъ—прелатовъ, церковныхъ лицъ и церкви, на наши и ихъ доходы, то было бы не только неблагоразумно, но даже безумно—простирать дерзкія руки на вещи, надъ которыми ты и всѣ свѣтскіе князья не имѣете никакой власти. Да, ты подпадаешь за это отлученію promulgati canonis (т. е. конечно, Clericis laicos). Твои благочестивые предки избѣгали подобнаго, а также и ты долженъ избѣгать этого, особенно теперь, когда мы такъ ревностно заботились защищать твою честь и честь твоего государства и отклонить отъ него всякій вредъ (намекъ на то, что будто онъ, папа, воспрепятствовалъ совокупному нападенію Англіи, Германіи и пр. на Францію). По истинѣ, за все, что мы сдѣлали для тебя и твоихъ предковъ, ты не оказалъ намъ и церкви никакой должной благодарности. За добро ты воздалъ зломъ, за сладость горечью. Посмотри на Римское, Англійское и Испанское государства, которыя окружаютъ тебя со всѣхъ сторонъ и ты узнаешь, что теперь не время оскорблять церковь такимъ образомъ. Ты не сомнѣвайся, что уже одно отъятіе нашей и церковной помощи и благосклонности такъ ослабитъ тебя и твою державу, что ты не возможешь противостать нападеніямъ. Когда же сдѣлаешь насъ и оную церковь своими главными противниками, то огорченіе (sarcina) наше и оной церкви, и иныхъ вышепоименованныхъ (державъ) возрастетъ до такой степени, что рамена твои изнемогутъ подъ ея тяжестію.... Вспомни, какъ непривѣтливо явилъ ты себя относительно насъ, когда мы занялись канонизаціей твоего дѣда Людовика... Въ случаѣ, если поводомъ къ твоему распоряженію послужило наше распоряженіе,

которое мы недавно сдѣлали въ интересѣ церковной свободы (Clericis laicos), то это вполнѣ неосновательно, ибо оно содержитъ только то, что уже утверждено другими каноническими постановленіями, и прибавляетъ только наказанія на преступниковъ. Мы не установили въ немъ рѣзко (praecise), чтобы прелаты и клирики не давали никакихъ денежныхъ вспомоществованій для защиты тебя и государства, но только потребовали, чтобы таковое вспомоществованіе случалось не безъ нашего соизволенія, потому что мы узнали, что твои чиновники во имя твоего авторитета возлагали на церкви и церковныхъ лицъ невыносимыя тяжести, и устранились такого образа ихъ дѣйствій и на будущее время. Но ты не имѣешь права на таковыя подати, и такое злоупотребленіе власти должно быть, по божественному и человѣческому праву, отвергнуто въ тебѣ и во всякомъ свѣтскомъ князѣ.... Но, если наступитъ величайшая государственная нужда,—отъ чего да хранитъ Богъ,—то апостольскій престолъ не только дозволитъ прелатамъ и церковнымъ лицамъ давать тебѣ такія пособія и окажетъ свое содѣйствіе, но онъ даже простретъ руки на чаши, кресты и свящ. сосуды, прежде чѣмъ допуститъ вредъ, даже самый малѣйшій, этому славному государству, столь любимому апостольскимъ престоломъ. И теперь вспомни, возлюбленный сынъ, какъ много королей враждуетъ противъ тебя и твоего государства. Не жалуется ли Римскій король, что ты овладѣлъ нѣкоторыми городами и мѣстностями, которые принадлежатъ его государству, въ особенности графствомъ Бургундскимъ, которое, какъ извѣстно, составляетъ ленъ имперіи? Не утверждаетъ ли подобное король Англійскій относительно нѣкоторыхъ частей Гасконіи? Короли эти готовы принять въ этомъ дѣлѣ приговоръ права (stare juri). Можетъ ли апостольскій престолъ отказать въ рѣшеніи? Такъ какъ они утверждаютъ, что ты въ этомъ дѣлѣ *грѣшишь* (peccare) противъ нихъ, то нѣтъ сомнѣнія (non est dubium), что при-

говоръ относительно этого принадлежитъ оному престолу.... Какова же будетъ твоя участь, если ты, чего да не будетъ, грубо оскорбишь этотъ престолъ и сдѣлаешь его помощникомъ твоихъ враговъ? Мы и наши братья готовы претерпѣть за церковную свободу не только преслѣдованія, лишенія и ссылку, но даже и смерть. Нѣкоторые, какъ мы узнали, утверждаютъ, что прелаты и церковныя лица твоего государства теперь не несутъ и той службы, не платятъ и тѣхъ податей, къ которымъ они обязаны по причинѣ леновъ. Они болѣе не даютъ своему королю ни одного меча, не приводятъ къ нему ни одного коня. Это есть коварное изъясненіе нашего распоряженія, какъ мы уже устно объяснили нѣкоторымъ изъ твоихъ пословъ и лицъ довѣренныхъ.“ Въ заключеніе дѣлаетъ настоятельнѣйшее увѣщаніе, чтобы король пришелъ въ себя, преклонилъ свое ухо къ дальнѣйшимъ разъясненіямъ епископа Вивьерскаго, на котораго возложено порученіе передать ему эту грамату, а не вынуждалъ бы насъ приступить къ другимъ рѣшительнымъ мѣрамъ (minus usitata remedia).

Какъ чувствительно Филиппъ задѣлъ своими эдиктами интересы папской куріи, можно видѣть изъ того, что на слѣдующій же день Бонифацій отправилъ къ нему новую грамату (Excidat) точно такого же содержанія. Ложь обѣихъ этихъ граматъ, напускное благоволеніе, источающее крокодиловы слезы, безсильныя угрозы, казуистическое подведеніе королевскихъ эдиктовъ подъ грѣхъ нарушенія церковной свободы, влекущій за собою отлученіе,—все это обличало лишь безсильную злобу папы и то, какъ Римская курія чувствительна къ своимъ матеріальнымъ интересамъ. Смягченіе (Clericis laicos могло только убѣдить короля продолжать настаивать въ суровомъ проведеніи своихъ эдиктовъ. На папскія граматы изложеннаго содержанія онъ отвѣтилъ новымъ эдиктомъ (Antequam), гласящимъ слѣдующее: „Искони Французскому королю принадлежало право издавать распоряженія для огражденія се-

бя отъ нападеній враговъ. Поэтому также и настоящій король воспретилъ вывозить изъ государства безъ его вѣдѣнія лошадей, оружія, серебро, и пр. Онъ имѣлъ нѣлію знать выгозъ и качества этихъ предметовъ. Но онъ не воспрещалъ такого вывоза ни клирикамъ, ни другимъ, если его извѣщали о причинахъ онаго. Удивительно, что возлюбленный сынъ папы, король Англійскій, дозволилъ себѣ величайшія насилія противъ церквей и клириковъ и — остался свободенъ отъ угрозы отлученія. Церковь существуетъ не только изъ духовныхъ, но и изъ мірянъ, и послѣдніе также, какъ и тѣ, искуплены Христомъ отъ рабства грѣха. Конечно, есть особыя свободы и имущества, которыми владѣютъ служители Церкви; но папа раздалъ оныя имъ только съ согласія свѣтскихъ князей, и поэтому послѣдніе отнюдь не должны встрѣчать препятствія принимать необходимыя средства для защиты своихъ государствъ. Денежныя вспомоществованія, взимаемыя съ тѣхъ, которые не могутъ сами защищать себя, и употребляемыя на содержаніе тѣхъ, которые охраняютъ ихъ безопасность отъ враждебныхъ нападеній, нельзя назвать насильственными вымогательствами, но только справедливыми субсидіями. Стыдно намѣстнику Христову воспрещать платить подать кесарю и угрожать тѣмъ изъ духовенства, которые только слѣдуютъ Христу и Апостоламъ. Воспрещать духовнымъ (сдѣлать государству) такія пособія въ то время, когда имъ позволено расточать свои деньги на друзей или шутовъ или одежды, на пиршества или другія мірскія суетности ко вреду бѣдныхъ, противно естественному праву. Король чтитъ церковь и ея служителей, но онъ не страшится людскихъ угрозъ, особенно несправедливыхъ". Въ заключеніе показано, что Филиппъ имѣетъ свои права какъ относительно Англійскаго, такъ и Нѣмецко-Римскаго королей.

Новѣйшіе изслѣдователи спора Бонифація съ Филиппомъ, основываясь на томъ, что на подлинникѣ этого эдикта сдѣлана надпись: est totum notabilissi-

mum licet non sit opus perfectum, и что нѣтъ ни одного экземпляра этого эдикта въ Римскихъ архивахъ, думаютъ, что въ настоящемъ своемъ видѣ онъ составлялъ только проэктъ эдикта, который остался невыполненнымъ и не отосланъ къ папѣ. Охотно присоединяемся къ этому мнѣнію, тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, текстъ приведеннаго эдикта во всѣхъ пунктахъ и выраженіяхъ обличаетъ только проэктированную форму, но отнюдь еще не вполнѣ обработанную. Тѣмъ не менѣе содержаніе его весьма важно: онъ обнаруживаетъ взглядъ правительства, освѣщающій его образъ дѣйствій. Изъ него видно, что борьба, завязавшаяся in re, поведена параллельно и in jure, и, нельзя не сознаться, что сила аргументацій короля и его чиновниковъ стоитъ безмѣрно выше, чѣмъ воззрѣнія и аргументаціи папы и его куріи.

Но, если этотъ эдиктъ, изъ какихъ бы то ни было политическихъ цѣлей, не былъ посланъ въ Римъ, то, наоборотъ, всѣ данныя говорятъ въ пользу того предположенія, что содержаніе его такъ или иначе было сообщено подданнымъ королевства. Народъ и дворянство горячо объявили себя за короля и стали смотрѣть на клириковъ и монаховъ, какъ на злѣйшихъ внутреннихъ враговъ государства. Положеніе эдикта, что имущества предназначены на дѣла благотворительности и для общаго блага вѣрующихъ, а не на пиршества прелатовъ и клириковъ, не для содержанія шутовъ у нихъ и т. д., въ виду безпорядочной жизни духовенства, получало въ глазахъ всѣхъ неотразимую силу убѣдительности. Отношеніе мірянъ къ клирикамъ и монахамъ обострялось по мѣрѣ того, какъ гдѣ исполнялась папская булла (Clericis laï, cos) (1) и въ какой степени снова начали увеличи-

(1) Цистерцинскіе монахи были одними изъ ревностныхъ защитниковъ буллы и издали даже протестъ противъ короля и епископовъ, принявшихъ его сторону.

ваться внѣшнія затрудненія Франціи. Фландрскій графъ Гвидонъ, взятый Филиппомъ въ плѣнъ въ 1295 г., но потомъ освобожденный имъ лишь подъ условіемъ не вступать въ союзъ съ Англійскимъ королемъ, не смотря на это, однакожъ, снова вступилъ въ союзъ съ послѣднимъ и вслѣдъ за этимъ (въ дек. 1296 г. и янв. 1297) оба они условились съ Нѣмецкимъ королемъ Адольфомъ, герцогомъ Брабантскимъ и другими сообща напасть на Францію. Опасность предстояла ей великая. Понятно, что и положеніе ея духовенства среди народа могло вслѣдствіе этого только ухудшиться. Оно стало невыносимымъ. Тогда Реймскій епископъ Петръ Барбе вмѣстѣ съ суффраганами и аббатами своей области представили папѣ, посредствомъ особаго къ нему посланія, сколь неблагопріятное впечатлѣніе вызвала во всей Франціи, даже въ низшихъ ея сословіяхъ, булла Clericis laicos и какъ именно теперь парламентъ призываетъ всѣхъ безъ различія Французовъ къ защитѣ короны и отечества. Они прибавили при этомъ, что имъ и всему духовенству Франціи невозможно и существовать безъ защиты короля, и просили папу обратить вниманіе на ихъ обязанности и взвѣсить, какъ важно, посредствомъ согласія съ королемъ, охранять Галликанскую церковь въ ея вольностяхъ и покоѣ. Особая депутація должна была устно доложить папѣ, какъ необходима отмѣна буллы Clericis laicos.

Послѣ этого Бонифацій издалъ рядъ буллъ, которыми совершенно отмѣнилъ значеніе Clericis laicos и даже даровалъ королю Филиппу послабленія сравнительно съ постановленіями прежнихъ папъ о церковныхъ имуществахъ. 7 февр. 1297 г. онъ подписалъ два письма къ королю, изъ которыхъ въ одномъ, Exiit nuper, онъ говоритъ: „Недавно ты издалъ эдиктъ, которымъ воспретилъ вывозъ золота и пр. Если этимъ была положена только преграда поддержкѣ враговъ, то относительно этого можно пройдти молчаніемъ; но все общее пониманіе декрета заслуживаетъ открытаго

порицанія, особенно, если ты терпишь изъясненіе, что онъ простирается также на церкви и церковныхъ лицъ, о которыхъ дѣлать распоряженія ты не имѣешь никакого права. За сіе, говорю это съ прискорбіемъ, ты долженъ быть подвергнутъ отлученію. Мы уже писали тебѣ объ этомъ,... но ты не долженъ думать, что наше установленіе имѣетъ столь тѣсный, суровый и скудный смыслъ, какъ ненадлежаще изъясняютъ нѣкоторые изъ твоихъ совѣтниковъ. Поэтому, возлюбленнѣйшій между моими сыновьями, окажи церкви должное почтеніе и исправь нарочито или молча, что въ разсматриваемомъ дѣлѣ доселѣ сдѣлано ошибочнаго тобою или твоими чиновниками. Если ты самъ не воспрепятствуешь ненабожностію, — церковь охотно поможетъ тебѣ субсидіями". Еще большими уступками дышетъ второе письмо: Romana mater ecclesia. „Римская церковь, сказано здѣсь, никому не желаетъ вредить... Ты жалуешься, что нашею буллою у тебя отняты субсидіи клира на предстоящую войну. Такъ какъ теперь дѣло автора и изъяснять свои слова, то мы объявляемъ для безопасности твоей и твоихъ преемниковъ: если какой нибудь прелатъ или иной клирикъ твоего государства захочетъ добровольно, безъ всякаго принужденія, дать тебѣ подарокъ или заемъ, то наша булла не препятствуетъ этому, даже и въ томъ случаѣ, *если дворцевое и дружественное приглашеніе* (curialis requisito, et amica) *предварительно выйдетъ отъ тебя или твоихъ чиновниковъ*. Кромѣ того, само собою понятно, что булла не простирается также и на тѣ предметы, которые прелаты обязаны давать отъ леновъ и регалій, находящихся у нихъ во владѣніи. Равно мало она простирается на женатыхъ клириковъ и такихъ, которые вступили въ клиръ только для вида, чтобы уклониться отъ податей; равно также не простирается на необходимые случаи, когда въ periculum in mora апостольскій престолъ не можетъ быть спрашиваемъ". Спустя нѣсколько дней, въ томъ же февралѣ мѣсяцѣ,

онъ далъ отвѣтъ и Французскимъ прелатамъ. Здѣсь онъ прежде всего сожалѣетъ о томъ, что Фландрскій графъ отпалъ отъ союза съ Франціей, что теперь снова грозитъ войною. Потомъ онъ хвалитъ Французскихъ прелатовъ за то, что они хотятъ поддержать въ этой нуждѣ своего короля и просятъ папу о соизволеніи на это. Такая помощь въ нуждѣ отнюдь не исключается буллою Clericis laicos; для блага Французскаго государства онъ готовъ пожертвовать даже владѣніями Римской церкви и своею собственною жизнію. Только пособія Французскаго клира должны быть добровольными.—Наконецъ, въ позднѣйшей буллѣ отъ 31 іюля 1297 г. (Etsi de statu), относительно periculum in mora Бонифацій говоритъ, что „рѣшеніе о томъ, существуетъ ли такая крайняя нужда, *принадлежитъ настоящему и всякому будущему королю*, который въ 20-лѣтнемъ возрастѣ. Въ случаѣ же его малолѣтства, о существованіи крайней нужды имѣютъ рѣшать чины". Не довольствуясь этими письмами, Бонифацій издалъ еще нѣсколько писемъ, имѣющихъ цѣлію успокоить Филиппа. За одно лишь онъ угрожалъ въ нихъ отлученіемъ, если король удержитъ во Франціи деньги, собранныя для св. Земли. Послѣ этого, наконецъ, и Филиппъ отмѣнилъ свои эдикты, воспрещающіе вывозъ за границу золота, оружія, драгоцѣнностей и пр. и пребываніе иностранцевъ во Франціи. И Бонифацій съ своей стороны оказалъ любезность Филиппу: совершилъ, наконецъ, такъ давно подготовляемую (въ течен. 24 лѣтъ) канонизацію Людовика IX (11 август. 1297 г.), хотя при этомъ многіе говорили, что было бы гораздо лучше, если бы эту канонизацію совершилъ какой нибудь другой папа, а не Бонифацій, запятнанный многими преступленіями.

Примирившись такимъ образомъ съ Филиппомъ, очевидно, съ явнымъ ущербомъ для себя и своей власти, Бонифацій могъ наконецъ выступить и третейскимъ судьею въ спорѣ Французскаго короля съ Ан-

глійскимъ и союзниками послѣдняго. Графъ Гвидонъ, худо поддерживаемый союзниками, потерялъ почти всю Фландрію, которая почти вся перешла въ руки Филиппа. Французскій и Англійскій короли начали мирные между собою переговоры, и 6 янв. 1298 г. между ними состоялось перемиріе. Послѣ этого оба короля согласились принять посредничество Бонифація въ заключеніи мира, но не какъ папы, а какъ частнаго человѣка Венедикта Гаетана. Бонифацій составилъ свой приговоръ, какъ частный человѣкъ Венедиктъ Гаетанъ, но обнародовалъ его въ консисторіи (27 іюня) и, слѣдовательно, какъ папа. Этимъ онъ хотѣлъ показать, что и Французскій король подчиняется суду его, какъ папы. Но Филиппъ не обратилъ вниманія на это обстоятельство; скорѣе онъ остался недоволенъ содержаніемъ приговора, такъ какъ Бонифацій возстановлялъ владѣнія въ прежнемъ видѣ, а это не согласовалось съ завоеваніями, сдѣланными Франціей. Менѣе всего обращено вниманія на графа Гвидона; онъ напомнилъ-было Бонифацію о своихъ правахъ и договорахъ, нарушенныхъ третейскимъ приговоромъ папы, но Бонифацій отвѣтилъ ему, что его частные договоры отнюдь не должны препятствовать миру между великими державами.

Миръ, заключенный Бонифаціемъ съ Филиппомъ IV, ни въ какомъ случаѣ не могъ назваться прочнымъ. По существу своему онъ находился въ прямомъ противорѣчіи съ тенденціями Римской куріи, по обстоятельствамъ происхожденія былъ вынужденъ. Построенный на такихъ хрупкихъ началахъ, онъ необходимо долженъ былъ рушиться при дальнѣйшемъ развитіи событій, которыя, понятно, не могли слагаться благопріятно, коль скоро выходили изъ худыхъ основаній.—Не смотря на миръ съ Англіей, Филиппъ продолжилъ войну противъ Гвидона и велъ ее до тѣхъ поръ, пока не присоединилъ Фландрію къ своимъ владѣніямъ въ качествѣ упраздненнаго лена. Расходы на эту войну, равно какъ и на другія государ-

ственныя потребности, Филиппъ покрывалъ между прочимъ и доходами съ церковныхъ имуществъ, ко взиманію которыхъ онъ, помимо всякихъ другихъ соображеній, считалъ себя вполнѣ уполномоченнымъ еще послѣдними папскими буллами. Со стороны папски мыслящихъ членовъ клира не замедлили послѣдовать въ курію жалобы на „крайнія насилія короля и его чиновниковъ“: для папски мыслящаго клира не существовало ни отечества въ собственномъ смыслѣ, ни нуждъ его; отечествомъ для него были самыя имущества, которыми онъ владѣлъ, и хорошіе доходы, получаемые съ нихъ. Бонифацій и его братья-кардиналы съ чувствомъ выслушивали жалобы, приносимыя недовольными Французскими клириками, и преисполнялись негодованія какъ на самого короля, такъ и на его чиновниковъ. Кромѣ того, Филиппъ возбуждалъ въ Бонифаціѣ негодованіе на себя еще потому, что онъ сталъ оказывать покровительство врагамъ послѣдняго и внимать всѣмъ ихъ на него навѣтамъ. Уже въ концѣ лѣта 1297 г. гонимые Бонифаціемъ Колонны послали вѣстника къ Филиппу съ порученіемъ доложить ему, что Бонифацій узурпаторъ и при томъ еретикъ. Послѣ, когда Колонны, скрываясь отъ преслѣдованій Бонифація, сами прибыли во Францію, они могли только подтвердить показанія своего вѣстника. Юридическія и фактическія основанія, представленныя ими, были поразительны. Филиппъ оказалъ имъ самый дружественный пріемъ и, когда узналъ о жалкой участи Сціарры-Колонны, поспѣшилъ выкупить его у разбойниковъ. Послѣ того Сціарра сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ратоборцевъ за Филиппа противъ Бонифація. Обвиненія Бонифація въ узурпаціи, въ ереси и гнусныхъ порокахъ слѣдовали и отъ весьма многихъ другихъ лицъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія и по своему высокому положенію, и по своимъ отношеніямъ къ Бонифацію. Его обвиняли предъ Филиппомъ многіе кардиналы, которыхъ Бонифацій посылалъ во Францію въ каче-

ствѣ своихъ легатовъ. Я уже упоминалъ о кардиналѣ Симонѣ. Другой кардиналъ, тоже родомъ Французъ, знаменитый ученый своего времени Ле-Муанъ, возвелъ предъ Филиппомъ на Бонифація такія же обвиненія, какъ и другіе его обвинители. Французскій посланникъ въ Римѣ при папскомъ дворѣ (аббатъ Сенъ-Медарда Петръ) доносилъ своему правительству, что Бонифацій не считаетъ блудодѣяніе и педерастію даже и за грѣхъ. Все это, конечно, если не во всѣхъ подробностяхъ, то, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ своихъ, оставалось не безъизвѣстнымъ въ Римѣ. Такимъ образомъ горючаго матеріала собралось достаточно; нужна была только искра, чтобы занялся пожаръ (1).

Въ 1301 году Бонифацій послалъ во Францію, въ качествѣ своего нунція, епископа Памьерскаго, Бернарда Сессе (Saisset), съ порученіемъ увѣщевать короля къ крестовому походу въ вознагражденіе за тѣ десятины, которыя онъ бралъ и еще продолжаетъ брать съ церквей. Вмѣстѣ съ этимъ поручено было ему убѣдить короля прекратить свои поборы съ церковныхъ имуществъ. Всѣ обстоятельства дѣла располагаютъ въ пользу того мнѣнія, что выборъ Сессе въ качествѣ посланника къ Филиппу сдѣланъ преднамѣренно, какъ бы изъ желанія или вызвать послѣдняго на борьбу, или заставить его смириться. Сессе былъ крайне непріятенъ королю съ[illegible]давна, когда онъ еще

---

(1) Опускаю дѣла Нѣмецкія, какъ не особенно вліявшія на описываемый ходъ событій. Въ борьбу съ королемъ Адольфомъ Нассаускимъ вступилъ Альбрехтъ Австрійскій. 2 іюля 1298 г. они сразились; Адольфъ былъ убитъ и Альбрехтъ вмѣсто него избранъ въ короли. Бонифацій не хотѣлъ признать его королемъ. Филиппъ заключилъ съ нимъ дружественный и родственный союзъ. Это конечно было непріятно Бонифацію. Послѣ, когда Альбрехтъ побѣдилъ возставшихъ противъ него князей, призналъ его королемъ и Бонифацій (30 апр. 1303 г.) Въ благодарность Альбрехтъ присягнулъ Римской церкви и призналъ верховныя права папы не только въ духовныхъ дѣлахъ, но и въ свѣтскихъ. Это не могло быть пріятно Филиппу.

былъ аббатомъ въ Памьерѣ и когда онъ, вопреки волѣ короля, не хотѣлъ уступить господство надъ Памьеромъ графу Фуа, которому Филиппъ отдалъ во власть Памьеръ. Самое возвышеніе этого города на степень епископіи и назначеніе на нее не другаго кого-нибудь, а именно Бернарда Сессе, сдѣлано Бонифаціемъ, безъ вѣдѣнія Филиппа, съ явною противъ него преднамѣренностію. Теперь, гордый полномочіями папы, Сессе повелъ себя крайне надмѣнно и началъ открыто и свободно высказываться противъ всѣхъ дѣйствій короля. Когда онъ, по окончаніи своей миссіи, возвратился въ Памьеръ, за нимъ учредили тайный надзоръ. Узнавъ объ этомъ Бернардъ хотѣлъ было бѣжать въ Римъ, но его схватили (ночью 12 іюля 1301 г.), прислугу отъ него отдѣлили, бумаги отобрали и самого его привезли въ Парижъ. 24 октября король созвалъ государственный совѣтъ въ Сенли (Senlis), при чемъ главнымъ обвинителемъ Бернарда выступилъ довѣренный совѣтникъ и ближайшій слуга короля, рыцарь Петръ Флоттъ, а также епископъ Тулузскій и нѣкоторые другіе, враждебные ему, епископы. Обвиняли его а) въ поношеніи имени короля, котораго онъ считалъ неистиннымъ потомкомъ Карла великаго и къ управленію совершенно негоднымъ, въ доказательство чего ссылался даже на Людовика св. (IX), который будто бы говаривалъ, что внукъ его погубитъ государство; b) въ возбужденіи къ бунту Тулузской провинціи, и c) въ отрицаніи за королемъ права на Памьеръ. Государственный совѣтъ рѣшилъ-было тотчасъ же принять строгія мѣры противъ Бернарда, но онъ протестовалъ противъ компетенціи Совѣта въ его дѣлѣ. Король рѣшилъ дать знать объ этомъ папѣ, а самого его повелѣлъ передать подъ арестъ архіепископу Нарбоннскому.

Одни изъ ученыхъ думаютъ, что король дѣйствительно послалъ посла къ Бонифацію по дѣлу Сессе, именно—своего совѣтника, ловкаго юриста и адвоката Петра Флотта, который будто бы смѣло и сильно

обвинялъ Сессе и требовалъ его осужденія: но другіе, напротивъ, полагаютъ, что король никого не посылалъ къ Бонифацію. Какъ бы то ни было, только папа, извѣстившись обо всемъ ходѣ дѣла, рѣшился защитить своего клеврета и сильнѣйшимъ образомъ показать свою власть, которую онъ считалъ давно оскорбляемой. Прежде всего въ буллѣ Salvator mundi, помѣченной 4 дек. 1301 г., онъ снова отмѣнилъ всѣ тѣ уступки, которыя дарованы имъ Французскому королю для защиты государства въ объяснительныхъ буллахъ на буллу Clericis laicos, но которыя теперь, по причинѣ наступившаго мира и практикуемыхъ чиновниками злоупотребленій, становятся совершенно излишними. На слѣдующій день, 5 декабря, онъ издалъ цѣлый рядъ писемъ и буллъ. Отъ короля онъ потребовалъ немедленнаго освобожденія епископа Сессе вмѣстѣ съ возвращеніемъ конфискованныхъ его имуществъ; тогоже немедленнаго освобожденія Сессе изъ-подъ ареста онъ потребовалъ и отъ архіепископа Нарбоннскаго, даже въ томъ случаѣ, если бы распоряженіе короля было противоположнаго свойства. Въ письмѣ ко всѣмъ епископамъ, соборнымъ капитуламъ, докторамъ богословія и магистрамъ каноническаго и гражданскаго права во Франціи онъ писалъ отъ тогоже числа, что „ему также хорошо стало извѣстно, какъ и имъ, что король Филиппъ и его чиновники всячески угнетаютъ, наносятъ ущербъ и жестоко обращаются съ прелатами, церквами и церковными лицами, а также съ дворянствомъ, общинами и народомъ. Поэтому онъ, по соглашенію съ кардиналами, рѣшился призвать къ себѣ представителей Франціи, и теперь повелѣваетъ явиться къ нему къ ближайшему 1 ноябр. (1302 г.) лично—всѣмъ епископамъ, докторамъ и магистрамъ, чрезъ уполномоченныхъ — капитуламъ. Такъ какъ они очень преданы королю и имъ любимы, то онъ и хочетъ выслушать ихъ совѣтъ и потомъ рѣшить и опредѣлить, что̀ окажется полезнымъ къ чести Божіей и церкви, къ со-

храненію церковной свободы, *къ реформѣ короля и государства*, къ устраненію доселѣшнихъ злоупотребленій и къ доброму управленію". Въ заключеніе письма замѣчаетъ, что онъ одновременно и короля приглашаетъ явиться лично или чрезъ представителя. — Подобныя же письма были отправлены къ аббатамъ: Ситоскому, Клюнійскому, Премонстранскому, Сенъ-Денискому и Мармонтьерскому. Не забылъ папа опредѣлить также и форму, какъ отдѣльныя лица должны извинять свою неявку. Дома дозволено остаться лишь нѣкоторымъ Парижскимъ докторамъ и магистрамъ для того, чтобы обученіе юношества не прекращалось.

Тѣмъ же 5 декабря помѣчена и знаменитая булла: Ausculta fili. Содержаніе ея таково (1): „Внемли, возлюбленный сынъ, предписаніямъ отца, преклони ухо сердца твоего къ ученію учителя, который замѣняетъ лице Того, Кто одинъ есть Учитель и Господь. Пріими также увѣщаніе св. матери, церкви, возжелай и озаботься точно исполнить оное, и ты съ сокрушеннымъ сердцемъ обратишься къ Богу, отъ котораго ты удалился по нерадѣнію или сбитый съ пути худымъ совѣтомъ, и ты благоговѣйно начнешь сообразоваться съ своими и нашими предписаніями. Такимъ образомъ къ тебѣ обращается рѣчь наша, тебѣ дается познать отеческую любовь нашу, тебѣ предлагаются сладкіе сосцы матери. Возрожденный крещеніемъ,.... ты вступилъ въ ковчегъ истиннаго Ноя, внѣ котораго никто не спасется, именно въ католическую церковь, эту единую невѣсту Христову, въ которой намѣстникъ Христа и наслѣдникъ Петра обладаетъ примат ствомъ. Такъ какъ ему преданы ключи царства небеснаго, то онъ назначенъ Богомъ судьею живыхъ и мертвыхъ, и задача его состоитъ въ томъ,

(1) Въ послѣдствіи Климентъ V повелѣлъ выскоблить въ ней непріятныя мѣста для Филиппа. Здѣсь предлагается ея содержаніе по полному ея тексту.

чтобы, сидя на тронѣ суда, разгонять все злое. Глава этой невѣсты есть Римскій папа, у нея нѣтъ многихъ головъ, какъ бы у нѣкоего чудовища, потому что въ ней нѣтъ скверны или порока и пр. Я хочу открыть тебѣ, сынъ мой, почему я вынужденъ сказать это. Богъ, не взирая на наши ничтожныя заслуги, посадилъ насъ выше царей и царствъ и возложилъ на насъ иго апостольскаго рабства, дабы въ его имя и по его указанію исторгать, разрушать, строить и насаждать, колеблющееся укрѣплять, больное исцѣлять, потерянное возвращать, и пр. Такимъ образомъ, возлюбленный сынъ, никому не дозволяй внушать тебѣ, что ты не имѣешь никакого начальника и не подчинень высшему іерарху церковной іерархіи. Кто думаетъ это, тотъ глупъ; кто упорно утверждаетъ это, тотъ не вѣрующій и не принадлежитъ къ стаду добраго пастыря. Хотя мы заботимся о спасеніи всѣхъ королей и князей, однакожъ въ отношеніи тебя мы тѣмъ рачительнѣе исполняли долгъ нашего служенія, чѣмъ отечественнѣе мы въ нашихъ различныхъ положеніяхъ любили тебя и твоихъ предковъ, твой домъ и твое царство. Мы не можемъ и не должны иначе, какъ ясно показать тебѣ все то, посредствомъ чего ты оскорбляешь очи Божественной справедливости, огорчаешь насъ, обременяешь своихъ подданныхъ, наносишь вредъ церквамъ, духовенству и мірянамъ, раздражаешь различными тягостями пэровъ, графовъ, барономъ и другихъ благородныхъ, общины и народъ государства. Мы уже доселѣ неоднократно съ любовію увѣщевали тебя къ исправленію,... но, къ сожалѣнію мы видимъ, что ты пріумножилъ грѣхи и сдѣлалъ ихъ обычаемъ. Къ примѣру: хотя то, что папа владѣетъ высшею и главнѣйшею властію надъ упраздненными церковными достоинствами, персонатами, бенефиціями, каноникатами и пребендами, составляетъ совершенно ясное и доказанное право, тобою же пожалованіе ихъ отнюдь нельзя считать возможнымъ и никто, безъ соизволенія

апостольскаго престола на основаніи твоего только пожалованія, не могъ получать такія мѣста, однако ты до послѣдняго времени не дозволялъ выполнять канонически предпринимаемыя замѣщенія мѣстъ и оспориваешь, чтобы они предшествовали твоимъ мнимымъ пожалованіямъ. Ты играешь роль судьи въ собственномъ дѣлѣ, ты въ одно и тоже время истецъ и судья, ты пренебрегаешь жаловаться предъ надлежащимъ судьею или предъ нами, если даже обвиняемый лице духовное. Также ты не допускаешь, чтобы кто либо жаловался на оскорбленія и насилія, которыя исходили отъ тебя или твоихъ чиновниковъ, и несправедливымъ образомъ простираешь свои жадныя руки на церковныя имущества; ты привлекаешь къ своему суду прелатовъ и духовныхъ лицъ по дѣламъ личнымъ и изъ-за имуществъ и правъ, которыя они не отъ тебя получили; ты обезпокоиваешь и облагаешь ихъ десятиною, хотя міряне никакой не имѣютъ власти надъ духовными. Ты не дозволяешь употреблять духовный мечь противъ угнетателей духовенства и препятствуешь духовнымъ начальникамъ проявлять свою юрисдикцію въ церквахъ и монастыряхъ, принятыхъ тобою подъ свою guardia или custodia. Ліонскую церковь, которая даже не принадлежитъ къ твоему государству и привиллегіи которой мы, какъ бывшій ея каноникъ, очень хорошо знаемъ, ты привелъ угнетеніями въ такую бѣдность, что она не можетъ снова поправиться. Доходы упраздненныхъ каоедральныхъ церквей, на которые ты предъявляешь претензію въ силу такъ называемаго права регалій, ты собираешь въ чрезвычайномъ количествѣ. Что ты долженъ охранять, ты грабишь, пастыри сдѣлались волками и пр. Духовныя лица, и даже не только такія, которыя живутъ въ твоемъ государствѣ, но также и проѣзжающія чрезъ него и иностранныя, не должны вывозить изъ Франціи свою движимую собственность. Умалчиваю объ ухудшеніи монеты и о другихъ обремененіяхъ подданныхъ. До насъ до-

шли многія жалобы относительно этого, и эти дѣла извѣстны всему міру. Церкви Франціи, которыя доселѣ процвѣтали въ свободѣ и спокойствіи, теперь, какъ свидѣтельствуетъ ихъ вопль отъ невыносимаго преслѣдованія, обременены податями. Тебѣ извѣстно, что мы часто обращались по этимъ дѣламъ къ Богу и къ тебѣ самому, въ надеждѣ, что ты исправишься; но ты, какъ глухая ехидна, ожесточилъ свои уши. Послѣ всего этого мы теперь съ правомъ могли бы взять противъ тебя оружіе, колчанъ и лукъ, но мы, однакожъ, восхотѣли предварительно показать тебѣ это, съ тѣмъ чтобы ты, внявъ лучшему совѣту, избѣжалъ карательнаго приговора.... Но, чтобы чрезъ долгое молчаніе самому не сдѣлаться участникомъ въ твоей винѣ, и чтобы Богъ не потребовалъ отъ насъ твоей души и ввѣренная намъ апостольскимъ служеніемъ охрана твоего достоянія (custodia tui) не подверглась повреждению, мы, по отеческой любви, послѣ тщательнаго совѣщанія съ нашими братьями, рѣшили призвать къ намъ къ 1 ноября Французскихъ епископовъ, аббатовъ — Ситосскаго, Клюньисскаго, Премонстранскаго, Сенъ-Дениссскаго и Мармонтьерскаго, также капитулы каѳедральныхъ церквей твоего государства и магистровъ богословія и обоихъ правъ съ нѣкоторыми другими церковными лицами родомъ изъ Франціи, для того, чтобы мы могли съ ними, какъ отнюдь не находящимися у тебя въ подозрѣніи, скорѣе же лично пріятными и любезными тебѣ и твоему царству, совершенно зрѣло, безъ всякой поспѣшности, совѣщаться о поименованныхъ и другихъ дѣлахъ и опредѣлить, *что полезно къ устраненію злоупотребленій и къ исцѣленію и доброму управленію государства.* Итакъ, если ты находишь, что здѣсь рѣчь идетъ объ обстоятельствахъ, касающихся тебя, то ты можешь присутствовать на упомянутомъ собраніи лично или чрезъ получившаго точную инструкцію уполномоченнаго; но собраніе состоится и обсужденіе на немъ послѣдуетъ, если даже

ты не явишься и никого не пришлешь.... Нѣкоторые говорятъ въ твое извиненіе, что все это падаетъ не на тебя, а на твоихъ худыхъ совѣтниковъ. Но въ точномъ смыслѣ нельзя извинить того, что ты имѣешь столь худыхъ совѣтниковъ. Они суть ложные пророки. которые совѣтуютъ тебѣ ложное и глупое; они пожираютъ подданныхъ государства и пчелы изготовляютъ медъ для нихъ, а не для тебя; они суть тѣ потаенныя двери, которыми служители Вила (Beli, указаніе на прозваніе Филиппа—Bel) тайно уносили приносимыя царемъ жертвы (Дан. гл. 14); это они грабятъ подъ твоею тѣнью твое и другихъ имущество и подъ видомъ справедливости угнетаютъ подданныхъ и церкви..... Но, чтобы ты не подумалъ, будто мы какъ бы забыли св. Землю, напоминаемъ тебѣ, мой сынъ, что твои предки, по стопамъ которыхъ ты долженъ шествовать, жертвовали нѣкогда жизнію и имуществомъ на пользу св. Земли, которая теперь, во время твоего правленія, потеряна частію вслѣдствіе завоеваній, сдѣланныхъ Сарацинами, частію вслѣдствіе равнодушія христіанъ, твоего (въ особенности) и остальныхъ королей.... Іерусалимъ вопіетъ къ Сыну Божію, повѣствуетъ о своемъ бѣдствіи и взываетъ о помощи. Итакъ, если ты сынъ Божій, то внемли этой скорби. На помощь оной странѣ пришли Татары, язычники и другіе невѣрные (1), а не искупленные кровію Христовою“ и т. д.

Спустя немного Бонифацій еще разъ обсуждалъ эту буллу въ консисторіи и только въ началѣ слѣдующаго года вручилъ ее Нарбоннскому архидіакону Іакову Норману для передачи королю Филиппу и его правительству. Когда 10 февр. 1302 г. Іаковъ получилъ аудіенцію у короля и прочиталъ ему эту буллу въ присутствіи немногихъ свидѣтелей, то братъ ко-

(1) Въ 1299 г Сирія была завоевана Татарами, ханъ которыхъ явилъ себя благосклоннымъ къ христіанамъ.

роля, графъ Артуа, выркалъ ее у него изъ рукъ и бросилъ въ огонь. Этимъ былъ данъ знакъ къ борьбѣ. Такъ какъ копію съ этой буллы Іаковъ вручилъ еще высшему клиру Франціи, то конфискована была и она, дабы такимъ образомъ совершенно изъять ее изъ обращенія въ народѣ. Что Auscultа fili представляетъ обвинительный актъ противъ короля и его правительства,—это очевидно для каждаго. Масса лицемѣрно-благочестивыхъ словъ и quasi сердечныхъ благожеланій легко могла скрыть отъ недальновидныхъ властолюбіе и алчность самой Римской куріи и возбудить Французовъ главнѣйшимъ образомъ противъ короля и его правительства, которые въ отношеніи къ нимъ такъ жестоки. Нужно было лишить буллу густаго покрова ея лицемѣрныхъ словъ и благожеланій и показать народу претензіи Рима въ ихъ грубой наготѣ. Правительство и сдѣлало это въ своей буллѣ, сочиненной имъ отъ имени папы и яко бы только что присланной къ нему. Булла эта (Deum time) гласила: „Бонифацій епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ, Филиппу королю Франковъ.—Бога бойся и заповѣди Его храни. Мы желаемъ, чтобы ты зналъ, что ты подчиненъ намъ въ духовныхъ и мірскихъ предметахъ. Ты никакого не имѣешь права раздавать бенефиціи и пребенды, и если когда ты опекаешь (custodiam habeas) нѣкоторыя вакантныя мѣста, то доходы ихъ ты долженъ сохранять для ихъ ближайшихъ владѣтелей; если же которыя изъ нихъ ты уже раздалъ, то мы опредѣляемъ пожалованіе такого рода недѣйствительнымъ и, насколько оно совершилось de facto, отмѣняемъ. Думающихъ же иначе считаемъ еретиками". Что эта булла подложна, сочинена самимъ правительствомъ, а не папою,—это несомнѣнно открывается изъ ея грубой наготы, отсутствія въ ней всякихъ лицемѣрно-благочестивыхъ пожеланій, безъ чего не обходится никакая папская грамата, а также категорично засвидѣтельствовано самимъ Бонифаціемъ и его кардиналами. Впечатлѣніе, произведенное ею на

народъ, было сильное, крайне неблагопріятное для папы и его духовенства, котораго міряне стали избѣгать, какъ чумы, и весьма благопріятное для правительства, правоспособности и самостоятельности котораго задумалъ угрожать папа.

Кромѣ Ausculta fili, архидіаконъ Іаковъ принесъ еще другое письмо, Secundum divina, въ которомъ Бонифацій угрожалъ Филиппу отлученіемъ, если онъ еще долѣе будетъ держать епископа Памьерскаго подъ арестомъ. Филиппъ передалъ Сессе папскому нунцію и повелѣлъ имъ обоимъ немедленно же, въ теченіе нѣсколькихъ дней, оставить предѣлы своего государства и затѣмъ никогда уже болѣе въ него не возвращаться.

Не довольствуясь обнародованіемъ грубо-дерзкой мнимо-папской буллы, король поспѣшилъ обнародовать и свой отвѣтъ, который онъ яко бы уже отослалъ къ папѣ. Этотъ мнимый отвѣтъ (Sciat maxima tua fatuitas) составленъ совершенно по шаблону подложной буллы (Deum time). Онъ гласилъ: „Филиппъ, милостію Божіею король Франковъ, Бонифацію, *выдающему себя* за верховнаго первосвященника, малаго или никакого здравія. — Пусть знаетъ твоя вѣличайшая глупость, что мы во временныхъ дѣлахъ никому не подчинены, пожалованіе вакантныхъ пребендъ и церквей принадлежитъ намъ по праву регалій (jure regio), доходы ихъ становятся нашими доходами, пожалованія, сдѣланныя нами доселѣ и впредь могущія быть, имѣли силу въ прошедшемъ и будутъ имѣть силу въ будущемъ, и владѣтелей ихъ будемъ мужественно защищать противъ всѣхъ. Думающихъ же иначе считаемъ глупыми и безумными“.—Очевидно этотъ отвѣтъ разсчитанъ исключительно на возбужденіе національнаго чувства Французовъ. Каждый Французъ, читая его, могъ только преисполняться удивленія къ храбрости своего короля и самъ становился храбрымъ. „Вотъ-де, какъ мы этого страшнаго папу, котораго трепещетъ вся Европа и который, какъ

пѣшками, помыкаетъ королями другихъ государствъ! Мы—не то! Мы?!..“ и при этомъ кулакъ невольно сжимался, рука хваталась за мечь, грудь вздымалась..... Но что этотъ отвѣтъ не былъ отсылаемъ къ папѣ, это несомнѣнно явствуетъ изъ того, что онъ былъ отвѣтомъ на *подложную буллу* и при томъ противорѣчилъ всякимъ дипломатическимъ формамъ. Какъ булла Deum time, такъ и отвѣтъ на нее стали извѣстны въ Римѣ другимъ путемъ, по частному доносу папскихъ приспѣшниковъ. Очень можетъ быть, что Французское правительство не только не мѣшало этимъ тайнымъ доносамъ, но даже негласно содѣйствовало имъ.

Когда такимъ образомъ умы надлежащимъ образомъ были подготовлены, король созвалъ (10 апр. 1302 г.) въ Парижской церкви Богоматери (Notre-Dame) Національное собраніе, въ которое, кромѣ дворянства и духовенства, приглашено было также и *третье сословіе*. Уже необычайный составъ Собранія показывалъ, что дѣло, которое будетъ предложено на его обсужденіе, чрезвычайной важности. Третье сословіе было приглашено въ первый разъ на обсужденіе дѣлъ государства, и на него-то король возлагалъ особенное упованіе. Правительство выступило здѣсь не столько въ качествѣ обвиняемаго, сколько обвинителя, не столько защищалось, сколько нападало, или лучше—оно напало на папство, защищаясь. Обвинителемъ Бонифація выступилъ хранитель государственной печати Петръ Флоттъ. Онъ объявилъ Собранію, что папа не только Французскую церковь подавилъ тяжелыми налогами, но даже старается подчинить своей власти и самого короля въ его дѣлахъ временныхъ, хочетъ сдѣлаться еще свѣтскимъ владыкою всей Франціи. Поэтому король проситъ собраніе, какъ другъ, и приказываетъ, какъ государь, помочь ему своимъ совѣтомъ въ этомъ дѣлѣ. Послѣ этой рѣчи, дворянство удалилось для тайнаго совѣщанія и спустя немного объявило рѣшеніе, что, для защиты

короля, свободы и правъ отечества, оно готово жертвовать своею кровію и имуществомъ. Точно такое же рѣшеніе вынесло и третье сословіе. Духовенство, прежде чѣмъ подать мнѣніе, потребовало-было долгой отсрочки на размышленіе; но ему объявлено было, что всякій, кто держится другаго взгляда, чѣмъ король, долженъ быть считаемъ врагомъ государства, и что долгаго времени на обсужденіе въ данномъ случаѣ и не требуется: такъ все очевидно. Такимъ образомъ ему отказано было и въ другой его просьбѣ позволить идти въ Римъ, согласно папскому требованію, на совѣщаніе, конечно, о настоящемъ положеніи дѣлъ во Франціи. Вмѣсто этого собраніе приняло рѣшеніе отправить въ Римъ письма: клиръ—къ папѣ, остальныя два сословія—къ кардиналамъ, каждое отъ себя отдѣльно.

Клиръ смиренно излагаетъ въ своемъ письмѣ къ папѣ самый ходъ событій и свое тяжелое положеніе, чтобы тѣмъ сколько нибудь оправдать себя отъ упрека, почему онъ не выступилъ горячо въ защиту папскихъ интересовъ. Съ этой стороны письмо его замѣчательно; оно знакомитъ насъ со всѣмъ ходомъ дѣла. „Не безъ глубокой скорби и не безъ горькихъ слезъ, гласитъ посланіе клира, мы вынуждены доложить вашему святѣйшеству, что нашъ всесвѣтлѣйшій князь и государь Филиппъ, *милостію Божіею король Франковъ*, послѣ того какъ онъ выслушалъ докладъ вашего нунція, прочиталъ запечатанныя апостольскія письма и сообщилъ ихъ содержаніе нѣкоторымъ немногимъ изъ своей свиты, въ высшей степени изумившись вмѣстѣ съ ними онымъ и обезпокоившись, онъ тотчасъ же послѣ того призвалъ къ себѣ и остальныхъ отсутствующихъ бароновъ и насъ, архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ и пр. Когда мы вмѣстѣ съ баронами, экономами, синдиками и прокураторами городовъ и пр. тотчасъ же собрались 10 апр. въ присутствіи короля въ церкви св. Маріи, то онъ (чрезъ Петра Флотта) сообщилъ намъ, будто бы утвержда-

емо было тѣмъ архидіакономъ и въ вашихъ письмахъ, что онъ подчиненъ вамъ относительно своего государства и въ дѣлахъ временныхъ (temporaliter) и государство получилъ отъ васъ, тогда какъ доселѣ всеобще было убѣжденіе, что онъ и его предшественники приняли свое царство отъ одного Бога. И такими новыми и жителями сего государства никогда не слыханными словами вы еще не удовольствовались: чтобы также и фактически провести ихъ, вы призываете къ себѣ всѣхъ прелатовъ его государства и магистровъ богословія и пр. съ цѣлію исправить злоупотребленія и изгладить обиды и поврежденія, которыя король и его чиновники причиняли и причиняютъ прелатамъ, церквамъ, церковнымъ лицамъ, а также дворянству, общинамъ и народу. Вслѣдствіе этого государство лишится по-истинѣ своего драгоцѣннаго сокровища и щита, именно — мудрости прелатовъ и пр. и подвергнется опасности величайшаго бѣдствія. Король сѣтуетъ на это и еще онъ сѣтуетъ на непомѣрныя тяготы, которыя были причиняемы и постоянно причиняются ему, государству и Галликанской церкви вами и Римскою церковію, особенно въ ваши времена, посредствомъ ресерваций, произвольной раздачи епископій и другихъ выдающихся мѣстъ иностранцамъ и иногда подозрительнымъ (которые никогда не живутъ въ резиденціи, лишаютъ бѣдныхъ ихъ имущества, опускаютъ Богослуженіе, чѣмъ убиваютъ охоту къ постройкѣ новыхъ зданій и т. д.), — посредствомъ новыхъ податей, требуемыхъ отъ церквей,.... и посредствомъ вредныхъ нововведеній, чрезъ что измѣняется положеніе церкви,—сѣтуетъ и на то, что вы отняли у высшихъ прелатовъ право давать коадъюторовъ своимъ суффраганъ-епископамъ. Такого лишенія его правъ въ государствѣ, такого явнаго оскорбленія его и государственной чести онъ не хочетъ и не можетъ сносить долѣе. Далѣе, онъ увѣряетъ, что во временныхъ дѣлахъ онъ не имѣетъ никакого начальника, какъ не имѣли также

никакого такого начальника и его предки, и что, *по суду авторитетнѣйшихъ и ученѣйшихъ лицъ*, дѣло его правое. Онъ потребовалъ отъ всѣхъ насъ, прелатовъ и бароновъ и пр., оказать ему дѣятельную поддержку въ охраненіи древней свободы и чести государства и пр., именно также и въ отношеніи тягостей, причиняемыхъ его чиновниками церквамъ и церковнымъ лицамъ,—тягостей, устраненіе которыхъ онъ уже самъ рѣшилъ предъ прибытіемъ того архидіакона. И это было бы уже приведено въ исполненіе, если бы король не хотѣлъ избѣжать вида, что это случилось какъ бы изъ послушанія къ вамъ. Въ заключеніе онъ объявилъ, что для блага страны онъ готовъ отдать не только все свое имущество, но также свое собственное лице и своихъ дѣтей, и по этой самой причинѣ, что рѣчь шла объ общемъ дѣлѣ, въ которомъ каждый участвуетъ и обязанъ участвовать, онъ потребовалъ и отъ каждаго изъ насъ рѣшительнаго, скораго и точнаго отвѣта. Послѣ этого бароны удалились для совѣщанія, но тотчасъ же снова возвратились съ объявленіемъ, что они готовы поддерживать короля въ его добрыхъ предпріятіяхъ имуществомъ и кровію. Теперь и до насъ дошла очередь подать свое мнѣніе. Мы потребовали долгой отсрочки и въ длинной рѣчи и рядомъ аргументовъ представили королю и почтеннѣйшимъ баронамъ, что вы навѣрное не имѣли цѣлію нападать на свободу и честь государства и пр. и что узы согласія между Римскою церковію и Французскими королями должны быть сохранены. Но когда долгій срокъ былъ отвергнутъ и было объявлено, что всякій, кто держится иного взгляда, долженъ быть считаемъ врагомъ государства...., то мы не безъ величайшаго стѣсненія и смущенія отвѣтили, что мы будемъ поддерживать короля въ защитѣ его лица, его семейства, его собственности и свободы совѣтомъ и дѣломъ, насколько мы клятвенно обязались быть вѣрными, какъ владѣтели герцогствъ, графствъ и леновъ и пр. Въ тоже время

мы смиренно просили короля позволить намъ, согласно папскому требованію, отправиться въ Римъ, но въ этомъ было намъ отказано.... Поелику теперь уже произошелъ величайшій расколъ между клириками и мірянами, послѣдніе всѣ избѣгаютъ общенія съ первыми и считаютъ ихъ за измѣнниковъ величеству, то мы просимъ ваше святѣйшество позаботиться о томъ, чтобы древнее согласіе и любовь между церковію, королемъ и государствомъ были сохраняемы и Галликанская церковь, чрезъ отмѣну эдикта, призывающаго насъ въ Римъ, оставалась бы въ мирѣ и покоѣ".

Иной языкъ чувствуется въ письмѣ дворянства къ кардиналамъ. „Вы знаете, писало оно, что Римская Церковь и Французское государство съ давнихъ временъ были согласны между собою, знаете и то, какъ много Французское дворянство сдѣлало и пожертвовало на пользу христіанской вѣры. И чтобы это согласіе не было возмущено злою волею и враждебностію того, кто въ настоящее время сидитъ на престолѣ церковнаго правительства, мы сами извѣщаемъ васъ о худыхъ и оскорбительныхъ нововведеніяхъ, которыя онъ предпринялъ противъ очень любимаго и благоговѣйно почитаемаго господина нашего Филиппа, *Божіею милостію короля Франціи*, и противъ всего королевства.... Мы отнюдь не хотимъ и не можемъ потерпѣть этого. Между прочимъ коронію чрезъ нунція и (папское) письмо было сказано, что онъ, который вмѣстѣ съ жителями государства всегда подчинялся въ мірскихъ дѣлахъ одному только Богу, долженъ подчиняться тому (Бонифацію) также и во временныхъ дѣлахъ, и что отъ него получилъ это государство. Далѣе Бонифацій призываетъ къ себѣ прелатовъ и докторовъ и пр. Франціи, чтобы уничтожить чинимыя королемъ и его чиновниками угнетенія прелатамъ и церквамъ, дворянству и народу, и исправить ошибки, хотя мы желали поправленія не отъ него, а только отъ нашего короля. Къ тому же отъѣздъ столь многихъ пре-

латовъ и пр. очень вреденъ для государства и отнимаетъ у него драгоцѣннѣйшее сокровище — мудрость мудрыхъ. Понесетъ ущербъ также и церковная жизнь и совершеніе таинствъ. Тотъ, который возсѣдаетъ теперь на престолѣ церковнаго правительства, совершенно произвольно раздавалъ и теперь также продолжаетъ ежедневно раздавать архіепископства и епископства и другія высшія бенефиціи королевства, и даже за огромнѣйшія суммы, которыя потомъ ложатся на народъ, и раздаетъ онъ эти мѣста лицамъ неизвѣстнымъ, иногда подозрительнымъ, даже дѣтямъ, которыя не могутъ получать никакой церковной бенефиціи и не имѣютъ никакой резиденціи. И этого ему не довольно; онъ хочетъ присвоить себѣ пожалованіе и тѣхъ бенефицій, которыя учреждены королемъ и нашими предками и которыя искони принадлежали королю и нашимъ предкамъ, чтобы тѣмъ лучше имѣть возможность обременять ихъ податями. Мы не можемъ и не хотимъ терпѣть этихъ вещей, и если бы мы захотѣли этого, то не потерпятъ король и народъ. Такія вещи не угодны ни Богу, ни добрымъ людямъ и исходятъ развѣ только отъ антихриста. Хотя онъ и говоритъ въ своихъ письмахъ, что онъ сдѣлалъ это съ согласія кардиналовъ, но мы иначе не можемъ подумать, какъ что это не угодно вамъ и что вы не давали своего согласія на эти нововведенія, величайшія заблужденія и глупѣйшія предпріятія. Поэтому мы настоятельно просимъ каждаго изъ васъ,— такъ какъ вы имѣете участіе въ управленіи церкви, — посодѣйствовать привести къ доброму концу это, такъ легкомысленно и безпорядочно начатое дѣло, для того, чтобы любовь между церковію и королевствомъ сохранялась и увеличивалась и чтобы стало возможно предпринять крестовый походъ“. Къ этому письму приложили свою печать всѣ высшіе дворяне, напередъ — наслѣдный принцъ Людовикъ. — Въ такомъ же родѣ написано было письмо и третьяго сословія.

Такимъ образомъ Французское національное собраніе всѣхъ трехъ сословій, къ которому король обратился въ настоящихъ затруднительныхъ своихъ обстоятельствахъ за совѣтомъ и помощію, вмѣсто обвиненія правительства короля, за которымъ оно не отрицало ошибокъ и погрѣшностей, взвело страшныя обвиненія на управленіе самого папы, которое во всѣхъ отношеніяхъ является хуже королевскаго; которое истощаетъ и давитъ Францію своими многообразными и крайне тяжелыми поборами; которое въ этомъ отношеніи по справедливости должно быть названо грабительскимъ управленіемъ; которое, наконецъ, убиваетъ самый религіозный духъ Французовъ, отнимаетъ у нихъ всякую охоту къ созданію новыхъ религіозныхъ учрежденій. Ультрамонтане, по справедливости, винятъ здѣсь, съ своей точки зрѣнія, начало *революціонныхъ движеній* противъ папства. И дѣйствительно, теперь въ лицѣ Франціи въ первый разъ такъ рѣшительно противосталъ здравый смыслъ человѣчества мрачному губительному ученію папства. Толчекъ былъ данъ, нужно ждать его отраженій. Нельзя не видѣть въ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ правительства короля Филиппа и Національнаго собранія отчасти также и вліянія внушеній Колонновъ и другихъ духовныхъ лицъ высокаго и низкаго званія, сомнѣвавшихся въ законности понтификатствованія Бонифація и ищущихъ опоры для своихъ противодѣйствій во Франціи. Въ письмѣ дворянства замѣчательно то, что Бонифацій ни-разу не названъ первосвященникомъ и папою. Всѣ три письма отосланы въ Римъ по назначенію. Въ тоже самое время король возобновилъ свои прежніе эдикты, воспрещающіе пребываніе иностранцамъ во Франціи и вывозъ за границу золота, серебра, драгоцѣнностей и пр. Всѣ дороги, проходы и гавани заняты были вооруженною стражей, чтобы такимъ образомъ пресѣчь у прелатовъ и клириковъ всякую возможность идти на предписанный въ Римѣ соборъ, если бы кто нибудь изъ нихъ вздумалъ послушаться приказанія папы.

Прелатамъ и клирикамъ Франціи отвѣтилъ самъ папа, дворянству и гражданамъ—кардиналы. Письмо папы исполнено порицаній и укоровъ Французскому духовенству, затруднительное положеніе его среди раздраженныхъ мірянъ не принято во вниманіе. „Слова сумазбродной дочери (Verba delirantis filiae), возражалъ папа Французскимъ прелатамъ и клирикамъ, какъ они ни оскорбительны для материнскихъ пожеланій, сколь ни загрязнены безмѣрнымъ преувеличеніемъ, при всемъ томъ не могутъ осквернить чистоту благочестивой матери и превратить материнскую любовь въ ненависть.... Правда всѣ благочестивые недавно возмущены были словами, которыя, подъ предлогомъ утѣшенія, были написаны отъ имени нашей возлюбленной дочери, Галликанской церкви, въ поношеніе ея безпорочной матери.... Составители этихъ словъ хотѣли изъ покоящихся на лжи разсужденій Парижскаго парламента извлечь заключеніе, что они, по причинѣ опасности для ихъ имущества и жизни, не могутъ послѣдовать приглашенію въ Римъ. Апостольскому престолу хорошо извѣстно, что случилось въ томъ собраніи и что говорили, въ особенности Петръ Флоттъ этотъ кривой тѣлесно (semividens) и совершенно слѣпой духовно, и нѣкоторые другіе, которые хотѣли склонить на ложный путь нашего возлюбленнаго сына, короля Франціи Филиппа. Церковь оплакиваетъ это въ высокой степени и изыскиваетъ средство для его исцѣленія и гавань отъ кораблекрушенія такого величества. Но вы, о братья, кажется, возлагаете свою надежду на земное и, изъ страха временной потери и предъ земными судіями, отбросили иго Христово. Въ томъ собраніи было говорено много высокомѣрнаго, злобнаго и схизматическаго, что вамъ слѣдовало бы отвергнуть и, ужъ конечно, не выслушивать и повторять (въ своемъ письмѣ ко мнѣ). Но къ вашему извиненію служитъ нѣкоторымъ образомъ поспѣшность, съ какою тѣ клеветники изливали свой ядъ, говоря другъ за другомъ безъ перерыва. Посредствомъ мороченій они

злобно хотѣли отдѣлить васъ отъ единства церкви и, какъ участниковъ своей превратности, натравить васъ на насъ. Но они напрасно трудятся, если хотятъ воздвигнуть иной тронъ противъ викарія Христова. Подобно какъ первый Люциферъ былъ низвергнутъ, точно такимъ образомъ будетъ низвергнутъ и второй. Ибо не выставляютъ ли они двухъ принциповъ, когда они утверждаютъ, что временное не должно подчиняться духовному?" Въ переводѣ на простую рѣчь съ точно опредѣленнымъ содержаніемъ всѣ эти широкія лицемѣрныя вѣщанія папы, очевидно, сводятся на голое бездоказательное отрицаніе всѣмъ извѣстнаго факта—худости папскаго правленія и на призваніе Французскаго духовенства къ бунту противъ своего правительства по самымъ незаконнымъ, эгоистическимъ, Римско-папскимъ побужденіямъ.

Кардиналы возразили Французскому дворянству въ своемъ письмѣ къ нему отъ 26 іюня: „Содержаніе вашего письма насъ очень опечалило. Нашъ святѣйшій отецъ и владыка Бонифацій, Божіимъ промышленіемъ верховный первосвященникъ свят. Римской и вселенской церкви (упрекъ дворянству, которое не удостоило Бонифація имени первосвященника) и мы сами охотно и твердо соблюдаемъ союзъ единодушія, искони установившійся между Римомъ и Французскими королями. Но врагъ-человѣкъ посѣялъ плевелы. Вамъ слѣдуетъ то принять, какъ совершенно несомнѣнное, что нашъ владыка папа никогда не писалъ королю, будто онъ долженъ подчиняться тому относительно государства и temporaliter и получилъ сіе отъ него (какъ ленъ). И осторожный Нарбоннскій архидіаконъ, магистръ Іаковъ, увѣряетъ также, что онъ ни устно, ни письменно ни чего подобнаго не открывалъ королю. Поэтому все то, что Петръ Флоттъ доложилъ королю, прелатамъ и вамъ, покоится на ложномъ основаніи, и все зданіе, возведенное на немъ, распадается. Папа призвалъ прелатовъ и докторовъ и пр. для того, чтобы съ ними, какъ не находящимися у короля въ подозрѣніи, скорѣе же такими лицами, которыя и имъ

любимы и любятъ его, имѣть возможность зрѣлѣе обсудить, что слѣдуетъ предпринять. Не ново также и то, что папа предписываетъ соборы и даже не только частные, но и вселенскіе. Но именно во вниманіе къ королю и государству онъ на этотъ разъ уклонился отъ созванія вселенскаго собора, потому что между епископами чужихъ государствъ легко могли бы найдтись и такіе, которые менѣе любили Французскаго короля. Если бы вы и прелаты видѣли посланіе (Ansellia), которое тотъ архидіаконъ передалъ королю и если бы вы надлежащимъ образомъ взвѣсили оное то возблагодарили бы Бога и папу за отеческое попеченіе и материнскую ласковость, которыя онъ оказывалъ и оказываетъ, чтобы осчастливить короля и государство и уничтожить тягости, возложенныя на прелатовъ, церкви, монастыри и частію также на васъ и народъ. Если папа обременялъ Галликанскую церковь, то это случалось отъ того, что онъ предоставлялъ королю на многія лѣта десятины церковныхъ доходовъ, и мѣста при каѳедральной и коллегіальной церкви раздавалъ способнымъ лицамъ. Также онъ раздавалъ нѣкоторыя достоинства и бенефиціи, но всегда обращая вниманіе на короля, прелатовъ и нѣкоторыхъ изъ васъ. Онъ раздавалъ многія и огромныя диспенсаціи (разрѣшенія), которыя хорошо извѣстны королю и вамъ (т. е., конечно, потому, что ларованы ему и вамъ), но онъ пожалъ за это только неблагодарность. Ни одинъ человѣкъ, находящійся въ здравомъ умѣ, не можетъ сомнѣваться, что Римскій папа есть первый (Primas) и верховный первосвященникъ, и можетъ за грѣхи привлекать къ отчету каждаго человѣка. На сколько мы помнимъ папа не замѣстилъ Италіянцемъ никакой каѳедральной церкви въ государствѣ (Французскомъ), кромѣ церквей въ Буржѣ и Артуа, и для этого онъ избралъ лицъ, которыя не находились у короля въ подозрѣніи, которыя были знамениты и всѣмъ извѣстны ученостію. Другія каѳедральныя церкви онъ замѣщалъ мужами родомъ изъ Франціи и отнюдь неподозрительными королю. Онъ болѣе, чѣмъ кто либо изъ его предше-

ственниковъ, заботился о бѣдныхъ клирикахъ. При немъ могли повыситься магистры богословія, которымъ онъ раздавалъ каноникаты и пребенды при Парижскихъ церквахъ. Изъ лицъ, опредѣленныхъ имъ на церковныя мѣста приходится сто Французовъ на одного лишь иностранца. Сверхъ того, мы должны также сказать, что и неприлично и несправедливо было не назвать въ нашемъ письмѣ святѣйшаго отца и владыку нашего папою, но, съ устраненіемъ должнаго почтенія, клеймить его непристойными словами".

Спустя нѣсколько времени (въ авг. 1302 г.) Французскіе послы были приглашены въ засѣданіе консисторіи. Кардиналъ-епископъ Портскій, открывшій засѣданіе рѣчью, послѣ длиннаго ея введенія сказалъ, обращаясь къ Французамъ: „То правда, что къ папѣ были принесены многія жалобы на злоупотребленія во Французскомъ королевствѣ и на несоблюденіе церковной свободы. Вѣрно также и то, что дружеское письмо (Ausculta) издано было по согласному рѣшенію папы и кардиналовъ, ибо вы (Французскіе послы) должны знать, что въ коллегіи не существуетъ никакого различія мнѣній между папою и братьями. Также и то письмо не тотчасъ же отослано было, но многократно было предлагаемо консисторіи, прочитываемо и тщательно взвѣшено, и оно полно любви. Оно содержитъ слова любящаго Отца; его сладкими материнскими словами король былъ увѣщеваемъ отмѣнить одно и исправить другое. Нѣкоторые утверждаютъ, что въ этомъ письмѣ проводится мысль, будто король обязанъ считать свое государство за дарованное церковію. Клянусь Богомъ, всякое негодованіе должно нѣмѣть при этомъ ибо въ томъ письмѣ не заключалось подобной мысли, не было также и высказываемо по порученію папы и кардиналовъ (т. е. устно архидіакономъ), что король получилъ свое государство отъ какого бы то ни было человѣка. Говорятъ еще о другомъ письмѣ, которое было послано королю (Deum time). Но я не знаю, откуда вышло это письмо. Кардиналами оно не

было посылаемо, и я твердо увѣренъ, что оно вышло также и не отъ папы. То письмо, которое послали папа и братья, было полно любви, и если оно содержало нѣкоторыя строгія отеческія слова, которыя, быть можетъ, показались королю жесткими, однакожъ они имѣли цѣлію только его улучшеніе и его собственное спасеніе. Лично короля я считаю добрымъ и католическимъ государемъ, но я боюсь, что онъ имѣетъ худыхъ совѣтниковъ, какъ Авессаломъ Ахитофела (2 Царствъ 16, 21 и пр.). Мы разсмотрѣли, на что жаловался король Французскій. Если прелаты были приглашены въ Римъ для совѣщаній о нѣкоторыхъ дѣлахъ, то вѣдь приглашены не чужестранцы и противники, а его собственные люди и близкіе ему, которые любятъ его честь и честь государства, какъ свой глазъ, да и остаться тамъ они должны не вѣчно, но по окончаніи занятій опять возвратились бы домой. Также не имѣетъ онъ причинъ жаловаться и на раздачу бенефицій въ его государствѣ, ибо слѣдуетъ отличать двѣ вещи: право патронатства съ представленіемъ и пожалованіе съ опредѣленіемъ къ мѣсту для пользованія. Пожалованіе бенефиціи никогда не можетъ принадлежать мірянину. Но, можетъ быть, скажутъ, что здѣсь король имѣетъ еще болѣе правъ. Я не знаю этого, но я утверждаю, что ему не можетъ принадлежать здѣсь что либо большее, чѣмъ ministerialiter (т. е. насколько даровалъ ему папа, какъ своему управителю или vicarius). Говорятъ: онъ имѣетъ за собою давность; но если онъ могъ раздавать бенефиціи по собственному полномочію, тогда для чего онъ просилъ у церкви привиллегіи относительно этого? У короля есть свой духовникъ. По какому авторитету и по чьему полномочію онъ разрѣшаетъ короля? Конечно, папы, отъ котораго всѣ епископы и пр. получили свою власть и которымъ они приняты in partem sollicitudinis. Я, можетъ быть, изрекъ величайшую глупость (magnam fatuitatem,—этимъ кардиналъ, очевидно, хочетъ показать, что Sciat maxima tua fatuitas

ему хорошо извѣстна), но это мое убѣжденіе и я хочу защищать его противъ всего свѣта; я готовъ жертвовать жизнію въ доказательство того, что папа, какъ викарій Петра, имѣетъ всякую власть, ибо Христосъ, который однакожъ Господь всего, передалъ свою власть Петру и его наслѣдникамъ. Кто говоритъ противное, тотъ еретикъ. Это можно показать изъ Ветхаго и Новаго Завѣта и изъ установленій св. отцевъ. Но, проходя все это, я приведу только одно: во всемъ мірѣ одинъ Всевышній, въ одномъ домѣ одинъ только отецъ семейства, на одномъ кораблѣ одинъ только кормчій, въ одномъ тѣлѣ одна только глава, иначе цѣлое было бы чудовищемъ. Въ ковчегѣ Ноевомъ былъ одинъ только кормчій—Ной, и тѣ, которые были съ нимъ, спаслись, другіе погибли. Точно также и въ церкви, которая есть корабль Христовъ и Петровъ, только одинъ кормчій и одна глава, повелѣній которыхъ должно слушаться, и онъ называется владыкою всего временнаго и духовнаго, потому что онъ, какъ сказано, имѣетъ всякую власть. Далѣе, не можетъ король жаловаться и на то, что иностранцы опредѣлены на церк. мѣста въ его государствѣ. Не ново также и то, что церковь предоставляетъ себѣ раздачу нѣкоторыхъ мѣстъ, потому что вѣдь она обладаетъ plenitudo potestatis in spiritualibus. За него (папу) и за свободу церкви всѣ кардиналы пожертвуютъ жизнію. Далѣе никто не долженъ сомнѣваться, что папа имѣетъ также судить и обо всемъ временномъ ratione peccati. Стоитъ и это описать: Богъ создалъ два свѣтила, великое и малое. Этимъ обозначены двѣ юрисдикціи. Духовную юрисдикцію principaliter имѣетъ папа, потому что она передана Христомъ Петру и его наслѣдникамъ. Jurisdictio temporalis имѣютъ императоры и короли, но и папѣ слѣдуетъ знать и судить обо всемъ временномъ, на сколько дѣло идетъ о грѣхѣ (ratione peccati). Нужно отличать, кому временная юрисдикція принадлежитъ de jure, и кому—ad usum et executionem. De jure она принадлежитъ папѣ, какъ викарію Христа и

Петра, и кто отрицаетъ это, тотъ наталкивается на членъ вѣры, что Христосъ судитъ живыхъ и мертвыхъ. Но quantum ad usum et executionem временная юрисдикція ему не принадлежитъ, почему Христосъ сказалъ Петру: вложи мечь твой. Такимъ образомъ король Франковъ не имѣетъ никакого права жаловаться".

Вслѣдъ за кардиналъ-епископомъ Портекимъ началъ говорить самъ папа. „Мѣсто Писанія: что Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ, можно приложить также и къ отношенію Французской церкви къ Французскимъ королямъ. Эта связь началась съ крещенія Клодвига. Тогда Ремигій сказалъ къ королю: „держись церкви, ибо пока ты дѣлаешь это, будешь счастливъ вмѣстѣ съ государствомъ". Мы знаемъ, какъ много пользы принесла эта связь государству. Во времена великаго Филиппа (Августа) доходы короля не простирались и до 18,000 ливровъ, а теперь, по причинѣ благоволенія церкви, онъ получаетъ ихъ болѣе 40,000. Такимъ образомъ, что Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ. Мы употребляемъ здѣсь выраженіе *человѣкъ* въ библейскомъ смыслѣ, какъ *врагъ-человѣкъ* (inimicus homo), т. е. въ смыслѣ сатаны или сатанинскаго человѣка. И этотъ-то человѣкъ есть Ахитофелъ, Петръ Флоттъ и пр. Его союзники — графъ Артуа, нѣкогда нашъ другъ, и графъ Сенъ-Поль. Оный Петръ Флоттъ исказилъ наше письмо; свое письмо мы обсуждали вмѣстѣ съ кардиналами и въ присутствіи королевскихъ пословъ, и не тотчасъ же его отослали, такъ какъ они (послы) замѣтили, что напередъ будетъ написано къ намъ; Петръ Флоттъ сообщилъ его въ искаженномъ видѣ или же—совершенно ложное. Такъ какъ наше-то именно письмо онъ и не обнародовалъ, то мы не знаемъ, исказилъ ли онъ самый текстъ, или же вложилъ въ него ложный смыслъ, будто бы мы требовали отъ короля, что онъ долженъ считать свое государство, какъ нашъ ленъ. Въ теченіи 40 лѣтъ мы наловчились въ правѣ; такимъ образомъ кто мо-

жетъ повѣрить, что такая глупость (fatuitas) сидитъ въ нашей головѣ. Мы не желали затрогивать юрисдикцію короля, но и король также мало можетъ отрицать, какъ и всякій другой христіанинъ, что онъ подчиненъ намъ ratione peccati. Относительно пожалованія бенефицій мы уже часто говорили посламъ короля, что мы готовы оказать ему въ этомъ дѣлѣ возможную милость, чтобы онъ могъ licite дѣлать то, что доселѣ онъ лѣлалъ illicite; ибо извѣстно, что пожалованіе бенефицій не можетъ принадлежать никакому мірянину безъ нашего молчаливаго или нарочито выраженнаго согласія. Мы дозволили королю назначать одного каноника въ каждую церковь королевства, а раздачу пребендъ въ Парижскихъ церквахъ мы хотѣли совсѣмъ ему предоставить подъ условіемъ, чтобы онъ опредѣлялъ на нихъ только магистровъ богословія, или докторовъ каноническаго и гражданскаго права, или иначе ученыхъ людей, а не невотовъ того или этого..., но ни король, ни прелатъ (разумѣется, Парижскій) не давали бенефицію какому нибудь магистру богословія, а невотамъ и другимъ, которые малополезны. Это всѣмъ извѣстно. Если захотятъ утверждать, что мы ошибаемся, то кардиналы могутъ быть судіями между мною и королемъ, или онъ можетъ прислать не имѣющихъ вражды ни къ той, ни къ другой сторонѣ бароновъ, какъ напр., герцога Бургундскаго и графа Бретаньскаго и подобныхъ, и они пусть покажутъ, въ чемъ мы погрѣшили или кого либо обременили. Мы готовы къ уступкѣ. Мы не хотимъ отвѣчать глупцу по его глупости, но, насколько зависитъ отъ насъ, имѣть съ королемъ миръ, потому что мы всегда любили Францію. Пока я былъ еще кардиналомъ, я мыслилъ по-французски (Gallicus), что мнѣ мои Римскіе собратья часто ставили въ упрекъ. Также и въ теперешнемъ нашемъ положеніи мы очень любили короля и оказывали ему много услужливостей. Безъ насъ онъ едва ли бы вступилъ болѣе на тронъ. Когда Англичане и Нѣмцы и почти всѣ его могущественные ленники и

сосѣди поднялись противъ него, то чрезъ кого онъ тогда восторжествовалъ? Чрезъ насъ, которые считались его противниками. По истинѣ мы любили его болѣе, чѣмъ родной его отецъ. Но если онъ не придетъ въ себя, мы будемъ отвѣчать ему по его глупости. Мы знаемъ тайны государства! Мы знаемъ, какъ Нѣмцы и жители Лангедока и Бургундіи любятъ Французовъ! Наши предшественники низложили (?) трехъ Французскихъ королей, и хотя мы поступаемъ не подобно нашимъ предшественникамъ, однакожъ, если настанетъ необходимость, и мы также, хотя и со скорбію, какъ раба (garcio, garçon) низложимъ короля Филиппа, который болѣе повиненъ, чѣмъ всѣ тѣ. Что касается призыва прелатовъ въ Римъ, то мы не отмѣняемъ его, напротивъ возобновляемъ и утверждаемъ его. Мы могли бы призвать всѣхъ епископовъ міра, но мы захотѣли привлечь только туземныхъ и преданныхъ королю, потому что мы слышали, что его государство находится въ самомъ величайшемъ пренебреженіи изъ всѣхъ государствъ міра. Поелику оно больно отъ подошвы до макушки, то мы объявляемъ, что тѣ, которые не придутъ, будутъ низложены. Поутру вы (депутаты Французскихъ прелатовъ) вторично можете явиться предъ нами и кардиналами въ консисторіи для пріема писемъ, и мы тогда охотно выслушаемъ. если вы еще что имѣете сказать".

На непредвзятаго читателя, дорожащаго здравымъ человѣческимъ смысломъ, всѣ эти разсужденія кардиналовъ и самаго Бонифація производятъ какое-то недоумѣнное впечатлѣніе. Затрудняешься, какъ назвать этотъ образъ разсужденій?! И Бонифацій и его кардиналы категорично и съ негодованіемъ, какъ нелѣпѣйшую выдумку злобныхъ людей, этихъ Ахитофеловъ—орудій сатаны, *отвергаютъ* ясно выраженное ими прежде положеніе, что папа имѣетъ верховную власть и надъ королями, такъ что имѣетъ право призвать его подданныхъ къ себѣ и обсудить съ ними, что слѣдуетъ предпринять для реформы его собственной особы

и его государства, и вслѣдъ за тѣмъ снова и усиленно, какъ догматъ вѣры, *доказываютъ*, что король получилъ временную юрисдикцію только quantum ad usum et executionem, разумѣется по указанію папы; что de jure, — слѣдовательно въ полномъ смыслѣ по праву, отъ котораго зависитъ право и числахъ властей, предназначенныхъ ad usum et executionem ввѣренной ими юрисдикціи,—она принадлежитъ папѣ; что послѣдній ratione peccati имѣетъ право обсуждать мѣры къ улучшенію дѣлъ всякаго государства и къ исправленію самихъ королей, и что, въ случаѣ неисправленія, онъ можетъ низлагать ихъ, какъ рабовъ. Вся ихъ аргументація — по истинѣ ratio sophismatum, затѣмняющая умъ простяковъ и облегающая густымъ туманомъ эгоистическія цѣли людей міра. Но, конечно, трудно было ожидать, чтобы правительство короля Филиппа прельстилось этою сифистикой.

Посредническая попытка герцога Бургундскаго, котораго такъ восхвалилъ Бонифацій въ своей рѣчи, кончилась полною неудачей. Кардиналы не соглашались ни на какія уступки. Они отвѣтили посредникамъ: „пока король упорно остается въ своей превратности и не оказываетъ никакого раскаянія, папа не можетъ явить ему никакой милости. Но если король *сознается*, что онъ былъ склоненъ худыми совѣтами, и исправитъ свои погрѣшности, папа на вѣрное будетъ въ отношеніи къ нему крайне милостивъ". Это значило, что „мы у *васъ*-де заварили кутерьму; *вамъ* ее и расхлебывать. А мы спокойны въ своемъ далекѣ. Уступая вамъ, мы теряемъ не только у васъ, но можемъ потерять и у другихъ народовъ, мы разомъ проигрываемъ то, что выиграли вѣками и что содержится у другихъ народовъ; вступя съ вами въ борьбу изъза права, мы *отрицаемъ* его за вами и этимъ самымъ укрѣпляемъ за собою; разогрѣвая внутреннее состояніе *вашего* государства, мы, быть можетъ, нѣсколько и теряемъ чрезъ это у *васъ* вліянія, тѣмъ не менѣе мы все-таки ничего не теряемъ, мы являемся рыцаря-

ми права, несправедливо гонимыми. Худой примѣръ для другихъ устраняется".

Надежды кардиналовъ и папы на внутреннія замѣшательства и затрудненія Франціи, повидимому начали осуществляться. Французское войско, посланное для завоеванія Фландріи, было разбито на голову, при чемъ потеряли жизнь и главные враги папы—Петръ Флоттъ и графъ Артуа (11 іюля 1302 г.). Бонифацій, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ ободрить Фландрцевъ и побудить ихъ къ дальнѣйшему сопротивленію. Въ тоже самое время онъ убѣдительно призывалъ и Англійскаго короля взяться за оружіе противъ Франціи. Многіе Французскіе епископы (4 архіеп. и 35 еписк.), нѣкоторые аббаты (6) и многіе доктора и магистры, не смотря на запрещеніе короля, все-таки отправились на соборъ въ Римъ, какъ то приказалъ имъ папа. 30 окт. 1302 г. Бонифацій открылъ съ ними соборъ, результатомъ совѣщаній котораго были двѣ буллы: въ одной изъ нихъ папа налагалъ отлученіе и анаѳему на всѣхъ, которые будутъ препятствовать путешествію какого бы то ни было вѣрующаго ко „св. престолу". Вторая булла, извѣстная Unam sanctam, посвящена исключительно изложенію папской теоріи объ отношеніи церковной власти къ гражданской. Содержаніе ея таково: „Мы твердо вѣруемъ и безхитростно исповѣдуемъ *единую*, святую, католическую и апостольскую церковь. Внѣ ея нѣтъ никакого спасенія и никакого отпущенія грѣховъ, какъ говоритъ свят. Женихъ въ Пѣсни Пѣсней: Единая голубица моя, и пр. (6, 8). Эта единая церковь имѣетъ одну только главу, а не двѣ, какъ чудовище, и когда Христосъ сказалъ Петру: *паси овцы моя*, то онъ передалъ ему всѣхъ, а не нѣкоторыхъ только. Такимъ образомъ, если *Греки* и другіе утверждаютъ, что они не подчинены Петру (?) и его наслѣдникамъ, то этимъ они исповѣдуютъ, что они не принадлежатъ къ овцамъ Христовымъ, ибо одинъ только есть пастырь и одна овчарня. Что во власти этого пастыря два меча, духовный

и свѣтскій, этому учитъ насъ Евангеліе. Ибо, когда Апостолы сказали: *смотри здѣсь два меча* (Лук. 22, 38), именно въ церкви, то Господь не возразилъ: много этого, но: довольно этого. По истинѣ, кто отрицаетъ, что также и свѣтскій мечь находится во власти Петра, тотъ мало обращаетъ вниманія на слова Господа: *вложи мечь твой въ ножны* (Мѳ. 26, 52). Оба меча во власти церкви, духовный и свѣтскій; но этотъ долженъ быть употребляемъ въ защиту церкви, а тотъ церковію (sed is quidem pro ecclesia, ille vero ab ecclesia exercendus); одинъ священствомъ; а другой царями и воинами, но по волѣ священника и пока онъ терпитъ (ad nutum et patientiam sacerdotis). Но одинъ мечь долженъ быть выше другаго и свѣтскій авторитетъ обязанъ подчиняться духовной власти. Апостолъ говоритъ (Римл. 13, 1): нѣтъ власти не отъ Бога, тѣ же власти, которыя отъ Бога, устроены правильнымъ образомъ (quae autem a Deo sunt, ordinata sunt); но они не были бы устроены правильнымъ образомъ, если бы одинъ мечь не былъ ниже другаго и если бы нисшее не было влекомо горѣ высшимъ. Ибо божественный законъ, по блаж. Діонисію (Ареопагиту), въ томъ именно и состоитъ, что нисшее возводится къ высшему чрезъ среднее. Итакъ, по всемірному порядку, ничто не равно другому, но нисшее приводится въ порядокъ чрезъ среднее, среднее чрезъ высшее.... (Божественная) истина свидѣтельствуетъ, что духовная власть имѣетъ учреждать временную (instituere) и судить ее (judicare), если она не хороша: вотъ что провѣщало о церкви и церковной власти пророчество Іереміи: я поставилъ тебя нынѣ надъ народами и царствами (1, 10). Итакъ, если совращается съ пути временная (terrena) власть, то она должна быть судима духовною; а если совращается съ пути нисшая духовная власть, она судится своею высшею, а высшая можетъ быть судима однимъ только Богомъ, но не человѣкомъ, какъ свидѣтельствуетъ Апостолъ: духовный человѣкъ судитъ обо всемъ, а о немъ судить никто не

можетъ (1 Кор. 2, 15). А это значитъ, что оная власть, хотя она дана человѣку и на практикѣ принѣняется человѣкомъ, однакожъ не человѣческая, а божественная, по сему слову Самого Господа Петру: что ты свяжешь на землѣ и пр. (Мѳ. 16, 19). Кто сопротивляется этой власти, тотъ, какъ Манихей, принимаетъ два принципа и есть еретикъ. Но истинѣ подчиняться Римскому первосвященнику всесовершенно необходимо всякой человѣческой твари для своего спасенія! Сіе мы объявляемъ, изрѣкаемъ и опредѣляемъ".

Эта булла, которая не заключаетъ въ себѣ ничего, что̀ многократно не говорили бы и не повторяли папы и что̀ также и въ настоящее время считается папистами исповѣданіемъ своей вѣры, показываетъ яснѣе всякихъ многотомныхъ диссертацій, какой деспотическій, всякую духовную и телѣсную свободу уничтожающій, подлинно-языческій характеръ приняло папство. Все дѣло состоитъ въ той именно подтасовкѣ понятій, о которой я сказалъ въ началѣ: на мѣсто *духовной* власти, дарованной Христомъ Петру и остальнымъ Апостоламъ за исповѣданіе Его Сыномъ Божіимъ, открытое имъ Отцомъ небеснымъ, папы и ихъ послѣдователи поставили чисто матеріальную и потому черство-деспотическую власть. Единство духа, вѣры и любви замѣнили единствомъ формальной власти, все и всѣхъ поглощающей. Вмѣсто водимаго духомъ Христовымъ человѣка, о которомъ говоритъ Апостолъ, слѣдовательно человѣка слѣдующаго истинѣ и духовно свободнаго, который по этому самому и можетъ обо всемъ судить, тогда какъ самъ судимъ быть не можетъ, они принимаютъ всякаго человѣка, лишь бы только онъ одѣтъ былъ въ папскія туфли, рясу и тіару, такъ что, по этому представленію, всякій пьяница, всякій развратникъ, всякій безбожникъ и при всѣхъ этихъ свойствахъ еще недалекій по уму человѣкъ, какъ только будетъ облеченъ въ папскія одежды и инсигніи, тотчасъ же становится все судящимъ и ни отъ кого судимымъ духовнымъ чело-

вѣкомъ, — фундаментомъ, на которомъ зиждется зданіе міра,—основнымъ закономъ, отъ котораго исходятъ и которымъ поддерживаются порядокъ и стройность въ мірѣ.—тѣмъ херувимомъ или серафимомъ, чрезъ которыхъ получаютъ божественное просвѣщеніе нисшія духовныя силы. Положеніе буллы, что папа въ своихъ дѣйствіяхъ можетъ быть судимъ однимъ только Богомъ, находится въ прямомъ противорѣчіи съ отреченіемъ Целестина V и со всѣмъ тѣмъ, что̀ при этомъ говорено и учинено было. Приравненіе противниковъ излагаемой папской теоріи къ Грекамъ имѣетъ особый смыслъ. Средневѣковые папы употребляли всѣ усилія и средства, чтобы возможно отвратительнѣе представить дѣятелей Православной церкви предъ лицемъ Западныхъ народовъ; ненависть и отвращеніе къ дѣятелямъ Восточной церкви сами собою приводили къ ненависти и отвращенію также къ ея ученію и ея учрежденіямъ. Поэтому приравненіе средневѣковаго паписта къ Грекамъ должно было быть для него самымъ жестокимъ оскорбленіемъ. Со стороны папъ это была ultima ratio справедливости ихъ теорій.

Но попрекъ Греками былъ слишкомъ ничтоженъ въ сравненіи съ чудовищностію тѣхъ воззрѣній, которыя проведены въ буллѣ. Король Филиппъ повелѣлъ своимъ сторонникамъ написать на нее опроверженіе тотчасъ же, какъ только она была получена во Франціи. Имущества всѣхъ епископовъ, аббатовъ, магистровъ и докторовъ, которые вопреки его волѣ отправились въ Римъ по зову папы, онъ повелѣлъ своимъ чиновникамъ „взять на сохраненіе“, для того, какъ онъ говорилъ, „чтобы во время ихъ отсутствія не потерпѣли они какого нибудь ущерба“. Въ концѣ года (1302) онъ послалъ къ Бонифацію своего канцлера, епископа Оксерскаго Петра Морнэ, и еще нѣсколько свѣтскихъ вельможъ, съ порученіемъ извѣстить онаго, что онъ болѣе не признаетъ его третейскимъ судьею въ своемъ спорѣ съ Фландріей и Англіей. Вмѣстѣ съ этимъ на Морнэ возложено было

и другое порученіе — развить взгляды короля относительно взаимныхъ уступокъ и примиренія. Братъ короля, Карлъ Валуа, поддерживалъ эти мирные переговоры и выражалъ надежду на возможность заключенія мира.

Хотя намѣреніе короля заключить миръ съ папою не совсѣмъ согласовалось съ послѣднимъ его рѣшеніемъ отказать папѣ быть третейскимъ судьею, тѣмъ не менѣе Бонифацій, сообразуясь съ ходомъ событій, который не такъ шелъ, какъ бы ему желалось, принялъ предложеніе короля и рѣшился заговорить о мирѣ. Съ этою цѣлію онъ отправилъ въ Парижъ любимаго здѣсь Француза изъ Амьеня кардинала Ле-Муана, чтобы предложить чрезъ него королю Филиппу разрѣшеніе отъ отлученія, въ которое онъ впалъ ipso facto вслѣдствіе запрещенія путешествій въ Римъ, и тѣ условія, на которыхъ, по мнѣнію папы, можетъ состояться миръ. Условія эти суть слѣдующія: 1) изданныя королемъ или его чиновниками воспрещенія идти на соборъ въ Римъ должны быть отмѣнены вмѣстѣ со всѣми конфискаціями имуществъ и пр., произведенными по этому случаю. 2) Должно быть признано преимущественное право папы на раздачу бенефицій и никто другой раздавать ихъ не можетъ, ибо раздача ихъ можетъ быть производима только съ нарочитаго или молчаливаго согласія папы. 3) Король обязывается объявить, что папа можетъ, безъ чьего бы то ни было дозволенія, посылать нунція во всякую страну. 4) Управленіе церковными имуществами и доходами принадлежитъ духовенству, а высшее управленіе и распоряженіе ими принадлежитъ папѣ; онъ, безъ чьего бы то ни было дозволенія, можетъ потребовать съ нихъ сотину или десятину и пр., какъ ему покажется лучше. 5) Никакой князь, вообще никакой мірянинъ, не долженъ обременять какимъ нибудь цензомъ церковныя имущества и права, и привлекать церковныхъ лицъ къ своему суду и арестовывать ихъ, хотя бы и по дѣ-

ламъ леннымъ. 6) Такъ какъ Филиппъ не препятствовалъ сожженію, въ своемъ присутствіи и въ присутствіи многихъ другихъ, буллы и письма съ изображеніями Апостоловъ Петра и Павла, то онъ обязывается доказать чрезъ уполномоченнаго предъ папою свою невинность, или понести наказаніе. 7) Король не долженъ злоупотреблять правомъ регалій при охраненіи упразднившихся каѳедраловъ, не долженъ позволять вырубать лѣса и пр., и излишекъ доходовъ обязуется сохранять будущему епископу. 8) Духовная власть должна быть возвращена прелатамъ и пр. 9) Король дважды измѣнялъ монету, ко вреду церквей, духовенства и мірянъ. Онъ обязанъ озаботиться возстановленіемъ и исправленіемъ ея. 10) Равнымъ образомъ должно послѣдовать улучшеніе и въ остальныхъ пунктахъ, которые поименованы въ письмѣ, принесенномъ нотаріемъ Іаковомъ Норманомъ. 11) Городъ Ліонъ не принадлежитъ Франціи и господинъ его — не король, а архіепископъ. 12) Если король не допуститъ улучшенія въ сказанныхъ пунктахъ въ теченіе срока, который обезпеченъ его братомъ, Карломъ (Валуа), и его послами, то папа поступитъ spiritualiter et temporaliter.

Король немедленно повелѣлъ изготовить отвѣтъ на эти требованія папы. 1) Онъ воспретилъ путешествіе въ Римъ не изъ недостатка вниманія къ церкви и также не однимъ только духовнымъ лицамъ, а по причинѣ возмущенія Фламандцевъ и для того, чтобы противодѣйствовать заговорамъ, которые образовались въ государствѣ. 2) Относительно раздачи приходовъ онъ пользовался только тѣми правами, которыя практиковали также Людовикъ св. и другіе его предки. 3) Онъ никогда не воспретитъ входъ во Францію какому бы то ни было папскому легату, который не будетъ у него въ подозрѣніи. 4) Относительно управленія церковныхъ имуществъ и доходовъ онъ сообразовался съ правомъ и обычаемъ. 5) Духовныхъ лицъ онъ не привлекалъ къ суду за исключеніемъ случаевъ

дозволенныхъ и уже его предками практиковавшихся. 6) Что касается сожженной буллы, то она была уничтожена по предложенію Лаонскихъ судей съ тою цѣлію, чтобы ихъ болѣе не безпокоили изъ-за нея (Филиппъ, очевидно, намѣренно говоритъ о другой буллѣ, а не о той, которую разумѣетъ Бонифацій). 7) Въ отправленіи права регалій король слѣдуетъ лишь примѣру св. Людовика и другихъ своихъ предковъ. Если его чиновники заходили слишкомъ далеко, то онъ уже журилъ ихъ за это и въ будущемъ окажетъ помощь. 8) Духовенству онъ не препятствуетъ отправлять свою юрисдикцію по праву и обычаю. 9) Монету король измѣнялъ для того, чтобы имѣть возможность защищать страну, и, *по просьбѣ подданныхъ*, уже принялъ мѣры, чтобы устранить всѣ жалобы относительно этого. 10) Кому чрезъ королевскаго чиновника оказана несправедливость, тотъ будетъ удовлетворенъ. 11) Король сожалѣетъ о тягостяхъ Ліонской церкви, постигшихъ ее вслѣдствіе ея спора съ городомъ. Но архіепископъ ея самъ виноватъ, если его постигли слѣдствія его отказа въ ленной присягѣ (Ліонскій архіепископъ считалъ Ліонъ принадлежащимъ Нѣмецко-Римской имперіи и претендовалъ на званіе императорскаго викарія и соединенную съ этимъ званіемъ власть. Напротивъ графы Ліонскіе изъ дома Florez признавали Ліонъ леномъ Франціи и противъ неугодныхъ распоряженій архіепископа обратились за помощію къ Французскому королю, который, понятно, принялъ ихъ сторону. Бонифацій же, къ которому въ свою очередь обратился архіепископъ, рѣшилъ споръ въ пользу архіепископа и противъ короля. Граждане Ліона объявили себя противъ Бонифація за короля. Inde ira). 12) Король желалъ сохранить свое согласіе съ церковію, но и папа могъ бы помыслить объ этомъ и не позволять себѣ никакихъ нападеній. Если онъ будетъ недоволенъ этимъ отвѣтомъ, то король хочетъ судиться по взгляду герцоговъ Бургундскаго и Бре-

таньскаго, которыхъ вѣдь самъ папа предложилъ, какъ посредниковъ.

Этотъ отвѣтъ короля производитъ на непредвзятаго читателя болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ требованія папы. Правда въ нѣкоторыхъ пунктахъ (напр. 6) король представляется будто непонимающимъ языкъ своего противника, но вообще отвѣтъ его дышетъ умѣренностію и вращается въ сферѣ права, безспорно относящагося къ юриздикціи короля, между тѣмъ какъ условія Бонифація выступаютъ изъ сферы юриздикціи *первосвященника христіанской церкви*; они касаются интересовъ преимущественно мірскихъ, карманныхъ, эгоистическихъ и при томъ выражены, сравнительно съ королевскимъ отвѣтомъ, заносчиво, требовательно, деспотически. Но отвѣтъ короля не могъ понравиться Бонифацію потому, что онъ отклонялъ въ сущности всѣ притязанія папы. Бонифацій и выразилъ это въ своихъ письмахъ къ Карлу Валуа и епископу Оксерскому, гдѣ онъ говоритъ, что предложенія короля противорѣчатъ истинѣ и справедливости и даже несогласны съ тѣми обѣщаніями, которыя дали ему при своемъ отъѣздѣ изъ Рима принцъ и епископъ Оксерскій. Въ тоже самое время онъ поручилъ своему кардиналъ-легату Ле-Муану объявить королю, что въ случаѣ, если онъ не исправитъ свои отвѣты, противъ него будетъ поступлено spiritualiter et temporaliter, т. е. что король будетъ отлученъ отъ церкви, клирикамъ подъ страхомъ отлученія и низложенія будетъ воспрещено совершать для него таинства и литургію и, какъ слѣдствіе всего этого, король будетъ лишенъ короны и подданные его будутъ разрѣшены отъ клятвы вѣрности. Духовнику короля, доминиканцу Николаю, было повелѣно чрезъ того же кардинала Ле-Муана немедленно явиться въ Римъ, для того, чтобы дать здѣсь отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ духовника короля, и сообразно тому быть третируему „апостольскимъ престоломъ“. Такъ самая исповѣдь обращена у папъ въ орудіе самой низкой политики!

Король Филиппъ съ своей стороны готовился нанести смертельный ударъ своему противнику. Примиреніе съ Бонифаціемъ, очевидно, было не возможно; одно отраженіе нападеній со стороны Рима и подавленіе возмущеній, какія здѣсь и тамъ могли являться вслѣдствіе папскихъ возбудительныхъ писемъ, было безполезно и вело лишь къ безплодному истощенію въ средствахъ и къ утомленію. Лучшій способъ заставить молчать противника—напасть на его собственное больное мѣсто и здѣсь поразить его. Для такого нападенія все содѣйствовало Филиппу. Я уже выше замѣтилъ, какія тяжелыя обвиненія взвели на Бонифація, какъ Колонны, такъ и многія другія лица. И самъ кардиналъ Ле-Муанъ, вмѣсто того, чтобы сильнѣйшимъ образомъ дѣйствовать въ пользу папы, какъ это свойственно ультрамонтанамъ, въ настоящій-то именно разъ и распускалъ противъ него слухи, что онъ еретикъ, и призывалъ короля Филиппа освободить отъ него католическую церковь. По мѣрѣ развитія борьбы, обвиненія противъ Бонифація приведены въ систему, и король Филиппъ, разыгрывая роль защитника церкви, рѣшился теперь выступить съ обвиненіемъ противъ него и требованіемъ суда.

12 марта 1303 года онъ созвалъ въ Луврѣ чрезвычайное собраніе государственнаго Совѣта, гдѣ кромѣ вольможъ засѣдали и многіе прелаты. Хранитель государственной печати со времени смерти Флотта, Вильгельмъ Ногаретъ, обратился къ королю съ очень патетическою рѣчью, въ которой умолялъ его, какъ Богомъ поставленнаго и клятвою обязавшагося покровителя церкви, защитить ее противъ выскочки и ложнаго папы, вора и разбойника, еретика и симониста, собрать прелатовъ и бароновъ и вмѣстѣ съ ними содѣйствовать созванію всеобщаго собора. Предъ этимъ соборомъ Ногаретъ обѣщался привести впослѣдствіи доказательства своихъ обвиненій противъ Бонифація, чтобы такимъ образомъ онъ, какъ недостойный, былъ осужденъ соборомъ и затѣмъ былъ избранъ кардиналами другой, истинный пастырь.

Спустя мѣсяцъ послѣ этого, 13 апр. 1303 г., Бонифацій снова написалъ своему кардиналъ-легату во Франціи, что онъ отлучитъ короля отъ церкви, если этотъ не исправится. Не довольствуясь этимъ онъ въ тотъ же самый день изготовилъ еще двѣ буллы, въ которыхъ объявилъ, что король безъ всякаго сомнѣнія подвергнется отлученію, которое коснется всѣхъ, препятствующихъ путешествію въ Римъ, и приказывалъ Французскимъ епископамъ явиться въ Римъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Обѣ эти буллы были вручены для доставленія по назначенію Констанцскому архидіакону Бенефракту. Но Филиппъ повелѣлъ арестовать его въ Труа и отнять у него всѣ бумаги, какія у него находились. Послѣ этого кардиналъ легатъ счелъ за лучшее бѣжать изъ Франціи. Въ отвѣтъ на это Бонифацій издалъ 31 мая еще буллу, въ которой призывалъ всѣхъ жителей Ліона, Тарантазіи (Tarantaise), Эмбрюна, Безансона, Э, Арля, Вьенна, Бургундіи, Лотарингіи, Дофинэ и Прованса, сбросить съ себя цѣпи вассальства, которыя они на себя наложили,—иначе говоря, онъ призывалъ ихъ къ бунту противъ своего государя (1).

(1) Припомнимъ, что именно въ это самое время (30 апр. 1303 г.) Бонифацій призналъ Альбрехта, котораго онъ, какъ убійцу своего государя, упорно отказывался признать, Нѣмецкимъ королемъ подъ условіемъ полнаго подчиненія церкви и защиты ея противъ враговъ (см выше стр. 73 прим.). Послѣ этого Альбрехтъ, въ своемъ письмѣ къ Бонифацію отъ 17 іюля 1303 г, «исповѣдалъ, что онъ обязанъ папѣ и церкви величайшей благодарностію и что *апостольскій престолъ* далъ право извѣстнымъ духовнымъ и свѣтскимъ князьямъ избирать Римскаго короля и потомъ императора; также и остальные всѣ короли и императоры должны отъ этого престола получать temporalis gladii potestas» Кромѣ того онъ присягнулъ быть вѣрнымъ и послушнымъ папѣ и помогать ему при возстановленіи его владѣній. Въ другомъ документѣ, помѣченномъ тѣмъ же числомъ, онъ обязался бороться противъ враговъ церкви, каковымъ врагомъ ея въ данную минуту мыслился, съ точки зрѣнія папы, по преимуществу Филиппъ Красивый. Очень можетъ быть также, что Бонифацій приказалъ своимъ слугамъ проповѣдовать крестовый походъ противъ Филиппа, но эта проповѣдь не нашла теперь отклика.

Не прежде чѣмъ эта послѣдняя булла отъ 31 мая сдѣлалась извѣстною Филиппу, онъ согласно рѣшенію чрезвычайнаго собранія государственнаго Совѣта отъ 12 марта, собралъ, 13 іюня 1303 г., въ Луврѣ еще болѣе торжественное собраніе, состоящее изъ 30 прелатовъ и соотвѣтствующаго числа барономъ и знаменитѣйшихъ юристовъ. Здѣсь рыцарь Вильгельмъ Плазіанъ или Дю-Плесси прочиталъ формальную обвинительную записку противъ Бонифація, который вопреки права завладѣлъ св. престоломъ и запятналъ его многими преступленіями. При этомъ Плазіанъ клялся св. Евангеліемъ въ томъ, что онъ говоритъ одну только истину, изъявлялъ готовность доказать всѣ свои показанія и заклиналъ короля, какъ защитника вѣры и церкви, содѣйствовать созванію всеобщаго собора. Относительно послѣдняго своего желанія онъ потребовалъ согласія также и отъ присутствовавшихъ на собраніи епископовъ. Такъ какъ дѣло, возбужденное Плазіаномъ, являлось выходящимъ изъ ряда другихъ дѣлъ, для папистовъ въ полномъ смыслѣ необыкновеннымъ, то епископы исходатайствовали себѣ срокъ для болѣе зрѣлаго размышленія. Но уже на слѣдующій день состоялось второе засѣданіе Собранія и теперь Плазіанъ предложилъ его вниманію не менѣе 29 обвинительныхъ пунктовъ противъ Бонифація. Но всѣ ихъ безъ погрѣшности можно свести къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: 1) онъ жестоко обходился съ своимъ предшественникомъ Целестиномъ V; знаменитыхъ ученыхъ мужей и монаховъ, защищавшихъ Целестина и утверждавшихъ, что папа не можетъ отречься, онъ подвергалъ жестокимъ наказаніямъ и заключалъ въ тюрьмы; 2) онъ еретикъ, не вѣруетъ въ безсмертіе души и загробную жизнь; не допускаетъ пресуществленія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Господа, почему не оказываетъ евхаристіи должнаго почтенія; отвергаетъ посты; подвергаетъ анаѳемѣ, какъ еретиковъ, всѣхъ тѣхъ, которые отвергаютъ, что Францу-

зы должны подчиняться Нѣмецкому королю и папѣ; утверждаетъ, что папа даже не можетъ быть симонистомъ; 3) онъ предается волшебству, имѣетъ частнаго демона, занимается гаданіями; 4) онъ предается крайнему разврату, блудъ считаетъ такимъ же малымъ грѣхомъ, какъ потираніе рукъ (fornicatio не болѣе, какъ fricatio) и, не довольствуясь женщинами, занимается еще педерастіей; 5) духовными должностями и разнаго рода разрѣшеніями торгуетъ, какъ товаромъ, и даже не считаетъ это грѣхомъ; 6) крайне жестоко обходится съ кардиналами, клириками и монахами, многихъ изъ нихъ сѣкъ даже до смерти и принуждаетъ ихъ къ нарушенію исповѣдной тайны; о доминиканцахъ и миноритахъ онъ говаривалъ, что они лицемѣры и составляютъ несчастіе для міра,— вообще, онъ всегда и крайне поноситъ духовныхъ; 7) многихъ дворянъ лишалъ таинства въ смертной опасности; 8) питаетъ глубокую ненависть и презрѣніе къ Французамъ и Французскому королю; онъ не стыдился утверждать, что желаетъ лучше быть собакою или осломъ, чѣмъ Французомъ, и что онъ готовъ погубить всю церковь, все христіанство и даже весь міръ, лишь бы только смирить Французскую гордость. Онъ грозился даже истребить всѣхъ Французовъ. Съ этою цѣлію онъ возбуждалъ противъ Франціи королей: Англійскаго, Сицилійскаго и Германскаго. Наконецъ, 9) онъ вообще является врагомъ мира между христіанами и тѣмъ, которые желали заключить миръ, онъ говаривалъ, что этого не должно быть, даже если бы Самъ Сынъ Божій и св. Петръ сошли на землю и потребовали мира. Вообще, онъ ищетъ не спасенія душъ, а ихъ погибели. По окончаніи доклада обвинительнаго акта, Плазіанъ объявилъ, что онъ предъявляетъ эти обвиненія противъ Бонифація отнюдь не изъ какой нибудь спеціальной противъ него ненависти, а единственно изъ ревности по вѣрѣ и изъ преданности къ церкви и св. престолу, и что онъ всякую минуту готовъ доказать ихъ истинность предъ всеобщимъ соборомъ, созванія ко-

тораго онъ также, какъ Ногаретъ, всемѣрно желаетъ. Послѣ этого обратился съ рѣчью къ собранію самъ король. Онъ объявилъ, что совѣсть побуждаетъ его озаботиться созваніемъ всеобщаго собора и что онъ надѣется присутствовать на этомъ соборѣ лично, затѣмъ потребовалъ отъ присутствующихъ здѣсь епископовъ, чтобы и они также оказали ему въ этомъ свое содѣйствіе, и вслѣдъ за этимъ, дабы оградить себя отъ возможныхъ нападеній со стороны Бонифація, аппеллировалъ къ будущему всеобщему собору и будущему истинному папѣ, и ко всѣмъ, къ кому можно аппеллировать. Съ этимъ рѣшеніемъ короля тотчасъ же согласилось дворянство, согласился также и клиръ. Послѣдній объявилъ: „мы, архіепископы..., епископы..., и аббаты..., послѣ того, что мы слышали, считаемъ созваніе всеобщаго собора полезнымъ и совершенно необходимымъ, для того, чтобы, какъ мы желаемъ, невинность Бонифація сдѣлалась ясною, или чтобы соборъ произнесъ судъ о взведенныхъ противъ него обвиненіяхъ. Поэтому, не вредя почтительности въ отношеніи къ св. Римской церкви, мы готовы по силамъ содѣйствовать созванію и собранію всеобщаго собора, и въ случаѣ, если Бонифацій захочетъ выступить противъ насъ съ отлученіемъ, низложеніемъ и т. п., мы напередъ аппеллируемъ ко всеобщему собору и будущему законному папѣ. Всѣхъ архіепископовъ и епископовъ, подписавшихся подъ этимъ адресомъ было 26, и затѣмъ еще нѣсколько аббатовъ. 24 іюня король повелѣлъ прочитать это рѣшеніе чрезвычайнаго государственнаго Собранія также и народу въ саду своего Луврскаго дворца. Затѣмъ онъ сталъ требовать согласія на свое рѣшеніе отъ епископовъ, не присутствовавшихъ на Собраніи, отъ университетовъ, капитуловъ, монастырей, городовъ, провинцій. Въ теченіе августа и сентября король получилъ свыше 700 адресовъ, въ которыхъ изъявлялось полное согласіе съ его рѣшеніемъ. Были и не соглашавшіеся; но таковыхъ или заключали въ

тюрьмы, или же, если они были иностранцы, изгоняли изъ страны. Во всякомъ случаѣ, несогласныхъ объявляли измѣнниками отечества. Вслѣдъ за тѣмъ Филиппъ разослалъ письма къ королямъ и князьямъ Европы, а также и къ самимъ кардиналамъ, приглашая всѣхъ ихъ собраться на всеобщій соборъ, который онъ рѣшился созвать изъ любви къ вѣрѣ и для блага церкви.

Католическіе писатели съ особенною ядовитостію указываютъ здѣсь на то, что король заключалъ несогласныхъ въ тюрьмы и вообще чинилъ надъ ними насилія; ergo, хотятъ они сказать этимъ, его дѣло неправое. Едва ли такъ. Если насиліе, или принужденіе кого либо къ чему нибудь служитъ несомнѣннымъ признакомъ неправоты принуждающаго и невинности претерпѣвающаго насиліе, то папская курія должна быть признана самымъ беззаконнымъ учрежденіемъ, какое только знаетъ міръ; ибо она не только бичевала и ввергала въ тюрьмы непослушныхъ ей, но еще и сожигала ихъ и подвергала ужаснѣйшимъ пыткамъ, какія только могла изобрѣсть извращенная фантазія не знающаго состраданія человѣка. Сила не въ томъ, что король чинилъ насилія. Они окажутся вполнѣ законными, если справедливо самое дѣло. Съ этой стороны король не уязвимъ. Если даже допустить, что обвиненія, взведенныя на Бонифація, всѣ сплошь — клевета, — и въ такомъ случаѣ право на сторонѣ короля и его правительства. Клевета или нѣтъ—эти обвиненія?—во всякомъ случаѣ рѣшеніе этого вопроса, по общепризнанному, естественному человѣческому праву, должно принадлежать суду, каковымъ для высшаго іерарха служитъ соборъ. Но клевета ли—всѣ эти обвиненія? Вопросъ этотъ самъ собою выяснится изъ дальнѣйшаго разсказа; теперь же довольно замѣтить, что и король Филиппъ и обвинители Бонифація сильно уповали на доказательность своихъ обвиненій, когда рѣшились перенести дѣло на судъ всеобщаго собора, на кото-

ромъ должны были присутствовать совершенно независимые отъ нихъ короли и князья и епископы другихъ странъ. Все это, конечно, говоритъ въ пользу короля и его правительства, пожелавшихъ собора. Но здѣсь наталкиваешься на догматъ всѣхъ догматовъ въ папствѣ: облеченный въ папскія одежды и инсигніи, хотя бы самъ по себѣ былъ безбожникъ, еретикъ, развратникъ, воръ и пр., есть все-таки папа и по этому самому никѣмъ судимъ быть не можетъ, ни даже вселенскимъ соборомъ. Да, въ этомъ догматѣ истинный трагизмъ и комизмъ папства! Но въ этомъ же и все его зло. Мнѣніе ультрамонтанъ, что Французскіе епископы, согласившіеся на предложеніе короля относительно созванія всеобщаго собора, явились по этому самому трусами и подлыми, и стремились къ схизмѣ, никакъ не можетъ быть переварено здравымъ человѣческимъ смысломъ, съ точки зрѣнія котораго они хотѣли быть въ этомъ случаѣ только совѣстливыми и справедливыми (Снес. 1 Петр. 3, 15).

Когда Бонифацій, переселившійся между тѣмъ изъ Рима въ свой отечественный городъ Ананьи, узналъ о рѣшеніяхъ Французскаго парламента, онъ поспѣшилъ клятвенно завѣрить въ консисторіи, что взведенныя на него обвиненія совершенно несправедливы. 15 августа 1303 г. онъ издалъ рядъ буллъ, которыя должны были, по его мнѣнію, все вывести въ свѣтъ и обнаружить злобу его враговъ. Булла Nuper ad audientiam направлена главнымъ образомъ противъ короля, который презрѣлъ спасительныя увѣщанія папы, не только не подчинился, какъ императоръ Ѳеодосій, церковному покаянію, но даже, чтобы отмстить ему, Бонифацію, принялся за хуленія и теперь требуетъ собора, *который однакожъ можетъ быть созванъ однимъ только папою*. Бонифацій грозилъ, что будутъ приняты противъ короля и его участниковъ строгія мѣры, если они не исправятся. Въ тоже время онъ объявлялъ взведенныя на него обвиненія за хулы, говоря: „кто когда либо слышалъ, что мы за-

пятнаны ересью“ (1). Обвиненія короля не имѣютъ силы и потому, что они предъявлены имъ послѣ того, какъ апостольскій престолъ обратился къ нему съ строгими порицаніями и укоризнами, тогда какъ прежде, когда апостольскій престолъ былъ милостивъ къ нему, онъ признавалъ царствующаго папу и благочестивымъ и православнымъ (2). Наконецъ, если дать ходъ соблазнительному дѣлу, поднятому Франціей, авторитетъ апостольскаго престола будетъ поколебленъ (3). Въ остальныхъ буллахъ Бонифацій лишаетъ Французскихъ докторовъ богословія и обоихъ правъ venia docendi, такъ какъ они, по его мнѣнію, развращены королемъ Филиппомъ и потому, какъ зараженные, не могутъ отправлять свою учительскую должность до тѣхъ поръ, пока король не исправится и не принесетъ удовлетвореніе апостольскому престолу; предоставляетъ себѣ исключительное право замѣщенія упразднившихся Французскихъ бенефицій, и это для того, чтобы они не могли быть замѣщены измѣнниками (т. е. папѣ); объявляетъ (въ буллѣ: Rem non novam), что приглашенія явиться къ апостольскому престолу получаютъ свою правовую силу отъ того уже, что они были прибиты къ церковнымъ дверямъ на мѣстѣ куріи, вслѣдствіе чего всякая конфи-

(1) Подобнымъ же образомъ возражалъ и императоръ Фридрихъ II, когда Ліонскій соборъ (1245 г.) осудилъ его за ересь; но никто изъ папскихъ историковъ не придаетъ никакой цѣны этому возраженію. Не придаютъ ему цѣны и папы.

(2) Упрекъ этотъ имѣетъ силу, но только съ формальной, кажущейся стороны. Развѣ сами папы даютъ и отнимаютъ свои милости не сообразно тому, какъ ихъ бьютъ *по карману* короли? Увы! жестокая правда! Съ другой стороны, ходъ событій показываетъ, что обвиненія противъ Бонифація накоплялись постепенно; слѣдовательно, прежде предварительнаго обслѣдованія ихъ они и не могли быть предъявлены.

(3) Весьма странный взглядъ на авторитетъ! Авторитетъ разрушается неправдами лицъ, стоящихъ въ авторитетѣ. По видимому позорная смерть Христа Спасителя только вознесла Его авторитетъ: *Тѣмже и Богъ Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене*, и пр. (Филипп. 2, 9—11).

скація папскихъ буллъ, учиняемая Филиппомъ, становится недѣйствительной; Герарда (Gerardus, Girard), архіепископа Никозійскаго, что на о. Кипрѣ, низложилъ, какъ бунтовщика, перваго примкнувшаго къ королевскимъ апелляціямъ ко всеобщему собору и ставшаго во главѣ остальныхъ Французскихъ прелатовъ, принявшихъ апелляціи короля. Если посмотрѣть со стороны на эти распоряженія Бонифація, то, дѣйствительно, судъ противъ папы становится невозможнымъ: вселенскій соборъ не можетъ быть и созванъ кѣмъ либо другимъ, кромѣ папы, а самъ онъ, на вѣрное, не наложитъ на себя рукъ; всякое предпріятіе мірскихъ властей, самое справедливое, но только невыгодное для матеріальныхъ интересовъ апостольскаго престола, обидное для гордости папы, стѣсняющее произволъ его страстей и его властолюбіе, тотчасъ же отмѣняется имъ, какъ якобы источникомъ власти. Такимъ образомъ чудовищное положеніе: summum jus—summa injuria, становится въ папствѣ источникомъ всякаго права, основнымъ закономъ, на которомъ покоятся всѣ остальные законы.

Многіе источники извѣщаютъ, что Бонифацій предлагалъ теперь Французскую корону Нѣмецкому королю Альбрехту, подобно тому, какъ нѣкогда точно такимъ же образомъ поступилъ Иннокентій III относительно Англійской короны, — предлагалъ, конечно, съ такимъ невыполнимымъ для Нѣмецкой имперіи условіемъ, если Альбрехтъ изгонитъ беззаконника—Филиппа. Наконецъ, къ 8 сентября Бонифацій изготовилъ еще буллу, Super Petri solio, въ которой въ страшныхъ торжественныхъ выраженіяхъ изрекаетъ анаѳему на Филиппа, и подданныхъ его разрѣшаетъ отъ присяги. Но Филиппъ предупредилъ; папскому—summum jus summa injuria онъ противопоставилъ: ibi jus ubi vis.

Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1303 г., т. е. ровно за два мѣсяца до чрезвычайнаго Собранія Французскихъ чиновъ въ іюнѣ, Ногаретъ отправился въ Италію съ

порученіемъ отъ короля, какъ впослѣдствіи удостовѣрено, извѣстить Бонифація о рѣшеніяхъ Французскаго правительства, духовенства, и народа и потребовать отъ него согласія на исполненіе этихъ рѣшеній. Очень можетъ быть, что наряду съ этимъ порученіемъ дано было Ногарету еще другое порученіе—въ случаѣ нужды (каковая нужда наиболѣе представлялась вѣроятною) овладѣть Бонифаціемъ съ тѣмъ, чтобы его силою заставить или отмѣнить всѣ послѣднія буллы, неблагопріятныя для Французскаго двора, или принудить его къ отреченію, или же, если онъ не согласится ни на то, ни на другое, привести его во Францію. Безъ труда Ногаретъ собралъ вокругъ себя отрядъ недовольныхъ Бонифаціемъ, которыхъ онъ и вооружилъ приличнымъ случаю образомъ. Сціарра Колонна былъ неизмѣннымъ спутникомъ и самымъ дѣятельнымъ помощникомъ Ногарета. На разсвѣтѣ 7 сентября весь вооруженный отрядъ явился предъ воротами Ананьи, которыя тотчасъ же были имъ отворены по заранѣе условленному знаку. Съ знаменемъ Римской церкви и при восклицаніи: „да здравствуетъ король Франціи, долой Бонифація“, отрядъ вступилъ въ Ананьи. Всѣ кардиналы Бонифація разбѣжались, за исключеніемъ только двухъ: Остійскаго епископа Николая Бокказини (впослѣдствіи Бенедикта XI) и Сабинскаго Петра. Вечеромъ заняли папскій дворецъ, при чемъ все папское имущество было разграблено, такъ что не уцѣлѣли даже самые архивы. Что затѣмъ учинено съ самимъ папою,—извѣстія о томъ различны. По показанію однихъ, будто бы заговорщики учинили надъ Бонифаціемъ крайнія насилія, при чемъ самъ онъ будто бы велъ себя съ величайшимъ достоинствомъ, тогда какъ Ногаретъ увѣрялъ въ послѣдствіи наисильнѣйшимъ образомъ, что надъ Бонифаціемъ не было учинено никакого насилія. Изъ всѣхъ извѣстій за достовѣрное, кажется, нужно принять лишь то, что Ногаретъ, какъ причину ареста Бонифація, объявилъ ему: „твой выборъ оспаривается; ты самъ за-

подозрѣнъ въ ереси; поэтому созывается соборъ для рѣшенія". Эта рѣчь, влагаемая въ уста Ногарета, согласуется какъ съ рѣшеніемъ Французскаго правительства, такъ и съ показаніями самого Ногарета, которыя онъ далъ въ послѣдствіи. Два дня морили голодомъ Бонифація, чтобы принудить его или къ отреченію, или къ отмѣнѣ буллъ, изданныхъ противъ Французскаго правительства. Но на третій день жители города Ананьи, вѣроятно, подстрекаемые сторонниками Бонифація, возстали за него и съ крикомъ: „да здравствуетъ папа, смерть измѣнникамъ!" бросились на Французовъ и наемниковъ Ногарета. Завязалась кровавая драка. Ногаретъ и Сціарра Колонна бѣжали, Французы прогнаны и Бонифацій получилъ свободу. Послѣ этого онъ возвратился въ Римъ, но и здѣсь встрѣтилъ сильнаго врага себѣ въ могущественномъ Орсини (Маттео), племянникъ котораго, Наполеонъ Орсини, отступилъ отъ Бонифація еще въ Ананьи и примкнулъ къ сторонѣ его враговъ. Потрясенный всѣми этими событіями, онъ впалъ въ горячку и 11 окт. 1303 г. умеръ. Въ послѣдствіи враги его распустили молву, что онъ умеръ въ безуміи и съ отчаянія пожиралъ самого себя; но, по разсказамъ его сторонниковъ, онъ умеръ спокойной и достойною смертію. Равно также намекъ на трагическую кончину Бонифація заключается и въ слѣдующемъ пророчествѣ, изрѣченномъ про него будто бы его предшественникомъ Целестиномъ V: Ascendisti ut vulpes, regnabis ut leo, morieris ut canis. Если даже считать это пророчество выдумкой, что всего вѣроятнѣе, все-таки нельзя не видѣть въ немъ сознанія современниковъ о всемъ времени понтификатствованія Бонифація. Данте помѣстилъ Бонифація въ Адъ и назвалъ его „владыкою новыхъ фарисеевъ".

Спустя 11 дней послѣ смерти Бонифація, на мѣсто его единогласно былъ избранъ (22 окт. 1303 г.),

кардиналъ-епископъ Николай Бокказини, назвавшійся въ папствѣ Бенедиктомъ XI. Ничто не предвѣщало, чтобы король Филиппъ, его правительство, Колонны и др. отказались отъ борьбы съ Бонифаціемъ даже и послѣ его смерти. Къ этому побуждалъ ихъ и матеріальный, и духовный интересъ. Бонифацій былъ живъ для нихъ въ своихъ, враждебныхъ имъ, постановленіяхъ. Это одно; съ другой стороны требовалось дать печать законности своей борьбѣ противъ него. Все это новый папа понималъ отлично и потому немедленно, по своемъ восшествіи на престолъ, издалъ эдиктъ, которымъ отмѣнялъ карательныя сентенціи своего предшественника противъ Колоннъ; только не были имъ возвращены тѣ ихъ имущества, которыя находились уже въ другихъ рукахъ; равно также кардиналы Іаковъ и Петръ не были пока еще допущены въ составъ коллегіи. — Король Филиппъ отправилъ къ новому папѣ посольство съ письмами, въ которыхъ съ одной стороны поздравлялъ его съ восшествіемъ на папскій тронъ, а съ другой, и главнымъ образомъ, потребовалъ отъ него созванія всеобщаго собора для суда надъ Бонифаціемъ и отмѣны его опредѣленій, вредныхъ для Франціи и Французской церкви. Бенедиктъ, какъ только получилъ королевскія письма, тотчасъ же, въ присутствіи пословъ, отмѣнилъ всѣ отлучительныя сентенціи, которымъ подпалъ Филиппъ по какимъ бы то ни было причинамъ, и поспѣшилъ сообщить объ этомъ въ дружескомъ письмѣ къ королю отъ 2 апр. 1304 г. Здѣсь онъ говоритъ въ началѣ, что онъ хочетъ упредить короля сладостію благословенія и затѣмъ трактуетъ сообразно притчѣ о потерянной овцѣ; ибо какъ не вознести на свои рамена столь благородную и словесную овцу?! Никто не долженъ порицать episcopus urbis et orbis за такое смиреніе. Въ заключеніе онъ просилъ короля вѣрить своему отцу, папѣ, и подумать хорошенько о томъ, что Іудейскій царь Іоасъ до тѣхъ поръ только и управлялъ счастливо и славно, пока слѣдовалъ совѣту первосвя-

щенника Іодая (4 Царств. гл. XII). Къ требованію всеобщаго собора, который долженъ судить его предшественника, онъ отнесся весьма сомнительно. Въ консисторіи онъ объявилъ кардиналамъ, что рѣшеніе объ этомъ дѣлѣ онъ предоставляетъ единственно себѣ.

Этотъ отвѣтъ папы, само собою понятно, не могъ удовлетворить Филиппа. Бенедиктъ, прощая, трактуетъ его, какъ заблудшую овцу, слѣдовательно считаетъ и самого Бонифація законнымъ и православнымъ папою, и всѣ распоряженія его правильными. Но Филиппъ считалъ себя отнюдь не заблудшею овцою, а, наоборотъ, защитникомъ и спасителемъ церкви отъ тиранна, еретика и расхитителя словесныхъ овецъ. Ему нужно было не это произвольное и—потому—безсмысленное прощеніе въ несуществующемъ преступленіи, а осужденіе Бонифація; тогда не только его невинность, но даже положительныя его заслуги для церкви обнаружатся сами собою. Очень естественно, что Бенедиктъ не желалъ суда надъ Бонифаціемъ на всеобщемъ соборѣ; это противорѣчило теоріи папства и въ сущности равносильно было съ его стороны наложенію рукъ на себя. Но Филиппъ видѣлъ во всеобщемъ соборѣ единственное средство юридически и нравственно оправдаться предъ міромъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ Бонифація. Такимъ образомъ ультрамонтанское начало о неподсудности папъ какому бы то ни было собору, какъ лицъ, стоящихъ выше всякихъ соборовъ, стало здѣсь въ прямой конфликтъ съ выдвинутымъ Галликанскимъ началомъ о подчиненности папъ соборамъ, какъ высшимъ ихъ судилищамъ. Отъ этого интересъ борьбы изъ-за Бонифація лишь возрастаетъ.

Послѣ уклончиваго отвѣта Бенедикта XI относительно созванія всеобщаго собора для суда надъ Бонифаціемъ, Французскіе послы въ Римѣ стали дѣйствовать отдѣльно на кардиналовъ и достигли, наконецъ, того, что семеро изъ нихъ обѣщались содѣйствовать созванію такого собора. Въ тоже самое вре-

мя во Франціи явилась адресованная на имя короля записка, которая приглашала его защитить свободу и верховенство государства отъ нападеній умершаго папы, объявить его *еретикомъ* и достигнуть осужденія его, какъ *еретика*. Одновременно съ этою просьбою, въ ней, на основаніи св. Писанія, проводилась мысль, что царство и священство, согласно волѣ Божіей, должны быть раздѣлены и всегда существовали раздѣльно. „Богъ далъ прародителямъ и ихъ потомкамъ господство надъ міромъ (Втор. 1, 36), и они въ теченіе 3000 (2000!) лѣтъ были владыками, прежде чѣмъ Богъ далъ перваго священника, который въ тоже время былъ и царемъ, именно Мелхиседека; но и онъ не былъ царемъ всего міра. Послѣ его смерти опять въ теченіи 600 лѣтъ не было никакого священника, пока Богъ не опредѣлилъ Моисея въ князя, а Ларона во священника своего народа. И когда Моисей умеръ, онъ передалъ княжескую свою власть не брату своему Ларону, а Іисусу (Навину). Когда потомъ земля была раздѣлена между 12-ю колѣнами, то колѣно священниковъ и левитовъ не получило никакого удѣла, а только десятину и пр., и когда Израиль потребовалъ царя, то Самуилъ далъ ему въ цари, по Божьему указанію, не первосвященника, а Саула. Также и Верховный Первосвященникъ Новаго Завѣта, Христосъ, не имѣлъ ни какой свѣтской власти и не требовалъ, чтобы Иродъ и Пилатъ слушались Его, скорѣе повелѣлъ давать кесарю то, что кесарево. Равнымъ образомъ, ни Петръ, ни Павелъ и ни кто либо изъ ихъ преемниковъ не искали свѣтской власти, за исключеніемъ той, какую далъ церкви Константинъ великій (Авторъ имѣетъ здѣсь въ виду грамату о Константиновомъ дарѣ, которую онъ считаетъ за подлинную). *Бонифацій* былъ *первый* (?), который хотѣлъ распространить власть вязать и разрѣшать также и на временныя дѣла“. (Эта послѣдняя неправда сдѣлана, очевидно, для вящшаго усиленія вины Бонифація).

Какъ еще ни наивна эта записка, но тѣмъ не менѣе она можетъ быть названа знаменіемъ времени и была чрезвычайно смѣлымъ шагомъ противъ всеподавляющаго папства. Филиппъ продолжалъ настаивать на созваніи всеобщаго собора для осужденія Бонифатія. По мѣрѣ того, какъ эти требованія короля о созваніи собора становились настойчивѣе, постепенно дѣлался уступчивѣе и Бенедиктъ, пока наконецъ рядомъ буллъ не отмѣнилъ, сначала по очередно одно за другимъ, а за тѣмъ и en bloc (огуломъ) всѣ опредѣленія своего предшественника, оскорбительныя для короля и вредныя для Франціи и Французской церкви,—значительно смягчилъ самую буллу Clericis laicos и даже даровалъ Франціи новыя привиллегіи. Вмѣстѣ съ этимъ онъ простилъ и всѣхъ тѣхъ Французовъ, которые участвовали въ арестованіи Бонифація въ Ананьи, за исключеніемъ одного лишь Ногарета. 7 іюня Бенедиктъ издалъ эдиктъ, которымъ повелѣвалъ всѣмъ беззаконникамъ явиться къ нему на судъ ко дню Петра и Павла; но при поимянномъ перечисленіи этихъ беззаконниковъ оказались одни лишь Италіянцы, а изъ Французовъ—одинъ Ногаретъ. Беззаконники не явились. Бенедиктъ готовился наложить на нихъ анаѳему, но спустя нѣсколько дней (вѣроятно, 7 іюля) померъ. Смерть его была такъ быстра и неожиданна, что ее приписали отравленію.

Выборы новаго папы продолжались 11-ть мѣсяцевъ. Италіянская и Французская партіи въ коллегіи кардиналовъ снова противостали другъ другу съ ожесточеніемъ. Пущены были въ ходъ всевозможныя интриги: политическіе виды перемѣшались съ фамильными интересами Италіянскихъ кардиналовъ; за тѣмъ, самые фамильные интересы перекрещивались уже съ личными желаніями и видами того или другаго кардинала. Положеніе, въ какое попало папство, было крайне опасное и вопросъ, какого избрать папу—суроворѣшительнаго или мягкаго, уступчиваго, представлялся вопросомъ неразрѣшимой трудности. При томъ весь-

ма многимъ кардиналамъ хотѣлось самимъ надѣть на себя тіару. Борьба между Орсини и Колоннами, хотя послѣдніе и не находились между кардиналами, замѣтно давала себя знать и на этихъ выборахъ. Наконецъ, послѣ всевозможныхъ интригъ и взаимныхъ обмановъ, избранъ былъ (5 іюня 1305 г.) Бордосскій архіепископъ, родомъ Французъ, Бертранъ де Готъ, назвавшійся въ папствѣ Климентомъ V. Кардиналы, извѣщая его о выборѣ, попросили-было его отправиться въ Римъ, чтобы здѣсь короноваться и отсюда, по примѣру предшественниковъ, управлять церковію. Но Климентъ имъ повелѣлъ явиться въ Ліонъ, гдѣ онъ намѣренъ короноваться, и кардиналы съ грустію должны были отправиться въ *Вавилонскій плѣнъ*. 14 ноября совершилось коронованіе папы. Во время совершенія коронаціонной процессіи обрушилась одна старая стѣна, такъ что нѣсколько человѣкъ было задавлено ею. Самъ папа упалъ съ лошади, при чемъ тіара съ его головы упала и изъ нея потерянъ одинъ драгоцѣнный камень. Этотъ несчастный случай не предвѣщалъ ничего хорошаго.

Уже въ самомъ Ліонѣ, непосредственно послѣ коронованія Климента, Филиппъ настоятельно потребовалъ отъ него учрежденія суда для выслушанія обвиненій противъ Бонифація. Съ тѣми же самыми просьбами и требованіями обратились къ нему братъ короля графъ Людовикъ Эврё, графы Сенъ-Поль и Дрё и рыцарь Плазіанъ. Понятно, что эти требованія оказались также крайне непріятными для Климента, какъ они были непріятны и для предшественника его, Бенедикта XI. Судить и осудить Бонифація значило судить и осудить папство, это значило судить и осудить самихъ себя, что равносильно самоубійству. Климентъ старался затянуть дѣло и между тѣмъ удовлетворить требователей другимъ какимъ нибудь образомъ. Съ этою цѣлію онъ поспѣшилъ возобновить всѣ разрѣшенія, которыя дарованы были его предшественникомъ Бенедиктомъ XI, и даже усилилъ ихъ: такъ онъ объявилъ короля

вполнѣ невиннымъ, тогда какъ Бенедиктъ, какъ видѣли, далъ ему разрѣшеніе въ такомъ родѣ, что при этомъ предполагалась на немъ вина. 15 декабря онъ назначилъ десять новыхъ кардиналовъ и между ними девять было Французовъ; обоихъ Колоннов, Іакова и Петра, снова принялъ въ коллегію кардиналовъ; предоставилъ Филиппу на пять лѣтъ десятины отъ церковныхъ доходовъ во Франціи; смягчилъ эдиктъ Бонифація относительно приглашеній въ Римъ (Rem non novam) и совершенно отмѣнилъ буллу Clericis laicos. Но относительно буллы Unam sanctam объявилъ въ бреве Mercii (отъ 1 февр. 1306 г.), что она не наноситъ никакого вреда Франціи, ея королю и подданнымъ послѣдняго и что ею не возлагается на нихъ никакого подчиненія Римской церкви. Такое категоричное удостовѣреніе бреве Mercii, очевидно, находится въ прямомъ противорѣчіи съ содержаніемъ и текстомъ Unam sanctam, но папа не смущался этимъ; утверждая завѣдаемую ложь, онъ достигалъ двухъ практическихъ цѣлей: успокоивалъ Французскаго короля и сохранялъ ученіе о политическихъ претензіяхъ Римской церкви. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ еще нѣсколько распоряженій въ угоду Французскаго короля и Французовъ.

Въ маѣ 1307 г. Филиппъ въ другой разъ встрѣтился съ Климентомъ въ Пуатьерѣ и снова настоятельно потребовалъ отъ него образованія суда надъ Бонифаціемъ по предъявленнымъ обвинительнымъ на него пунктамъ. Климентъ началъ просить, умолять его, чтобы отказался отъ суда надъ „земнымъ намѣстникомъ Бога“ и предоставилъ все дѣло въ руки его, Климента. Король согласился-было на его просьбу, и уже Климентъ изготовилъ-было въ этомъ смыслѣ буллу (отъ 1 іюня 1307 г.), въ которой расточилъ самыя широкія отпущенія и разрѣшенія всѣмъ королевскимъ сторонникамъ. къ какой бы націи они ни принадлежали, даже самому Ногарету; но король снова возобновилъ свои требованія суда, и эта булла Климента осталась

лишь проэктомъ, не была обнародована. Какъ ни тяжело было, но наконецъ Климентъ увидѣлъ себя вынужденнымъ уступить требованіямъ короля, образовать судъ надъ Бонифаціемъ и выслушать его обвинителей. Новыя затяжки, какія онъ чинилъ, чтобы только какъ нибудь замять дѣло, служили лишь поводомъ къ предъявленію новыхъ требованій относительно образованія суда надъ Бонифаціемъ. Наконецъ, послѣ всевозможныхъ увертокъ, онъ издалъ 13 сент. 1309 г. пригласительную буллу къ обвинителямъ. Она гласила слѣдующее: „Съ того самаго времени, какъ мы, при содѣйствіи Божественнаго милосердія, вознесены на вершину верховнаго апостольства, возлюбленнѣйшій во Христѣ сынъ нашъ, знаменитый, какъ мы думаемъ и какъ онъ самъ показываетъ, ревностію король Франковъ Филиппъ, воспламенившись благоговѣніемъ къ православной вѣрѣ и полагая, что онъ премного окажетъ помощи церкви, настоятельно потребовалъ отъ насъ, въ первый разъ—когда мы съ своею куріей находились въ Ліонѣ и потомъ — въ Пуатьерѣ, равно также настойчиво домогаются и возлюбленнѣйшіе сыны, благородные мужи графы: сынъ славной памяти короля Франковъ Филиппа Людовикъ Эврё, Гвидонъ Сенъ Поль и Іоаннъ Дрё, также рыцарь Вильгельмъ Плазіанъ, чтобы мы, преклонивъ благосклонный слухъ къ онымъ именно благороднымъ (quod ipsis videlicet nobilibus), удостовѣряющимъ, что они желаютъ изложить еретическое преступленіе противъ нашего предшественника, папы Бонифація VIII, который, по ихъ словамъ, впалъ въ пропасть еретической пагубы, имѣютъ достаточныя основанія для доказательства онаго и желаютъ все сіе предложить намъ, потщились вступить на путь суда для принятія такимъ образомъ доказательствъ и для осужденія памяти сего почившаго“ (папы). Далѣе Климентъ увѣряетъ, что Бонифацій происходитъ отъ православныхъ родителей и изъ правовѣрной страны, большую часть своей жизни провелъ въ Римской куріи, былъ обле-

каемъ неоднократными легатствами, издавалъ разныя распоряженія въ интересѣ вѣры и къ чести Божіей, всегда являлъ доказательства католичности своей религіи въ совершеніи литургіи, въ проповѣдяхъ и другихъ добрыхъ дѣлахъ, имѣлъ общеніе съ знаменитыми мужами всѣхъ странъ какъ предъ своимъ возведеніемъ на св. престолъ, такъ и послѣ,—вообще, по его, Климента, твердому убѣжденію, обвиненія, взводимыя на Бонифація, неосновательны. Но, такъ какъ дѣло идетъ о самомъ страшномъ и отвратительнѣйшемъ изъ всѣхъ преступленій—ереси, то онъ, уступая настоятельнымъ требованіямъ короля и чтобы не показаться небрегущимъ о святѣйшей Римской церкви, матери всѣхъ вѣрующихъ во Христа и учительницѣ, всѣмъ предписывающей норму католической вѣры, захотѣлъ выслушать обвинителей онаго. Явиться имъ повелѣлъ въ Авиньонъ, куда онъ между тѣмъ и самъ переселился (въ началѣ 1309), къ понедѣльнику послѣ втораго великопостнаго воскресенія.

Въ Парижѣ имѣли основаніе быть недовольными этою пригласительной граматой и впослѣдствіи обвинители Бонифація навели на нее жестокую критику. Для настоящаго раза достаточно замѣтить, что въ граматѣ сказано, будто и король на ряду съ другими желалъ быть выслушаннымъ въ качествѣ обвинителя Бонифація и требовалъ его осужденія. Если первую мысль, по казуистическому толкованію словъ буллы: ipsis videlicet nobilibus. и можно еще отвергнуть, то вторую, что король желаетъ осужденія Бонифація, никакой казуистикой нельзя вычеркнуть изъ разсматриваемой граматы. Тѣмъ не менѣе Климентъ нашелъ возможнымъ удостовѣрить короля въ своемъ письмѣ къ нему отъ 2 февр. 1310 г., что въ его пригласительной граматѣ отъ 13 сент. 1309 г. нѣтъ и намека на то, будто король принадлежитъ къ партіи, желаетъ осужденія Бонифація и, какъ обвинитель, приглашается къ показанію обвиненій; всѣ эти мысли вложены въ его грамату кривотолками.

16 марта 1310 г. Климентъ, наконецъ, положилъ начало процессу противъ Бонифація въ открытой консисторіи въ присутствіи кардиналовъ, многихъ клириковъ и мірянъ. Отъ Французскаго короля явилось пять пословъ: одинъ клирикъ и четверо мірянъ, между которыми находились Ногаретъ и Плазіанъ. Явились и защитники Бонифація, числомъ 12, изъ которыхъ двое были его племянники. Прежде всего прочитали пригласительную буллу отъ 13 сент. 1309 г., послѣ чего Ногаретъ произнесъ рѣчь, содержаніе которой онъ обѣщалъ передать также и письменно. Затѣмъ началъ говорить одинъ изъ защитниковъ Бонифація; онъ воспротестовалъ противъ всякаго дальнѣйшаго движенія процесса, кромѣ лишь того, что сообразно требованіямъ права, конечно, съ ультрамонтанской точки зрѣнія. Папа велѣлъ имъ письменно изготовить къ ближайшей пятницѣ то, что они, каждая сторона, имѣли бы сказать въ пользу своего дѣла, и для пріема ихъ записокъ назначилъ двухъ кардиналовъ.

Въ назначенный срокъ (20 март.) обѣ тяжущіяся стороны вручили кардиналамъ составленныя ими записки, защитники Бонифація—одну, въ которой кратко повторили свой протестъ, выраженный ими устно, Французскіе же послы—три записки вмѣстѣ съ спискомъ тѣхъ кардиналовъ, которые, какъ пристрастные, по ихъ мнѣнію, должны быть исключены отъ участія въ судопроизводствѣ. Двѣ первыя изъ этихъ записокъ были не что иное, какъ жалобы Ногарета (отъ 12 март. 1303 г.) и Плазіана (отъ 13 іюня того же года), поданныя ими на Бонифація Французскому государственному Собранію. Третья записка представляла критику на пригласительный эдиктъ Климента V отъ 13 сент. 1309 года. Ногаретъ и Плазіанъ объявили, что этотъ эдиктъ вреденъ какъ для нихъ самихъ, такъ и для negotium fidei (что по тогдашнимъ понятіямъ равносильно было auto da fé), которое они начали противъ Бонифація еще при его жизни. Поэтому они протестуютъ противъ этого эдикта и объ-

являютъ, что они явились на судъ не вслѣдствіе его требованія, а добровольно, чтобы возобновить свои обвиненія противъ Бонифація. Далѣе, эдиктъ этотъ оказывается оскорбительнымъ также и для короля и его государства, для приглашенныхъ въ немъ графовъ и для всѣхъ тѣхъ, которыхъ касается это negotium fidei, и въ тоже время онъ страдаетъ многими погрѣшностями, потому что папа при его изданіи явно находится въ error facti. Поэтому они требуютъ его отмѣны въ двоякомъ свойствѣ, и какъ королевскіе послы, и какъ частныя лица. Если это случится, то и они также готовы доказать, что Бонифацій выскочка, т. е. занялъ папскій престолъ при жизни законнаго папы, вопреки правиламъ церкви, еретикъ и порочнѣйшій человѣкъ. При этомъ они какъ частныя лица, присовокупили просьбу—поскорѣе выслушать показанія престарѣлыхъ свидѣтелей, а имена ихъ умолчать, чтобы они не подверглись ни какимъ преслѣдованіямъ. Также справедливость требуетъ, чтобы устранены были отъ всякаго участія въ совѣщаніяхъ и переговорахъ тѣ изъ кардиналовъ, которые явно пристрастны въ этомъ дѣлѣ. Именно, многіе изъ нихъ преслѣдовали Ногарета, когда онъ пребывалъ въ Италіи, отняли тамъ у него деньги и удерживали покойнаго Бенедикта начать слѣдствіе противъ Бонифація. Однакожъ, изъ почтенія къ папѣ и св. коллегіи имена этихъ кардиналовъ не должны быть открываемы, если не настанетъ для этого крайней нужды. Чтобы надлежащимъ образомъ оріентировать папу, Французскіе послы тотчасъ же сдѣлали обзоръ хода событій отъ выбора Бонифація до настоящаго часа, и потомъ перешли къ спеціальному разбору папскаго пригласительнаго декрета. Во первыхъ, думали они, онъ долженъ бы быть лично врученъ приглашаемымъ, а не только быть прибитъ въ Авиньонѣ. Но также онъ страдаетъ и матеріальными недостатками. Въ немъ, какъ предметъ слѣдствія, обозначено *одно* только обвиненіе противъ Бонифація, именно, что онъ умеръ въ ереси,—тогда какъ

въ дѣйствительности противъ него подняты *многія* обвиненія. Всѣ эти обвиненія умолчаны въ эдиктѣ, и напротивъ, ко вреду ихъ (обвинителей) Бонифацію расточена всякая похвала. Въ эдиктѣ сказано, что графы Эврё, Сенъ-Поль и Дрё и рыцарь Плазіанъ будто бы утверждали въ присутствіи папы, что Бонифацій *умеръ* какъ еретикъ. Это не такъ было, потому что обвиненія въ ереси выставлены были еще при жизни Бонифація, что естественно ведетъ за собою величайшее различіе въ доказательствахъ. Плазіанъ многократно переговорилъ съ папою объ этомъ дѣлѣ, но никогда не утверждалъ, что Бонифацій умеръ въ ереси, также какъ никогда онъ не требовалъ и осужденія его памяти. Далѣе, въ этомъ эдиктѣ графы Эврё и пр. поставлены совершенно на одну линію съ Плазіаномъ; но первые только объявили, что они *убѣждены* въ истинѣ обвиненій противъ Бонифація, но для *доказательства* оныхъ не они предлагали себя, а только онъ, Плазіанъ. Въ эдиктѣ сказано, что также и король требовалъ отъ папы не только выслушать обвинителей, но еще по формѣ права предать анаѳемѣ память Бонифація. Это несправедливо и взваливаетъ на короля тяжкую неправду. Наконецъ, совершенно неизвѣстно упоминаемое въ эдиктѣ приглашеніе явиться на судъ къ Срѣтенію 1309 года. Послѣ этого Французскіе послы потребовали, чтобы имъ сообщены были имена защитниковъ Бонифація и чтобы эти не были допускаемы къ защитѣ до тѣхъ поръ, пока не выслушаютъ вполнѣ ихъ, обвинителей, и вслѣдъ за этимъ, предложивъ прежнія свои обвинительныя записки противъ Бонифація (отъ 12 март. и 13 іюня 1303 г.), Ногаретъ и Плазіанъ предъявили еще отдѣльныя свои предложенія, которыя они изъявили готовность доказать противъ Бонифація во всякое время, какъ только будетъ отмѣненъ разбираемый пригласительный эдиктъ. Равно также они протестовали и противъ изданнаго Бенедиктомъ XI приглашенія Ногарета и другихъ явиться къ нему на судъ въ Римъ и объявили, что

этотъ папа находился въ заблужденіи, обвиняя Ногарета въ личномъ оскорбленіи Бонифація и въ расхищеніи церковныхъ сокровищъ. Напротивъ, Ногаретъ защитилъ Бонифація и его племянниковъ отъ оскорбленія и, пожалуй, умерщвленія ихъ другими. и по мѣрѣ силъ охранялъ церковныя сокровища. Въ доказательство этого Ногаретъ дѣлаетъ обзоръ событій съ того момента, когда Франція потребовала всеобщаго собора, и освѣщаетъ происшествіе въ Ананьи въ такомъ смыслѣ, что онъ и его союзники только сообщили Бонифацію предложеніе короля о созваніи собора, а отнюдь не нападали на его лицо. Бонифацій потомъ, на полной свободѣ, открыто разрѣшилъ ихъ отъ всякаго отлученія, хотя въ дѣйствительности они не подпадали никакой такой сентенціи. Они дѣлали только то, что составляло право и было необходимо; поэтому разсматриваемое распоряженіе Бенедикта XI относительно ихъ должно быть отмѣнено и только то въ немъ должно остаться въ силѣ, что относится къ дѣйствительнымъ виновникамъ грабежа въ Ананьи.

Послѣ этого произошло еще семь открытыхъ засѣданій консисторіи (27 марта; 10, 11 и 25 апрѣля; 8, 11 и 13 мая, т. е. всего съ первымъ—8); обѣ тяжущіяся стороны истощались въ юридическихъ кляузахъ и отрицали другъ за другомъ право участія въ поднятомъ судебномъ процессѣ; дѣло затягивалось и папа только радовался. Французскіе послы требовали, чтобы онъ поспѣшилъ выслушать по крайней мѣрѣ престарѣлыхъ свидѣтелей, которымъ грозитъ опасность близкой смерти. Какъ, повидимому, ни резонно это требованіе, но Климентъ не внялъ ему. Напротивъ, онъ все еще надѣялся замять дѣло. 23 мая того же 1310 г. онъ отправилъ къ Карлу Валуа очень горячее письмо, въ которомъ умолялъ его склонить короля, своего брата, предоставить слѣдствіе о Бонифаціи только ему, папѣ, и отозвать обвинителей, какъ это онъ уже обѣщалъ прежде. Но Филиппъ не только не склонился на это требованіе папы, но еще пожаловался

ему (3 іюля), что учрежденіе коммиссіи для выслушанія какъ престарѣлыхъ, такъ и вдали живущихъ свидѣтелей отодвинуто въ такую даль, что нѣкоторые изъ этихъ свидѣтелей уже умерли, другіе устрашены или даже плѣнены и умерщвлены друзьями Бонифація. Папа отвѣтилъ на эту жалобу короля письмомъ отъ 23 августа, въ которомъ старался показать неосновательность и преувеличеніе королевскихъ обвиненій. Относительно выслушанія свидѣтелей онъ замѣтилъ, что онъ уже учредилъ двѣ коммиссіи: одну, состоящую изъ трехъ кардиналовъ родомъ изъ Франціи для выслушанія свидѣтелей, находящихся при куріи въ Авиньонѣ, и другую для выслушанія свидѣтелей, живущихъ въ Римѣ, Тосціи, Кампаніи, Ломбардіи и другихъ мѣстахъ Италіи. Но едва ли эти коммиссіи учреждены не послѣ полученія жалобы короля и только помѣчены заднимъ числомъ. По крайней мѣрѣ такъ заставляютъ думать обстоятельства происшествій и самая помѣта образованія этихъ коммиссій. Такъ образованіе Италіянской коммиссіи помѣчено 28 іюня 1310 года, что, очевидно, отстоитъ весьма недалеко отъ 3 іюля, времени жалобы короля. Это соображеніе подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ буллѣ объ учрежденіи Италіянской коммиссіи папа засвидѣтельствовалъ, что еще отнюдь не рѣшено, слѣдуетъ ли выслушивать обвинителей или защитниковъ Бонифація, или даже никого изъ нихъ.

Наконецъ, въ теченіи августа и сентября, послѣ долгихъ и настойчивыхъ требованій, объ коммиссіи, и Франшузская и Итальянская, начали производить выслушиваніе свидѣтельскихъ показаній. Французская коммиссія выслушала четырнадцать свидѣтелей, между которыми на половину были священники, аббаты, монахи, епископы. Предъ показаніемъ всѣ свидѣтели принесли торжественную присягу, что они будутъ говорить одну только правду и что они никѣмъ не подкуплены, ни устрашены. За тѣмъ всѣ 14-ть свидѣтелей единогласно (лишь въ разныхъ словахъ и выра-

женіяхъ) показали, что они собственными ушами слышали, какъ Бонифацій отвергалъ Божество Іисуса Христа, считалъ Его простымъ человѣкомъ, но лишь умнымъ и magnus hypocrita, рожденіе Его отъ Дѣвы — смѣшнымъ, отвергалъ Троицу въ Божествѣ, загробную жизнь, безсмертіе души, рай и адъ, и пресуществленіе гостіи. При этомъ нѣкоторые показали, что онъ всѣ три религіи: іудейскую, христіанскую и магометанскую одинаково признавалъ за изобрѣтеніе человѣческое (Подобное же обвиненіе прежде взводили на императора Фридриха II. Видно, такой взглядъ на религіи былъ очень распространенъ у тогдашнихъ раціоналистовъ), Кромѣ того, пятеро изъ этихъ свидѣтелей (3. 9. 12. 13 и 14) показали, что они собственными ушами слышали, какъ Бонифацій отвергалъ существованіе плотскаго грѣха, утверждая, что „наслаждаться женщинами и мальчиками составляетъ столь же малый грѣхъ, какъ потирать руки“.

Итальянская коммиссія выслушала 23 свидѣтеля, духовныхъ и мірянъ. Показанія ихъ немногорѣчивы, но болѣе разнообразны. Девятнадцать изъ нихъ показали, что Бонифацій высказывалъ тѣже самыя еретическія мысли, которыя извѣстны намъ и изъ показаній свидѣтелей предъ Французской коммиссіей. Шестеро объявили, что Бонифацій приносилъ жертвы демонамъ, имѣлъ съ ними общеніе и занимался некромантіей. Четверо утверждали, что онъ изрѣкалъ богохульства. Семь свидѣтелей удостовѣрили, что онъ предавался плотскому грѣху въ разнообразныхъ его видахъ, и съ женщинами естественнымъ и противоестественнымъ образомъ, и съ мальчиками. Показанія, или лучше—признанія ихъ въ этомъ отношеніи поразительны и до того циничны, что говорить о нихъ въ публичной рѣчи невозможно.

Между тѣмъ какъ производились эти выслушиванія свидѣтелей, папа въ свою очередь продолжилъ держать открытыя засѣданія консисторіи для выслушиванія обоихъ тяжущихся сторонъ: обвинителей и защитниковъ Бонифація. Но дѣло не подвигалось впе-

редъ ни на шагъ: по прежнему обѣ спорющія стороны изощрялись лишь въ юридическихъ кляузахъ и по прежнему Климентъ только и заботился о томъ, какъ бы затянуть дѣло, не переставая въ тоже время умолять Филиппа отозвать обвинителей и ввѣрить рѣшеніе поднятаго вопроса лишь ему одному. Видя, что дѣло дѣйствительно затягивается въ безконечность, король, наконецъ, рѣшился склониться на мольбу папы—предоставить судъ надъ Бонифаціемъ только ему одному, тѣмъ болѣе, что и Климентъ съ своей стороны обѣщался, въ угоду короля, осудить Тампліеровъ, судъ надъ которыми поднятъ Филиппомъ одновременно съ процессомъ противъ Бонифація. Въ февралѣ 1311 года король отправилъ къ Клименту обширное посланіе слѣдующаго содержанія: „Не смотря на то, что о Бонифаціи были распространены многіе худые слухи, именно, что онъ вошелъ въ овчарню не дверьми, я все-таки чтилъ его, какъ отца; но, когда дошли до моего слуха новыя жестокія обвиненія, и когда обвинители захотѣли доказать свои обвиненія предъ всеобщимъ соборомъ, то я, ради спасенія церкви, рѣшился приложить стараніе къ созванію такого собора. Тотчасъ же я послалъ-было къ Бонифацію посольство, именно—рыцаря Ногарета, этого поборника католической вѣры и единства церкви, съ порученіемъ извѣстить его объ оныхъ обвиненіяхъ и потребовать созванія собора. Но Бонифацій не только старался арестовать этихъ пословъ въ разныхъ мѣстахъ, но даже и уничтожить ихъ. Когда же Ногаретъ наконецъ долженъ былъ лично явиться къ Бонифацію, чтобы передать ему королевское извѣстіе, то, изъ страха за свою жизнь, онъ окружилъ себя людьми вооруженными, но строго внушилъ имъ не налагать руку на недозволенное. Поелику, однакожъ, Бонифацій и въ отечественномъ своемъ городѣ былъ ненавидимъ въ такой же мѣрѣ, какъ и повсюду, то къ Ногарету примкнули многіе такіе, которые теперь вопреки его волѣ учинили разныя безчинства, и учинили бы еще болѣе, если бы онъ по си-

лам̀ъ не противосталъ имъ. Послѣ смерти Бонифація я просилъ объ изслѣдованіи взведенныхъ противъ него обвиненій папу Бенедикта и возобновилъ эту просьбу у папы Климента уже въ Ліонѣ и потомъ во второй разъ въ Пуатьерѣ. Этотъ папа, озабоченный другими дѣлами, именно—попеченіемъ о св. Землѣ и мирнымъ посредствомъ между Франціей и Англіей, равно также печальнымъ дѣломъ Тампліеровъ, хотя и не могъ заняться тѣмъ дѣломъ тотчасъ же, однакожъ въ возможнѣйшей скорости положилъ начало и выслушалъ многихъ свидѣтелей. Рѣчами и противорѣчами защитниковъ и обвинителей Бонифація дѣло затянуто, и многіе того мнѣнія, что оно скорѣе и легче можетъ быть покончено, если будетъ предоставлено папѣ, *которому* оно *принадлежитъ принципіально*. Правда, теперь устранены нѣкоторыя препятствія для болѣе быстраго хода дѣла, но папу и короля сильно озабочиваетъ о Христѣ другое важнѣйшее дѣло—Тампліеровъ, которое хотя и хорошо начато, но еще не доведено до конца; оба эти дѣла, относительно Тампліеровъ и Бонифація, папа надѣется покончить счастливо, во славу Божію и церкви, если истина предварительно будетъ обслѣдована на предстоящемъ соборѣ. Поелику теперь папа избѣгаетъ доселѣшняго ненавистнаго хода процесса (противъ Бонифація) и желаетъ поступать въ этомъ дѣлѣ безъ многорѣчія формальныхъ обвиненій на основаніи лишь собственной служебной обязанности, то и я также хочу теперь, согласно многократнымъ его просьбамъ, вполнѣ предоставить ему оное дѣло, покончитъ ли онъ его на соборѣ, или иначе какимъ нибудь образомъ". Сообразно этому королевскому рѣшенію, и графы Эврё, Сенъ-Поль и пр. написали къ папѣ отъ 14 февр. 1311 г., что они, во вниманіе къ величайшей ревности, которую онъ оказалъ противъ ереси, именно въ дѣлѣ Тампліеровъ, предоставляютъ обвиненія противъ Бонифація и все веденіе процесса только ему одному, папѣ.

Такимъ образомъ Климентъ достигъ, наконецъ, своей цѣли: дѣло Бонифація было передано исключительно въ его руки. Не трудно было предвидѣть, что онъ постарается оправдать своего предшественника. Не было при этомъ основанія не опасаться и того, какъ бы обвинители Бонифація, поднявшіе процессъ противъ него, не были выставлены въ неблагопріятномъ свѣтѣ, дѣйствовавшими по злобѣ, враждѣ, изъ страсти мщенія. Слѣдовало обезопасить себя съ этой стороны, слѣдовало побудить папу спеціально объявить относительно ихъ, что въ процессѣ противъ Бонифація они дѣйствовали bona fide, изъ ревности къ вѣрѣ и для блага церкви. И дѣйствительно Климентъ, по настоянію короля, обязалъ многихъ кардиналовъ и другихъ клириковъ довести до его свѣдѣнія къ 14 апр. 1311 г., что они знаютъ о благихъ намѣреніяхъ короля и его союзниковъ въ дѣлѣ Бонифація. Показанія, сообщенныя кардиналами по этому запросу Климента, проливаютъ весьма много свѣта на все понтификатствованіе Бонифація и съ этой стороны важны.

Бывшій духовникъ Филиппа, возведенный Климентомъ V въ достоинство кардинала, Николай, письменно показалъ слѣдующее: „Около 13 лѣтъ предъ симъ, когда король (лѣтомъ 1297 г.) стоялъ лагеремъ во Фландріи подлѣ города Лилля, къ нему пришли два доминиканца, посланные кардиналами Колоннами, и принесли письмо и документы такого содержанія, что Бонифацій выскочка и еретикъ и что король, какъ поборникъ вѣры, обязанъ озаботиться для раскрытія истины созваніемъ всеобщаго собора.... Король отвѣтилъ устно, что онъ займется этимъ дѣломъ; но его духовникъ Николай, отсовѣтывалъ ему вступаться въ оное, поелику обвиненія невѣроятны. Когда, спустя два мѣсяца, пришло извѣстіе о канонизаціи Людовика св.—нѣкоторые говорили: „радость была бы еще большая, если бы совершилъ такое дѣло другой папа, мужъ законно избранный и католическій“. По возвращеніи короля изъ Фландріи, дурные слухи о Бонифаціи уве-

личились. Письма, вѣстники и послы, возвратившіеся изъ куріи, принесли всякаго рода извѣстія. Одни говорили, что Бонифацій имѣетъ при себѣ дьяволенка; другіе утверждали, что онъ совершаетъ идолослуженіе, и блудодѣяніе и педерастію считаетъ за нѣчто безразличное. Спустя около года король сказалъ своему духовнику Николаю, будто многіе кардиналы писали ему, что Бонифацій отнюдь недобрый христіанинъ и тѣлу Господа не оказываетъ никакого почтенія. Однимъ изъ этихъ кардиналовъ былъ Іоаннъ ле-Муанъ; въ особенности же извѣстія всякаго рода, именно что Бонифацій не вѣритъ въ загробную жизнь и пр., приносилъ Эдесскій пріоръ, теперешній аббатъ Сенъ-Медарда, который былъ часто посылаемъ въ Римъ. Эти столь многочисленные и отъ достовѣрныхъ мужей исходящіе слухи нашли вѣру, хотя, быть можетъ, они были неосновательны, и возбудили въ королѣ и его подданныхъ добрую и справедливую ревность. Точно такую же ревность имѣли и графы Эврё и пр. и оба рыцаря (Ногаретъ и Плазіанъ).... Но что касается плѣненія Бонифація и дальнѣйшихъ при этомъ происшествій, то я думаю, что король вполнѣ невиненъ въ этомъ“.— Кардиналъ Наполеонъ Орсини писалъ въ своемъ показаніи, что онъ, хотя и не знаетъ точно, но *слышалъ*, будто бы кардиналы Симонъ (Больё) и Іоаннъ ле-Муанъ просили короля оказать помощь церкви противъ Бонифація; самъ же онъ говорилъ о величайшей опасности для церкви и о необходимости, чтобы Французскій король пришелъ къ ней на помощь, Карлу Валуа, когда онъ, призванный Бонифаціемъ, былъ въ Италіи. Въ подобномъ смыслѣ онъ писалъ также и къ самому королю. Въ заключеніе онъ удостовѣрялъ, что ревность Французскаго короля, графовъ Эврё и пр., и рыцарей Ногарета и Плазіана онъ признаетъ *благою*. Точно такое же удостовѣреніе далъ и кардиналъ-пресвитеръ Іоаннъ (ле-Муанъ), съ прибавленіемъ, что онъ, если онъ правильно помнитъ, самъ неоднократно говорилъ королю Филиппу и другимъ, что Бонифацій ере-

тикъ, и что тоже самое утверждали предъ королемъ кардиналъ Симонъ (Болье) и многіе инквизиторы изъ ордена Миноритовъ.—Кардиналъ Петръ Колонна сообщилъ, что какъ онъ самъ, такъ и его дядя Іаковъ Колонна призывали Французскаго короля на помощь церкви противъ Бонифація; что послѣдній былъ заподозрѣнъ въ ереси еще во время его кардинальства папою Целестиномъ V. и инквизиторъ въ Римской провинціи Леонардъ, уже составилъ-было объ этомъ протоколъ, но дѣло было затушено двумя кардиналами: Маттео Россо и Aquasparta; что и сами они, Колонны, слышали отъ него подозрительныя слова, и что, наконецъ, онъ весьма жестоко обходился съ своими противниками, которыхъ онъ заковывалъ въ цѣпи, ввергалъ въ тюрьмы, доводилъ до смерти и погребалъ въ нечистыхъ мѣстахъ. Кардиналъ Іаковъ Колонна съ своей стороны подтвердилъ, что онъ сообщалъ Французскому королю какъ о незаконномъ возвышеніи Бонифація на папскій престолъ, такъ равно и о ходячихъ слухахъ относительно его постыдныхъ и противоестественныхъ распутствъ, его еретическихъ воззрѣній и его общенія съ демонами. Естественно поэтому, что и кардиналы Колонны признали ревность короля въ дѣлѣ противъ Бонифація благою и доброю.—Большею сравнительно съ другими подробностію отличается сообщеніе аббата Сенъ-Медарда, Петра. Онъ показалъ: „Палестринскій кардиналъ Симонъ (Больё) объявилъ въ моемъ присутствіи королю, будто его увѣряли лица, заслуживающія полнаго довѣрія, что Бонифацій есть еретикъ и идолослужитель, не вѣритъ въ воскресеніе и рожденіе І. Христа отъ Дѣвы, вторгся въ овчарню, какъ воръ и разбойникъ, и кричалъ папѣ Целестину въ ночное время чрезъ рупоръ, какъ бы это говорилъ ему самъ Ангелъ, что, если онъ не отречется (отъ папскаго трона), то пойдетъ въ адъ. Уже Целестинъ хотѣлъ-было липить его за ересь кардинальскаго достоинства, но Іаковъ Колонна и его друзья воспротивились этому. Когда потомъ я, въ ка-

чествѣ посла Французскаго короля, пришелъ въ томъ же году въ Римъ, то кардиналы Іаковъ и Петръ Колонны, Гугонъ Остійскій, Петръ Аквиланъ и Ѳома де Горреа (Окреа) разсказали мнѣ о Бонифаціи тоже самое, даже еще худшее, и просили меня доложить объ этомъ королю, чтобы онъ пришелъ на помощь церкви, что я тогда и исполнилъ. Король снова отослалъ меня въ Римъ съ порученіемъ осторожно и безъ огласки (ca ute et secrete) предостеречь папу относительно ходячихъ слуховъ, чтобы онъ исправился и предотвратилъ опасность отъ церкви. Но Бонифацій обругалъ меня худымъ монахомъ и просилъ короля вѣрить не мнѣ, а Неаполитанскому королю Карлу, который въ скоромъ времени долженъ былъ прибыть во Францію. Послѣ того Французскій король послалъ къ Бонифацію Вильгельма Ногарета съ товарищами, чтобы они довели до его свѣдѣнія о ходячихъ жалобахъ и потребовали всеобщаго собора. Когда король услышалъ, что папа покушается на жизнь этихъ пословъ, то послалъ къ нимъ меня съ приказомъ взять ихъ порученіе на себя и, если бы и я не былъ допущенъ къ Бонифацію, обнародовать его въ городахъ Италіи. Я знаю, что король, графы Эврё, Сенъ-Поль и Дрё и рыцари Ногаретъ и Плазіанъ дѣйствовали руководимые вполнѣ чистою ревностію".—Увѣренность въ совершенно чистой ревности короля и его союзниковъ въ ихъ процессѣ противъ Бонифація выразили также кардиналъ Ландульфъ, кардиналъ епископъ Тускулумскій Беренгаръ, епископъ Байёсскій и нѣкоторые другіе клирики и міряне.

Опираясь на эти показанія, Климентъ объявилъ 27 апрѣля 1311 года, что король Филиппъ дѣйствовалъ безпристрастно въ отношеніи Бонифація, равно также и всѣ остальные его обвинители дѣйствовали bona fide. Послѣ отступленія обвинителей естественно должны были удалиться и его защитники. Все дѣло предоставлено было теперь папѣ, и онъ, чтобы показаться вполнѣ безпристрастнымъ, поспѣшилъ

пригласить всякого, кто что либо имѣетъ сказать за или противъ Бонифація, сообщить ему эти свои свѣдѣнія. Какъ бы въ отвѣтъ на это приглашеніе, въ Италіи продолжалось выслушиваніе свидѣтелей и въ теченіе слѣдующаго мѣсяца мая.

Того же 27 апрѣля 1311 г. Климентъ издалъ цѣлый рядъ обширныхъ буллъ относительно процесса противъ Бонифація. Важнѣйшая изъ нихъ есть Rex gloriae, адресованная на имя короля. Она начинается антибонифаціевымъ положеніемъ, что также и свѣтскія власти учреждены Богомъ и что Франція, какъ избранный народъ, занимаетъ почти тоже положеніе въ Новомъ Завѣтѣ, какое Израиль занималъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Послѣ этого вступленія слѣдуетъ историческій разсказъ. „Король Филиппъ объявилъ папѣ, что ему часто было сообщаемо высокими и авторитетными лицами, что Бонифацій вошелъ въ овчарню не дверьми и запятналъ ересью, и что король для спасенія церкви, которой угрожала великая опасность какъ по причинѣ незаконнаго восшествія на престолъ Бонифація, такъ равно и по причинѣ его омерзительныхъ дѣяній и причиняемаго имъ соблазна, обязанъ озаботиться созваніемъ всеобщаго собора. Король, который лучше желалъ бы прикрыть стыдъ отца собственной мантіей, наконецъ уступилъ настоятельнымъ просьбамъ относительно собора, тѣмъ болѣе, что твердое убѣжденіе въ справедливости и неопровержимости тѣхъ обвиненій выразили также графы Эврё, Сенъ-Поль и Дрё, и другіе высоко-авторитетные мужи духовнаго и свѣтскаго званія. При этомъ король желалъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ему его собственная совѣсть (sicut teste conscientia exoptabat), чтобы невинность Бонифація обнаружилась; но если бы это не удалось, то, по устраненіи выскочки (illegitimo) и его беззаконій, церковь получила бы истиннаго пастыря. Король, по согласію съ своими прелатами, баронами, коллегіями, корпораціями и городами, а также и съ другими королями и князьями, предпринялъ это дѣло изъ ревности къ вѣрѣ и праву, въ интересѣ церкви и всего христіан-

скаго міра, и потребовалъ уже отъ Бонифація и, послѣ его смерти, отъ папы Венедикта, наконецъ и отъ насъ уже въ Ліонѣ и неоднократно въ Пуатьерѣ, чтобы созванъ былъ соборъ для обслѣдованія этихъ обвиненій. Другіе, въ противоположность этому объявили себя готовыми защищать Бонифація и утверждали, что король потребовалъ такого слѣдствія болѣе по злобѣ и ненависти, чѣмъ изъ любви къ вѣрѣ и изъ ревности къ праву; что обвиненія противъ Бонифація клеветническія; что король и нѣкоторые изъ обвинителей святотатственно плѣнили Бонифація, и что ко всему этому они еще смертельные его враги, такъ что ихъ обвиненія даже и не должны быть принимаемы. Но, со стороны короля и обвинителей, было доказано (посредствомъ точнаго изложенія историческаго хода событій) ихъ доброе и чистое намѣреніе въ этомъ дѣлѣ, и удостовѣрено, что король отнюдь не приказывалъ дѣлать какое бы то ни было нападеніе на лице и жилище папы и глубоко сожалѣетъ, если Ногаретъ и другіе учинили что либо несправедливое. Взвѣшивая теперь, что строгое проведеніе этого дѣла очень вредно интересу св. Земли и, какъ уже показало начало, исполнено опасностей, папа увѣщевалъ и просилъ короля, чтобы онъ, взявъ назадъ обвиненія, предоставилъ это дѣло единственно только ему, папѣ, и церкви. Но такъ какъ король, однакожъ, твердо стоялъ на своемъ требованіи (слѣдствія и суда надъ Бонифаціемъ), то папа съ осторожностію и безъ поспѣшности въ опредѣленный срокъ началъ процессъ и продолжилъ его. Не рѣшая о томъ, должны ли быть допущены обвинители или защитники, онъ прежде всего счелъ за необходимое изслѣдованіе о ревности и мотивахъ короля и обвинителей и теперь можетъ объявить, что всѣ они поступали изъ чистой ревности, по благимъ побужденіямъ. Ногаретъ увѣрялъ предъ папою и консисторіей наиопредѣленнѣйшимъ образомъ, что король поручилъ ему лишь сообщить Бонифацію взведенныя на него обвиненія вмѣстѣ съ требованіемъ всеобщаго собора, и

только преслѣдованія послѣдняго вынудили его явиться къ нему съ вооруженною свитой. Но Бонифацій, пренебрегши онымъ требованіемъ всеобщаго собора, умыслилъ худыя дѣла не только ко вреду Франціи, но и всей церкви, и погубилъ бы себя и церковь, если бы его, съ Божіей помощію, не предупредили. Итакъ, только изъ чистой ревности по Богѣ и вѣрѣ и для защиты церкви и отечества случилось все то, что онъ (Ногаретъ) и его спутники содѣлали въ Ананьи, и ими ничего не учинено несправедливаго. Грабежъ и всякія прочія несправедливости случились противъ ихъ воли. Поэтому папа объявляетъ теперь короля Филиппа вполнѣ невиннымъ относительно плѣненія Бонифація, разграбленія сокровищъ и всѣхъ прочихъ дѣлъ, которыя тогда случились. Когда папа хотѣлъ далѣе вести процессъ противъ Бонифація, то защитники послѣдняго сдѣлали предложеніе отказаться отъ процесса и предоставить его единственно только ему, папѣ, чтобы онъ сдѣлалъ то, что требуется его должностію. Подобное, по просьбѣ папы, объявили также король и обвинители. Но, чтобы отъ этого не произошло имъ какого нибудь вреда, папа кассируетъ всѣ сентенціи, установленія, низложенія, наказанія, процессы, и пр., которые, какъ нибудь и по какимъ бы то ни было основаніямъ, даже по причинѣ происшествій въ Ананьи, были сдѣланы или изрѣчены къ вреду короля, его государства, его подданныхъ и союзниковъ, живы ли они или уже умерли, самимъ ли Бонифаціемъ со дня всѣхъ святыхъ 1300 г., или отъ имени его авторитета, или послѣ его смерти Бенедиктомъ. Только двѣ конституціи: Unam sanctam и Rem non novam должны оставаться въ силѣ съ сдѣланными уже въ нихъ измѣненіями. Равно также изглаждается всякое пятно безславія, которое отпечатлѣлось, за исключеніемъ лицъ нижепоименованныхъ, на королѣ или его слугахъ и приверженцахъ, по причинѣ какого нибудь оскорбленія Бонифація, или его арестованія, или разграбленія церковнаго сокровища,

или по причинѣ какого бы то ни было дѣйствія, которое при томъ арестованіи случилось, да и въ будущее время никто болѣе не можетъ быть привлеченъ изъ-за этого къ допросу. Но, чтобы сдѣлать относящіяся сюда сентенціи, конституціи, декларації, отмѣны привиллегій, отрѣшенія, отлученія, интердикты, лишенія и пр. совершенно безвредными, папа повелѣлъ уничтожить ихъ въ кодексахъ Римской церкви, равно какъ и всѣ прочіе экземпляры ихъ, у кого они находятся, должны быть, подъ страхомъ отлученія, уничтожены въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ (1). Но вышеозначенныя опредѣленія (освобожденія) не простираются на Вильгельма Ногарета, Райнальда Супино, Ѳому Мороло, Сціарру Колонну и другихъ, которые присутствовали при плѣненіи Бонифація и разграбленіи сокровищъ, а также на гражданъ Ананьи, относительно которыхъ будетъ опредѣлено, что слѣдуетъ, въ другой разъ".

Такимъ образомъ, Ногаретъ и остальные непосредственные участники въ Ананьйскихъ событіяхъ, не смотря на доказанную ими чистую и благую свою ревность, все-таки на первый разъ не удостоились освобожденія отъ отлучительныхъ сентенцій предшествовавшихъ папъ; „пятно ихъ безславія" пока еще представлялось неизладимымъ. Но уже въ другой буллѣ отъ того же самого числа (Licet Guillelmus de Nogareto) было объявлено: „Поелику Ногаретъ доказалъ свою невинность и удостовѣрилъ, что Бенедиктъ учинилъ ему несправедливость, то настоящій папа, по ходатайству Французскаго короля, разрѣшаетъ его ad cautelam отъ всѣхъ изданныхъ противъ него сентенцій, но также ad cautelam и налагаетъ на него эпитимію, именно, чтобы онъ принялъ участіе въ ближайшемъ крестовомъ походѣ и, если не сократитъ

(1) Не смотря на эту кассацію, все-таки сентенціи, конституціи и пр. Бонифація были сохранены потомству, какъ его приверженцами, такъ и противниками, и въ интересахъ совершенно противоположныхъ.

срокъ его эпитиміи настоящій папа или его преемникъ, обязывается и впредь постоянно служить на пользу св. Земли. До осуществленія же крестоваго похода обязанъ совершить извѣстныя поломничества (которыя точно обозначены въ буллѣ). Подобная же милость оказана и остальнымъ лицамъ, которыя исключены изъ общаго прощенія въ главной буллѣ; только расхитители церковнаго сокровища остались не прощенными.

16 октября 1311 г. былъ открытъ во Вьеннѣ соборъ, который паписты считаютъ XV вселенскимъ соборомъ. Было ли поднимаемо на этомъ соборѣ дѣло о Бонифаціи?—подлежитъ сомнѣнію; потому что Климентъ V ни словомъ не упомянулъ о немъ ни въ приглашительной буллѣ къ епископамъ, ни въ рѣчи, сказанной при открытіи засѣданій собора и перечисляющей предметы его занятій (предметы эти суть: a) дѣло Тампліеровъ; b) помощь св. Землѣ, и c) реформа нравовъ и въ особенности клира), и потому, что о немъ умалчиваютъ многіе изъ авторитетнѣйшихъ современныхъ ему писателей. На этомъ основаніи нѣкоторые изъ знаменитыхъ католическихъ историковъ (какъ, напр., Пагій, Боверъ) положительно отвергаютъ, чтобы дѣло о Бонифаціи было подвергаемо обсужденію на соборѣ. Но съ другой стороны представляется и то, что это дѣло слишкомъ важно для католической церкви и слишкомъ взволновало умы, чтобы соборъ могъ пройти его молчаніемъ. Къ тому же нѣкоторые изъ современныхъ ему писателей положительно увѣряютъ, что оно и поднимаемо было на соборѣ, и соборъ произнесъ объ немъ свой судъ. Къ этимъ писателямъ относятся: уже упоминаемый Флорентинскій историкъ Іоаннъ Виллани, Францъ-Пипинъ Болоньйскій и неизвѣстный авторъ одного Ватиканскаго манускрипта. Въ этомъ манускриптѣ помѣчено: actum est (во Вьеннѣ) de statu militiae Templorum, de facto Bonifacii VIII etc.; а Францъ-Пипинъ Болоньйскій говоритъ: послы Французскаго короля предъявили-было на соборѣ требованіе, что-

бы трупъ Бонифація былъ вырытъ и сожженъ, какъ трупъ еретика. Обстоятельнѣе извѣстіе Виллани: „Соборъ объявилъ, что Бонифацій былъ православнымъ и отнюдь не былъ еретикомъ, какъ утверждалъ Французскій король. Его защитили юридическими и богословскими основаніями въ присутствіи короля и его совѣтниковъ три кардинала: Ричардъ Сіенскій, Жентиль де-Монтефіоръ и Іоаннъ де-Мурронъ (Намуръ); а два Каталонскихъ рыцаря, Карокчіо и Вильгельмъ д'Эболь, вызывались мечемъ доказать его невинность. Французскій король и его союзники, видя свои планы обойденными, удовольствовались тѣмъ, что папа освободилъ короля въ одномъ декретѣ отъ всякой отвѣтственности относительно всего того, что онъ учинилъ противъ Бонифація и церкви". На основаніи всего этого большинство историковъ полагаютъ, что Вьеннскій соборъ поднималъ дѣло о Бонифаціи и рѣшилъ его въ удовлетворительномъ для папства смыслѣ. Что касается меня лично, то я не могу примкнуть къ этому послѣднему мнѣнію и скорѣе думаю, что дѣло о Бонифаціи дѣйствительно не было разсматриваемо на соборѣ. Показанія Франца-Пипина Болоньйскаго и Іоанна Виллани не выдерживаютъ критики. Требованіе, чтобы трупъ Бонифація былъ вырытъ и сожженъ, какъ трупъ еретика, никакъ не вытекаетъ изъ того, что выставили обвинители Бонифація въ своихъ обвинительныхъ противъ него актахъ и чего они домогались съ своимъ королемъ; напротивъ, это требованіе стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что и король и его союзники оправдывались даже въ намѣреніи нанести личное оскорбленіе Бонифацію и вопросъ этотъ, какъ видѣли, рѣшенъ Климентомъ въ этомъ именно смыслѣ. Такимъ образомъ, съ одной стороны—усиленное стремленіе оправдаться въ нанесеніи оскорбленія и потомъ новое оскорбительное требованіе — вырыть трупъ папы и сжечь его, и это послѣ того, какъ вопросъ этотъ уже рѣшенъ!? Немыслимо!... Виллани и

вообще тенденціозный писатель, чтобы ему можно было вѣрить безъ всякихъ оговорокъ; въ данномъ же случаѣ его тенденція выступаетъ еще ярче. Весьма невѣроятно, чтобы предъ совѣтниками короля можно было защитить Бонифація одними *юридическими основаніями*; процессъ показалъ, что совѣтники короля не менѣе были ловки въ изобрѣтеніи юридическихъ основаній, чѣмъ и защитники Бонифація. Богословскія основанія тутъ не при чемъ: обвинители Бонифація выставили противъ него серію *фактовъ* преступнаго характера. Защитники его не опровергали эти факты противопоставленіемъ имъ другихъ фактовъ противоположнаго свойства; они просто лишь утверждали, что обвинители Бонифація недостойны вѣры. Но, отрицая такимъ образомъ, они тѣмъ не менѣе внутренно не могли не сознавать силы обвиненія. Показаніе Виллани стоитъ въ противорѣчіи именно съ этою *фактическою* силою обвиненія. Далѣе, второе его показаніе, будто два Каталонскихъ рыцаря вызвались мечемъ доказать невинность Бонифація и Французы, предполагается, отказались отъ этого требованія, слишкомъ расчитано на тенденцію, что все де, взведенное на Бонифація, есть чистѣйшая клевета, продуктъ ненависти и злобы, такъ что и сами обвинители сознались въ этомъ, когда убоялись суда Божія, отказались рѣшить споръ оружіемъ.... Эта тенденція не только противорѣчитъ всему, доселѣ извѣстному ходу дѣла, но и положительно не совмѣстима съ Французскимъ понятіемъ о храбрости и чести. Такимъ образомъ, въ собственномъ смыслѣ нѣтъ историческихъ указаній на то, чтобы дѣло Бонифація было поднимаемо и рѣшено на Вьенньскомъ соборѣ. Не имѣетъ силы и то соображеніе, что оно слишкомъ возбудило и взволновало всю Римскую церковь. Возбужденіе шло главнымъ образомъ отъ короля. Климентъ видѣлъ единственное средство потушить его въ томъ главнымъ образомъ, чтобы вырвать его изъ рукъ короля и взять въ свои руки. Поэтому,

съ его стороны было бы очень рискованнымъ шагомъ — снова поднимать его на соборѣ, который по самому мѣсту своего пребыванія не могъ быть независимъ отъ Французскаго короля. На основаніи всего этого, наиболѣе вѣроятнымъ представляется то, что Климентъ, разъ взявши въ руки это дѣло, постарался замять его, иначе сказать — рѣшилъ его въ пользу Бонифація, не рѣшая. Въ этомъ смыслѣ уже его конвокаціонная булла отъ 13 сент. 1309 г. можетъ быть названа рѣшеніемъ.

Римскіе писатели прилагаютъ всѣ старанія, чтобы какъ нибудь оправдать память Бонифація, и причисляютъ его къ разряду великихъ папъ, державшихъ высоко знамя папства. Съ этою цѣлію они относятъ всѣ обвиненія, взведенныя на Бонифація и характеризующія его, какъ еретика и развратника, въ область басней и злобныхъ выдумокъ. Никто, думается, не будетъ отрицать, что есть въ этихъ обвиненіяхъ преувеличенія; но.... если сравнить ихъ съ тѣми обвиненіями и доказательствами на оныя, по которымъ были подвергаемы анаѳемѣ другія лица, не папы, то безъ малѣйшей погрѣшности и безъ всякаго преувеличенія слѣдуетъ сказать, что всякое другое лице всенепремѣнно не только было бы подвергнуто торжественной анаѳемѣ, но еще самымъ торжественнымъ образомъ и сожжено было бы. Одновременно поднятое Филиппомъ дѣло Тампліеровъ можетъ служить наилучшимъ доказательствомъ этого.

Итакъ, что же? Какой отвѣтъ получается изъ этого разсказа? — Примѣнительно къ вопросамъ, поставленнымъ въ началѣ рѣчи, мнѣ представляется слѣдующее: 1) Безспорно, папство извратило характеръ церковной власти; оно употребляло эту власть не къ совершенію святыхъ, не на дѣло служенія, не для созиданія тѣла Христова (Еф. 4, 12), а на устрашеніе непокорныхъ его несправедливымъ требованіямъ,

на служеніе своимъ мірскимъ интересамъ, на деспотическое подчиненіе всѣхъ своей власти, къ разрушенію тѣла Христова — истинной церкви. Поэтому освобожденіе государства и лица отъ его деспотизма явилось естественнымъ слѣдствіемъ. 2) Безспорно, папство построило свое всевластіе на извращеніи прямаго смысла Писанія, на разнаго рода вымыслахъ и подлогахъ, и выдало все это за подлинно церковное ученіе, воспитало въ такомъ образѣ мыслей цѣлые народы. Раскрытіе этихъ подлоговъ, естественно, должно было привести къ полному отрицанію и самой власти, на нихъ покоящейся. Съ этой стороны протестантизмъ можетъ быть названъ прямымъ отпрыскомъ папства. Вина протестантовъ въ отрицаніи Богоучрежденной церковной іерархіи прямо падаетъ на папство; ибо оно прежде всего лишило церковную власть подлиннаго ея характера, какой она должна имѣть по ученію І. Христа и Апостоловъ; оно ввело подлоги для обоснованія своего всевластія; такимъ образомъ оно прежде всѣхъ отвергло истинную церковную іерархію. 3) Вѣра, безспорно, представляетъ великую силу, даже въ томъ случаѣ, если она и ложна, не соотвѣтствуетъ истинѣ. Доставляя вѣрующему тотъ или другой идеалъ, она тѣмъ самымъ возбуждаетъ силы вѣрующаго, даетъ имъ энергію, укрѣпляетъ ихъ. Папство загрязнило вѣру Христову своими вымыслами, обезобразило ее своими схоластическими изворотами. Обнаруженіе этихъ вымысловъ, марающихъ вѣру, подорвало кредитъ и къ самой вѣрѣ. Культъ *знанія* явился прямымъ наслѣдникомъ обезображенной вѣры, которая безъ разсужденій вся цѣликомъ отнесена къ области суевѣрія. Разслабляющій раціонализмъ замѣнилъ идеалы вѣры. Служителю вѣры и представителю Христовой власти противопоставленъ служитель знанія, представитель власти разума—литтераторъ, профессоръ. Такимъ образомъ и съ этой стороны началомъ вины является опять-таки папство. 4) Когда такимъ образомъ пап-

ство утратило свой авторитетъ, какъ покоящійся на обманѣ и преслѣдующій деспотическо-эгоистическіе интересы, оно, понятно, и устранено было изъ совѣта державъ, на который оно предъявляло и продолжаетъ предъявлять право въ качествѣ выше всѣхъ ихъ стоящаго безпристрастнаго судіи, ибо этого-то именно безпристрастія и не было въ папскомъ авторитетѣ. Вмѣстѣ съ этимъ устраненъ и вообще авторитетъ церкви; ибо народы, признававшіе папство, давно потеряли изъ виду этотъ авторитетъ церкви; папство употребило всѣ мѣры, чтобы заслонить его собою. Такимъ образомъ религія и нравственность изгнаны изъ политики. Государство приняло языческій обликъ. Оно, какъ и папство, стало руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ соображеніями лишь разума о пользѣ для своей власти, о матеріальныхъ эгоистическихъ интересахъ и т. п., не пренебрегая при этомъ ни коварствомъ, ни насиліемъ, ни обманомъ, когда это, по его соображеніямъ, нужно. На ряду съ интересомъ государства противосталъ папству еще интересъ лица. Оно оскорбилось, что его столько вѣковъ обманнымъ образомъ держали въ рабствѣ, и увидѣло, что и оно на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ можетъ быть своего родѣ папою. Отсюда дерзкое высокомѣріе, гоньба за неосуществимымъ внѣшнимъ равенствомъ, стремленіе къ ниспроверженію существующихъ порядковъ, какъ построенныхъ на лжи и обманѣ, страсть къ революціямъ. Такъ отъятіе Апостольскаго характера отъ власти церкви, предназначенной къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова, и введеніе на мѣсто ея иной, деспотической власти, построенной на лжи и обманахъ, роковымъ образомъ приводитъ къ крушенію, къ отрицанію всего Богомъ установленнаго порядка. Папство никакими усиліями не можетъ сбросить съ себя и этой вины. 5) Если оно еще и имѣетъ приверженцевъ среди возставшихъ противъ него народовъ, то причина этого заключается не во вла-

сти ключей, которыя такъ обезображены имъ, а въ томъ, что оно выставляетъ себя борцомъ за имя Христово и за уставы созданной Христомъ церкви. Видя кругомъ поруганіе этихъ уставовъ и имени Христа Спасителя, вѣрующіе Запада и хватаются, по привычкѣ, за папство, какъ за якорь спасенія, игнорируя всѣ его подлоги, ложь, и пр. Такимъ образомъ, не власть ключей, превращенная папами въ деспотизмъ, служитъ охраною церкви, а, наоборотъ, само папство пока еще держится исповѣданіемъ имени Христова. Но долго ли продолжится этотъ обманъ? Что папство покоится на лжи и обманѣ, что власть его деспотическаго характера, что оно прегрѣшало, впадало въ ересь, производило расколы, практиковало самую безнравственную жизнь и пр., и было за это судимо, — все это — непререкаемые факты исторіи и отрицать ихъ — значитъ еще болѣе унижать себя, окончательно погрязать во злѣ. Папство принесетъ благо и себѣ и всему міру, если, отбросивъ гордость, сознается въ своихъ многочисленныхъ прегрѣшеніяхъ, откажется отъ своей упрямой quasi—послѣдовательности, которая въ сущности есть не болѣе, какъ отрицаніе самыхъ очевиднѣйшихъ истинъ и утвержденіе гордецомъ нелѣпицы, очиститъ себя отъ папистическихъ наростовъ, приметъ православіе каѳолической Восточной церкви и, вмѣсто властолюбивой и коварной деспотицы, явится чистымъ и любящимъ членовъ въ братскомъ союзѣ церквей единой вселенской Церкви.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
9 *сниз.*	4	по внушанію	по внушенію
18 —	2	quo ad	quoad
22 —	12	Силиціи,	Сициліи,
26 *сверх.*	18	справедливыми	справедливымъ
44 *сниз.*	16	бытъ	быть
69 —	12	requisito	requisitio
98 —	3	королями	королемъ
110 *сверх.*	1	Не прежде	Но прежде
116 *сниз.*	17	источники	историки